

Разсказъ о крымской войнѣ *).

(По Кинглеку).

Съ примѣчаніями.

Когда я началъ читать книгу Кинглека *The invasion of the Crimea*, я былъ увѣренъ, что найду въ ней много любопытнаго, но не ожидалъ, что она окажется заслуживающею того, чтобы близко ознакомить съ нею русскую публику.

Кинглекъ былъ близокъ къ лорду Раглану; самъ находился въ Крыму; уже въ то время задумалъ быть историкомъ этого похода; по смерти лорда Раглана, его супруга передала Кинглеку все бумаги своего мужа; это собраніе документовъ и корреспонденцій очень полно: лордъ Рагланъ былъ человѣкъ аккуратный и добросовѣстный. Кинглекъ увѣренъ, что въ переданной ему коллекціи сохранено все, отъ важнѣйшаго и секретнѣйшаго документа до ничтожнѣйшей записки, — рѣшительно все, что поступало въ канцелярію и кабинетъ англійскаго главнокомандующаго. Самъ Кинглекъ обращался съ вопросами ко всемъ лицамъ въ Англии, отъ которыхъ надѣялся получить поясненія по предмету своего труда; получилъ такимъ образомъ множество свѣдѣній, въ дѣльности и добросовѣстности которыхъ вполне убѣжденъ. Даже иностранцы доставляли ему много матеріаловъ; между прочимъ, французское правительство нарочно прислало въ Англію одного изъ лучшихъ офицеровъ французской арміи, чтобы дать всевозможныя полуофициальныя свѣдѣнія Кинглеку. Притомъ Кинглекъ одинъ изъ важныхъ людей торійской партіи; все свѣдѣнія, которыми располагали его политическіе друзья, были предоставлены въ его распоряженіе. Кроме того, англійскіе архивы не имѣли для него никакихъ секретовъ. Онъ одинъ изъ людей, имѣющихъ наиболѣе свѣдѣній по дипломатическимъ дѣламъ: часто лично онъ получалъ свѣдѣнія о такихъ фактахъ по континентальной политикѣ, которые еще были неизвѣстны даже англійскому министерству. Все это обѣщало, что его книга будетъ богата новыми и достовѣрными матеріалами.

Онъ считается однимъ изъ талантливыхъ англійскихъ писателей. Это обѣщало, что книга его будетъ хороша въ литературномъ отношеніи.

Но я очень мало расположенъ къ торійскому образу мыслей. Потому

*) *Примѣчаніе издателя:* Эта статья, также какъ и предыдущая (повѣсть „Алферьевъ“) и романъ „Что дѣлать?“, написана Н. Г. Чернышевскимъ въ 1863 г. въ крѣпости. Начало ея помѣчено 11 августа, а конецъ—6 сентября 1863 г. Болѣе крупнымъ шрифтомъ набранъ текстъ, принадлежащій моему отцу, и его примѣчанія; болѣе мелкимъ—переводъ Кинглека.

ожидалъ, что буду смѣяться надъ умствованіями Кинглека въ его исторіи, какъ смѣялся надъ ними въ его парламентскихъ рѣчахъ. Я ошибся. Въ парламентѣ Кинглекъ — тори, и только. Но, взявшись писать исторію, онъ очень добросовѣстно исполнилъ обязанность историка. Обязанность историка не въ томъ, чтобы, сядя за свой рабочій столъ, забывать свои убѣжденія, — пѣть, дѣлать это глупо и гадко, да и не удастся никогда сдѣлать этого. Но ученый въ своемъ кабинетѣ можетъ возвышаться надъ мимолетными интересами дня, господствующими надъ мыслью публициста или оратора, можетъ заботиться о томъ, чтобы не отвлекаться отъ общихъ, долговѣчныхъ интересовъ своей партіи, ради ея мелочныхъ обыденныхъ надобностей. Кинглекъ старался объ этомъ и мнѣ кажется, успѣлъ въ томъ до очень значительной степени. Онъ очевидно хотѣлъ, чтобы и чрезъ двадцать, и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ тори могли указывать на его книгу, какъ на трудъ, достойнымъ образомъ излагающій мнѣніе ихъ партіи. Эта забота очистила его мысль отъ мелочности, больше всего мѣшающей соглашенію добросовѣстныхъ людей всѣхъ партій въ обыденной житейской политической борьбѣ. Онъ остался тори, но такимъ тори, противъ котораго мало имѣлъ бы возраженій англичанинъ моего образа мыслей. Онъ остался англичаниномъ, но такимъ англичаниномъ, противъ котораго очень мало серьезныхъ возраженій можетъ имѣть серьезный русскій читатель.

Главная заслуга его, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ постарался взглянуть на крымскую войну съ полною серьезностью ученаго изслѣдователя, убѣжденнаго, что чѣмъ болѣе очищается истина, тѣмъ выгоднѣе для всѣхъ націй и всѣхъ партій, въ томъ числѣ и для партіи, которую онъ считаетъ наиболѣе основательною. Поэтому ему удалось понять причины и ходъ крымской войны въ такомъ видѣ, ближе котораго къ истинѣ не подхожу и я, хоть я человекъ другой націи, а главное — совершенно иныхъ политическихъ убѣждений, чѣмъ Кинглекъ.

Выскажу здѣсь главный выводъ того отдѣла его труда, который изданъ въ началѣ нынѣшняго года и съ которымъ я познакомлю теперь русскую публику. По обыкновенному взгляду дюжинныхъ статей и оффиціальныхъ документовъ, причины крымской войны выходятъ мелочны до забавности, до пошлости. Неудовлетворительность дѣла принуждаетъ искать на комъ бы сорвать досаду за него. Впяять интриганство Пальмерстона, или честолюбіе покойнаго русскаго государя, или зложелательность англійскаго посланника въ Константинополь, лорда Стратфорда, или ошибочность дѣйствій русскаго чрезвычайнаго посла къ портѣ оттоманской, князя Меншикова, или уступчивость Абердина и Росселя Пальмерстону, или уступчивость графа Нессельроде желаніямъ его государя и пр. „Они“ или „Онъ“ виноваты въ томъ, что вышла такая ужасная война изъ-за такихъ мелочей, — вотъ общій голосъ. Мнѣ онъ всегда казался нелѣпъ. Я и въ этомъ вопросѣ не хотѣлъ отречься отъ своего убѣжденія, что капризы и ошибки, страсти и недостатки отдѣльныхъ лицъ безсильны надъ ходомъ великихъ событій, что фактъ, подобный Севастопольской войнѣ, не могъ быть порожденъ или устраненъ волею отдѣльныхъ людей; что онъ — результатъ силъ, владѣющихъ умами громадныхъ массъ, результатъ убѣждений и стремленій націй и партій, а ближай-

шею прямою причиною его долженъ быть другой какой нибудь великій фактъ жизни европейскихъ націй, изъ котораго борьба Россіи съ передовыми державами Европы произошла столь же неотвратимо, какъ событія конца XVIII в. во Франціи изъ предшествующихъ фактовъ западно-европейской жизни, какъ страшное военное могущество Франціи въ началѣ XIX вѣка изъ этихъ событій конца XVIII в., какъ вторженіе западныхъ континентальныхъ военныхъ силъ подъ преобладаніемъ и руководствомъ военныхъ силъ Франціи въ 1812 году произошло изъ развитія страшнаго военного могущества во французской націи. Не Наполеонъ, не его маршалы, не русскіе противники ихъ представляются мнѣ главными силами, дѣйствовавшими въ этомъ фактѣ, называемомъ войною 1812 года. Я вижу тутъ извѣстное историческое положеніе французской націи, нѣмецкой націи, русской націи и отношенія, неотрапимо, неотвратимо возникающія изъ этихъ данныхъ положеній, и результаты, столь же неотвратимо возникающіе изъ этихъ данныхъ отношеній между данными силами.

Такъ я смотрѣлъ и на Севастопольскую войну и находилъ, что она— не болѣе, какъ одна изъ результатовъ, необходимо порождавшихся событіями, сосредоточивающимися въ страшномъ кризисѣ французской національной жизни съ ночи 1—2 декабря 1851 до начала 1852 года. Никто не отвергалъ никогда, что французскому правительству, извѣстному подъ именемъ правительства второй имперіи и прикрывающемуся именемъ Наполеона III, принадлежитъ очень большое участіе въ возбужденіи войны. Но мнѣ страшно и грустно было, слышать, какъ мелочно и легкомысленно понимается это участіе: пошлымъ, анекдотическимъ, мелодраматическимъ манеромъ, по которому Наполеонъ III есть великій хитрецъ, гений политическаго искусства, чуть ли не сочетаніе всѣхъ талантовъ Юлія Цезаря и Августа Цезаря въ одномъ лицѣ,— гений болѣе гениальный, чѣмъ даже его дядя, который уже самъ по себѣ превышалъ всѣхъ когда либо существовавшихъ великихъ людей своею гениальностью. Мнѣ всегда казалось иное. Я никогда не измѣнялъ тому взгляду на Наполеона III, несомнѣнность котораго была доказана всею его жизнію и дѣятельностью до ночи съ 1 на 2 декабря 1851 г., и когда я слышалъ дифирамбы негодующаго или восторженнаго поклоненія ему, мнѣ было смѣшно и досадно,— смѣшно, мнѣ представлялись буряты, поклоняющіеся разгнѣванному на однихъ, осыпающему своими милостями другихъ, маленькому пню, правда, обтесанному въ нѣчто сходное съ человѣческою фигурою, но все таки деревянному, бессмысленному и неподвижному. Гнусное идолопоклонство, вредное идолопоклонство, потому что идолопоклонники дурѣютъ и сами отъ этого поклоненія ничтожеству.

Но это ничтожество, этотъ фантомъ есть представитель извѣстнаго положенія французской націи. Представитель того періода ея жизни, когда она въ изнеможеніи отказалась на время отъ заботы о внутреннемъ своемъ развитіи и отдалась подъ власть безцвѣтнаго, грубаго насилія. Ясно было, что ея насиллователи должны придумать ей какія нибудь внѣшнія развлеченія, чтобы она поменьше думала о своемъ позорѣ и нашла себя связанною хоть чѣмъ нибудь съ своими насиллователями. Ясно было, что люди, которымъ нужно было дать Франціи роль тигрицы, прежде всѣхъ другихъ занятій порекомендуютъ ей по-

считаться съ тою медвѣдицею, которая когда-то погнала ее, полузамершую въ нашемъ климатѣ, черезъ всю Европу на ея родину за Рейнъ. Это было повятно всякому, умѣвшему понимать отношенія, существовавшія тогда между великими державами Европы. Но разсказъ объ этомъ будетъ предметомъ слѣдующей статьи, а теперь довольно будетъ высказать только ту часть моего взгляда на дѣло, который оправдывается частью книги Кинглека, вошедшею въ первую мою статью.

«Въ началѣ зимы 1851 г. Франція была еще республикою; но конституція 1847 года не имѣла корней во Франціи» (1), составилось общее мнѣніе, что

(1) Это правда, она не могла жить, потому что не удовлетворяла почти никого; она была странною амфибіей между республиканскимъ и монархическимъ устройствомъ: въ сущности дѣла президентъ имѣлъ власть болѣе обширную, чѣмъ прежній король, и гораздо болѣе эффектное по тогдашнему времени основаніе для этой власти: выборъ былъ въ глазахъ массы французовъ болѣе хорошимъ правомъ па довѣріе, чѣмъ наслѣдственность. На бумагѣ, эта черта французской конституціи казалась заимствованною изъ американской (президентъ избирается націею, а не законодательною властью; право назначенія министровъ принадлежитъ президенту); но по различію отношеній, на дѣлѣ выходило совершенно иное. Американцы имѣли привычку не давать никакой безотвѣтственности министрамъ; президентъ, ихъ назначающій и предсѣдательствующій въ ихъ совѣтѣ, былъ не болѣе, какъ повѣренный американцевъ. Насмѣшливо и утрировано, но очень ярко выставляется это отношеніе извѣстнымъ анекдотомъ о томъ, какъ какой-то честный портной или сапожникъ въ Вашингтонѣ шелъ по улицѣ, прогуливался, дѣлать ему было нечего; онъ шелъ мимо „Бѣлаго Дома“, въ которомъ живетъ президентъ, „дай заиду“—зашелъ, „зачѣмъ вы?“—спрашиваетъ его слуга, онъ сказалъ,—„пожалуйте“—слуга провелъ его по всѣмъ параднымъ комнатамъ, ремесленникъ очень внимательно осматривалъ мебель, и вышелъ изъ „Бѣлаго Дома“ успокоившись: онъ заходилъ посмотреть, не крадетъ ли, или не портитъ ли президентъ казенную мебель. Во Франціи привычки были не тѣ. Перенести слова американской конституціи во французскую, значить, перенести мебель изъ Бѣлаго Дома въ Тюльери. Мебель та же, но ея значеніе для посѣтителей будетъ другое: кресло будетъ стоять на мѣстѣ престола. — Надобно сказать, что изъ 1.200 членовъ конституціоннаго собранія, вотировавшаго конституцію 1848 г., 900 человекъ очень хорошо понимали это, но они были люди; одни изъ нихъ ошиблись въ выборѣ средства для достиженія своихъ цѣлей, другіе прежними ошибками отняли у себя возможность отвратить ошибку въ этомъ случаѣ. Собранія дѣлились по вопросу объ этой (статьѣ) чертѣ конституціи такимъ образомъ: около 600 голосовъ принадлежало людямъ, желавшимъ возобновленія монархіи; но республика была провозглашена еще такъ недавно, что въ ту пору (осень 1848 г.) невозможно было думать о попыткѣ воз-

становленія; надобно было сдѣлать отсрочку; да притомъ они и сами еще не поладили между собою, котораго изъ двухъ претендентовъ возстановить, — легитимистскаго или орлеанскаго; и поэтому также была нужна имъ отсрочка; а между тѣмъ, важно было, чтобы во время отсрочки сущность администраціи была согласна съ монархическими преданіями, т. е., чтобы самъ глава совѣта министровъ имѣлъ прямое самобытное значеніе въ глазахъ націи, для этого американская форма была удобна, нація прямо выбираетъ президента, онъ носитъ свой санъ независимо ни отъ кого. Около 300 человекъ изъ республиканцевъ (Кавеньякъ, Марра—Marrast) полагали, что нечего дѣлать, надобно принять американскую форму, что вѣроятность возстановленія монархіи гораздо меньше, чѣмъ возможность новаго, еще болѣе страшнаго возстанія, подобнаго ужасной іюньской рѣзні. Вотъ только эти 300 человекъ и ошибались тогда въ пониманіи положенія дѣла; они не замѣтили, что ударъ, нанесенный крайнимъ республиканцамъ вслѣдствіе іюньскаго пораженія республ. инсургентовъ, былъ слишкомъ тяжелъ, что крайніе республиканцы надолго стали безсильны. Но и эта ошибка была натуральна: ошибавшіеся сами нанесли этотъ ударъ, они еще не успѣли убѣдиться, что прежніе противники дѣйствительно стали безопасны для нихъ: какая армія ждетъ, что война кончается на другой день послѣ боя? — она еще долго все остерегается новыхъ попытокъ нападенія, содержитъ усиленные караулы, держится въ лагерномъ порядкѣ. Итакъ, эти 300 человекъ думали: „надобно еще принимать мѣры предосторожности противъ враговъ“; а главная мѣра предосторожности противъ новаго возстанія была, конечно, усиленіе значенія правительства и главы правительства въ глазахъ націи. Для этого американская форма была удобна, и они вотировали ее вмѣстѣ съ монархистами; и только они не замѣтили того, что форма, вотируемая ими, несообразна съ республиканскими учрежденіями при данномъ положеніи; остальные 300 республиканцевъ видѣли это, какъ видѣли монархисты, потому вотировали противъ. Они еще такъ недавно были во враждѣ съ другими 300 республиканцами, что не могли убѣдить ихъ въ искренности своего желанія мириться, а можетъ быть, еще и въ самомъ дѣлѣ считали дѣломъ возможнымъ скоро оправиться и возобновить борьбу; но по нежеланію ли умѣренныхъ республиканцевъ мириться съ ними, или потому, что недостаточно сами хлопотали объ этомъ, они были въ ту минуту безсильны въ собраніи. Вотъ сущность дѣла: 600 голосовъ было за американскую форму, какъ за полезную для возстановленія монархіи; 300 голосовъ было за нее, какъ за полезную для сохраненія тишины; эти 300 ошиблись, тѣ 600 въ сущности дѣла не ошиблись, но въ своихъ надеждахъ ошиблись; возстановилась не та монархія, какой они хотѣли.

Почему же было таково положеніе дѣлъ осенью 1848 года, что монархисты вотировали за республиканское учрежденіе, половина республиканцевъ за учрежденіе, требуемое монархистами? — Здѣсь было бы неумѣстно, длинно объяснять это, но сущность дѣла состояла въ томъ, въ чемъ теперь признаются разсудительныя люди обѣихъ боровшихся партій и cadaго изъ двухъ главныхъ отдѣловъ, боровшихся внутри каждой партіи: правительство орлеанской династіи надѣлало очень много ошибокъ и тѣмъ возстановило противъ

себя общественное мнѣніе. Республиканцы вздумали, что могутъ, пользуясь этимъ, низвергнуть монархическія учрежденія; легитимисты смотрѣли на нихъ съ удовольствіемъ, даже помогали имъ, думая совершенно справедливо: „низвергайте, пожалуйста, Луи-Филиппа, вы этимъ приведете только націю къ возведенію на престолъ государя изъ другой династіи, потому что французы еще не думаютъ о республиканскихъ учрежденіяхъ, а привычки у нихъ монархическія“. Это была совершенная правда; ошибались легитимисты только въ томъ, что думали: „единственный серьезный претендентъ—нашъ; въѣдъ бонапартистской партіи вовсе не существуетъ между политическими людьми“. Между политическими людьми, дѣйствительно, почти вовсе не было бонапартистовъ; легитимисты ошиблись только въ томъ, что не думали о равнодушій массы ко всякимъ политическимъ партіямъ, равнодушіе, которое существуетъ не только почти на всемъ континентѣ Европы (кромѣ развѣ Швейцаріи), но и въ самой Англій, гдѣ масса—нынѣ въ восторгѣ отъ Росселя, завтра восхищается Кобденомъ, послѣ-завтра—Робертомъ Пилемъ, а вообще знаетъ только „парламентъ—восхитительная вещь“ и „да здравствуетъ король“ (или королева), а что такое дѣлаетъ парламентъ, какое значеніе имѣетъ король, этого и въ Англій масса не знаетъ: ей некогда думать объ этомъ. Въ Англій политическіе люди, наученные долгимъ опытомъ, увидѣли всѣ, что время бороться противъ слова „парламентъ“ уже прошло, что время успѣшно бороться противъ титула „короля“ еще не настало; а династія и дворъ убѣдились, что политическіе люди дѣйствительно такъ думаютъ. Потому, по общему соглашенію династіи, двора и политическихъ людей всѣхъ партій, согласились оставить внѣ круга борьбы престолъ и парламентъ, не поднимать массу ни противъ того, ни противъ другого, потому что всѣ попытки къ этому кончались бы или уже неуспѣхомъ, или еще неуспѣхомъ. Потому въ Англій уже довольно давно все идетъ уже мирно и еще мирно. Но Франція занялась политической жизнью новаго направленія гораздо позднѣе Англій; у политическихъ людей и у двора Франціи еще нѣтъ столько опытности, чтобы дворъ убѣдился искренно въ невозможности бороться противъ парламентской формы; оттого, политическія партіи и принуждены безпрестанно обращаться къ крайнему напряженію силъ націи,—а масса націи, тоже еще неопытная, поддается на эти попытки,—то ловится на словѣ „республика“ и воображаетъ, что можетъ уже отбросить прежнюю привычку любить короля,—то ловится на словѣ „король“ и воображаетъ, что ненавидитъ республику, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мало понимаетъ, что такое за вещь республика, что такое монархія и какаѣ разниці между этими формами, и есть ли между ними какаѣянибудь разниці, въ самомъ дѣлѣ интересная для нея, французской націи. Итакъ, легитимисты думали поймать націю на словѣ республика, чтобы замѣнить государя одной династіи государемъ другой; а республиканцы все усердно работали въ пользу республики, но сами они стали замѣчать, что слово республика плоховато что-то интересуется народъ, кажется ему прѣсновато и непонятно; чѣмъ бы подправить его по народному вкусу?—думали, думали,—и рѣшили: подправить социальную теорією. Это было тѣмъ натуральнѣе, что почти всѣ республиканцы были не совѣтъ старовѣры въ поли-

тической экономіи: любили побраивать Мальтуса, кстати Адама Смита, кстати даже и Жанъ-Батиста Сэ и Мишеля Шезалье и Росси; но они занялись этимъ только между дѣломъ и отъ нечего дѣлать; это казалось имъ вещью не важною, и вотъ этою мелочью, по ихъ мнѣнію, они поладили съ социалистами. Соціаллисты, особенно Луи-Бланъ, бывшій въ 1846—47 годахъ главнымъ представителемъ въ публикѣ и у простолюдиновъ, какъ Эжень Сю—у парижскихъ швей повѣрили, что республиканцы очень сильно полюбили социализмъ, и принялись работать для возбужденія массы на пользу республиканцевъ, а республиканцы стали говорить тономъ социалистовъ. Парижскіе простолюдины знали, что такое социализмъ, но не знали опредѣленно, что такое республика; они не знали, что у нихъ во Франціи слово республика означаетъ вовсе не то, что въ Швейцаріи или Америкѣ, тамъ, что оно значить то, что во Франціи называется „парламентское правленіе“, по примѣру Англій; въ Англій это выраженіе „парламентское правленіе“ было принято въ концѣ XVII вѣка, чтобы кончить волненія полюбовною сдѣлкой. Теперь уже и сами англичане забыли это (т. е. и масса простого народа, и публики, и писателей,—забыла). Французы, съ голоса забывшихъ смыслъ своего слова англичанъ, тоже ошиблись, не сообразили, что нынѣшняя англійская форма отличается отъ нынѣшней швейцарской только именемъ, только титуломъ перваго правителя: въ Англій этотъ сановникъ называется—первый министръ, въ Швейцаріи президентъ республики; форма правленія одна и та же. Но, дѣйствительно, есть фактъ, соотвѣтствующій разницѣ названій: въ сторонѣ отъ настоящаго правительства (комитета, составляемаго изъ господствующей въ нижней палатѣ партіи, которому поручаетъ это дѣло партія;—лицо это—первый министръ, комитетъ—министерство, въ которомъ онъ предсѣдатель), въ сторонѣ отъ этого правительства въ Англій стоитъ дворъ, центръ котораго—династія. Дворъ не имѣетъ силы вмѣшиваться въ управленіе государствомъ, онъ видѣлъ уже очень давно, что безсиленъ противъ парламента, т. е. въ сущности противъ нижней палаты, которая безусловно проводитъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ свою волю, допуская верхнюю палату только быть своею совѣтницею, пока остается сама холодна, но какъ только въ нижней палатѣ большинство одной партіи надъ другой твердо, и какъ только большинство горячо хочеть чего нибудь, верхняя палата отступается отъ своихъ совѣтовъ и соглашается на все, чтобы не возбуждать серьезной борьбы, въ которой, какъ сама знаетъ, погибла бы. Будучи убѣждена въ томъ, что верхняя палата не служить и не желаетъ служить серьезнымъ ограниченіемъ ея власти, нижняя палата оставляетъ ее существовать, какъ безвредную для себя въ сущности, чтобы не волновать массу напрасной борьбой. Точно такъ, обѣ палаты вмѣстѣ оставляють существовать дворъ, который не служитъ серьезнымъ ограниченіемъ власти парламента и комитета (министерства), управляющаго дѣлами по порученію нижней палаты. Въ Швейцаріи нѣтъ ни палаты перовъ, ни двора; отъ этого сущность дѣла очевиднѣе, чѣмъ въ Англій; но и тамъ и здѣсь, она одна и та же. Какую же форму должно принять стремленіе Франціи къ такому управленію, какъ въ Англій и Швейцаріи: сохранится ли дворъ и палата перовъ, какъ въ Англій, устранился ли? Тутъ былъ споръ не изъ-за сущности дѣла,

но только изъ-за вѣшняго вида его, но споръ очень горячій. Искренніе приверженцы парламентскаго управленія съ сохраненіемъ англійскихъ формъ (династическая оппозиція, т. е. оппозиція, желавшая сохранить орлеанскую династію, но не одобрявшая системы управленія, по которой Луи-Филиппъ имѣлъ очень большую дѣйствительную власть, какой вовсе не имѣетъ въ Англии царствующее лицо) не могли поладить съ республиканцами. Это и было едва ли не главною причиною всѣхъ волненій, междоусобицъ и переворотовъ, начавшихся въ 1847 году агитаціею противъ высокаго ценза (династическая оппозиція) имѣвшею своимъ предводителемъ Одилона Барро, началось это движеніе при помощи всѣхъ другихъ недовольныхъ; когда оно разгорячило умы, то по всегдшнему закону стало переходить подъ руководство людей болѣе смѣлыхъ республиканцевъ; неосторожное рѣшеніе Луи-Филиппа и Гизо дѣйствовать силою вмѣсто того, чтобы успокоить броженіе уступкою, произвело февральскій взрывъ; это былъ довольно ранній періодъ агитаціи, характеръ ея предводителей не опредѣлился, публика видѣла всѣхъ недовольныхъ королемъ, созывающимъ ее на борьбу—противъ чего? публика не успѣла еще разобрать претивъ ли министерства Гизо, или противъ всей системы управленія Луи-Филиппа, или противъ англійскихъ учреждений, или противъ еще чего вибудь другого? Публика не могла разобрать 25-го февраля, кто же побѣдилъ 24-го февраля; но побѣда была рѣшена битвою, бойцами была парижскіе работники, нельзя было не уважить ихъ, потому провозглашена была республика; а въ собраніе, которому было поручено устроить республиканскій порядокъ, попали безъ разбора всѣ, кто прежде вооружался противъ низвергнутаго правительства: человекъ 300 легитимистовъ, человекъ 300 бывшей династической оппозиціи (орлеанисты), человекъ 300 умѣренныхъ республиканцевъ, которые желали только парламентскаго правленія съ устраненіемъ двора, и человекъ 300 представителей радикальныхъ тенденцій грамотной части простонародья (красные и социалисты). Отъ этого и республика, и конституція вышли неудобноисполнительныя ни для кого.

страна была застигнута врасплохъ революціею 1848 года, была врасплохъ принуждена объявить себя республикою, что монархическая система правленія единственно удобная для Франціи. Чувство тревожности, происходившее изъ этого мнѣнія, соединялось съ ужасающею боязнью возстаній, подобныхъ тѣмъ, какія, три съ половиною года тому назадъ, наполняли улицы сценами кровопролитія. Людямъ наблюдательнымъ и людямъ боязливымъ казалось, что уже недалекъ и часъ неизбѣжнаго возвращенія анархіи, что онъ опредѣленъ самою конституціею, требовавшею, чтобы весною слѣдующаго года былъ назначенъ новый президентъ; что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и характерѣ французской націи, это дѣло не обойдется мирно, что долгое ожиданіе опасности раздражить нервы людей; а французы въ такихъ случаяхъ стремительно бросаются впередъ или отступаютъ,—труднѣе всего имъ хладнокровно стоять, или идти ровнымъ шагомъ, стройно.

Вообще, Франція находила, что лучше всего—вновь мирно выбрать тогдашняго президента, не смотря на правило конституціи, запрещающее это (2); огромное большинство законодательнаго собранія слѣдовало этому мнѣнію, но его желаніе не могло

(2) Въ американской конституціи нѣтъ правила, запрещающаго вновь выбирать прежняго президента. Но республиканцы, вотировавшіе вмѣстѣ съ монархистами, понимали, чего хотятъ монархисты, потому монархисты и должны

были едѣлать имъ эту уступку, чтобы сохранить ихъ голоса: республиканцы ждали, когда вотировали конституцію, что монархисты будутъ имѣть кандидатами на президентство кого нибудь изъ своихъ, и хотѣли помѣшать неопредѣленному продленію власти монархическаго президента, еслибъ онъ былъ выбранъ.

получить силы закона, потому что не имѣло за себя три четвертыхъ доли всего числа голосовъ, а республиканская конституція 1848 года неблагоприятно постановляла, что перемѣны въ ней не могутъ быть производимы иначе, какъ рѣшеніемъ большинства трехъ четвертей голосовъ (3). Дѣйствіе политическаго организма за-

(3) Такія условія дѣйствительно неблагоприятны. Если большинство законодательнаго собранія разсудительно, оно само удержится отъ опрометчивыхъ дѣйствій; если же оно неразсудительно, никакія ограниченія не дадутъ благоразумія людямъ, распоряжающимся дѣлами, т.-е. все-таки тому же большинству. Тогдашнее законодательное собраніе состояло болѣе чѣмъ на двѣ трети изъ монархистовъ и приверженцевъ президента, хотѣвшихъ измѣнить это правило. Но остальные были республиканцы; еслибъ они предвидѣли, что выйдетъ, они уступили бы; но они думали, что на президентскихъ выборахъ имъ удастся провести своего кандидата, если тогдашній президентъ не будетъ въ числѣ кандидатовъ. И монархисты, и республиканцы, какъ видимъ теперь, ошиблись. Правило именно потому и было вставлено въ конституцію 1848 г., что республиканцы тогдашняго собранія (1848 г.) ждали, что въ слѣдующемъ собраніи монархисты будутъ имѣть большинство. А когда оба отдѣла республиканской партіи въ собраніи 1848 г. соединились, они имѣли большинство, потому что къ нимъ присоединялись тѣ изъ монархистовъ, которые не желали тогда рѣшительной борьбы или по любви къ спокойствію, или по расчету, что выгоднѣе отложить ее. Парламентское большинство въ сущности не можетъ быть связываемо ничѣмъ, кромѣ своего благоразумія, или безсилія самого парламента. Въ Англии veto верхней палаты примѣняется, какъ мы сказали, лишь къ мелкимъ случаямъ; королевское veto—вовсе не примѣняется на дѣлѣ, оно остается лишь на бумагѣ. Но такъ какъ въ Англии уже нѣтъ и еще нѣтъ такихъ вопросовъ, изъ за которыхъ та или другая партія готовы были идти на смертный бой, то обѣ онѣ, которая бы ни была въ большинствѣ, дѣйствуютъ не слишкомъ горячась. Напрасно приписывать это „благоразумію“ англійской природы, это просто особенность положенія историческаго періода, не болѣе, какъ симптомъ извѣстнаго положенія дѣлъ по вопросамъ внутренней политики. По иностраннымъ дѣламъ нижняя палата часто горячится очень сильно, но тутъ вѣдь уже обѣ партіи сближаются сильно по сущности дѣла.

труднялось этою стѣснительною задержкою, и многіе, вообще наклонные уважать законность были принуждены признавать, что конституцію надобно передѣлать безъ уваженія къ ея условіямъ. Но республика была еще далека отъ серьезныхъ взрывовъ. Законъ сохранялъ свою силу, и рѣшимость поддерживать порядокъ, во что бы то ни стало, была такъ сильна, что собраніе вручило президенту власть объявлять находящимся на военномъ положеніи тѣ департаменты, которые покажутся подвергающимися опасности смуты (4). Борьба, шедшая въ собраніи, была незначительна въ

(4) Монархисты законодательнаго собранія продолжали считать опаснѣйшими своими врагами республиканцевъ, а президента менѣе опаснымъ, и притомъ такимъ, котораго могутъ они уничтожить даже безъ борьбы, при первомъ серьезномъ покушеніи его противъ существующаго порядка, потому что они думали въ такомъ случаѣ соединиться противъ президента съ республиканцами; они полагали, что самъ по себѣ онъ ничего не значитъ, что онъ только намѣстникъ, поддерживаемый ими въ ожиданіи, пока имъ придетъ время открыто поставить своего президента на его мѣсто.

глазахъ военныхъ людей или любителей деспотической рѣшимости и крутости; но она показывала скорѣе признаки здоровья, чѣмъ опасности для государства. Приверженцы Луи-Наполеона утверждали, будто бы дѣйствія правительства стѣснялись враждебными ему рѣшеніями законодательнаго собранія или рѣчами; это неправда. Еще большая клевета то, что собраніе занималось составленіемъ умысловъ противъ президента (5). Армія вспоминая свое униженіе въ 1848 году, была въ

(5) Дѣйствительно, это чистая неправда. Собраніе избѣгало всякой борьбы съ президентомъ, опасаясь, что если раздражить его, онъ обернется къ республиканцамъ; онъ и точно постоянно дѣлалъ нѣкоторыя попытки этого, думая, не согласятся ли республиканцы на продленіе его власти, если онъ возьметъ министровъ изъ ихъ партій, т. е. отдастъ управленіе дѣлами въ ихъ руки, но лишь бы сохранить за собою первое мѣсто въ государствѣ; по какой системѣ управлять государствомъ—ему все равно, лишь бы считаться первымъ по почету лицомъ. Онъ не имѣлъ политическихъ убѣжденій, кромѣ одного, что онъ долженъ быть главою французской державы. Но дѣло въ томъ, что дѣйствительно монархисты оставляли его на мѣстѣ не для него, а для себя, они не дѣйствовали противъ него, но вели дѣла къ тому, чтобы поскорѣе пришла возможность замѣнить этого повѣреннаго или президентомъ монархической партіи, или и прямо королемъ.

досадѣ на народъ, рада была воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ дѣйствовать противъ него (6); но не было ни одного генерала съ репутаціею, кото-

(6) Въ арміи тогда и состояла конечно сущность дѣла. Но армія стала за президента не по этому чувству, которое было слабо, да и то было возбуждено лишь искусственнымъ образомъ. Важность заключается въ томъ, что по самому характеру военной дисциплины, армія обязана исполнять команду, какую бы ни получила; итакъ, слѣдовало лишь замѣнить однихъ командировъ другими, и армія стрѣляла въ какую угодно сторону; положеніе солдата въ строю таково, что онъ не можетъ поступать иначе. Пока Шангарнье былъ главнокомандующимъ, монархистамъ нечего было бояться арміи. Главная ошибка монархистовъ была въ томъ, что они дали Луи-Наполеону волю выдвинуть въ командиры людей, не бывшихъ монархистами; этими назначеніями дѣло было рѣшено, если монархисты не пошлютъ своихъ генераловъ принять команду надъ войсками прежде, чѣмъ войска будутъ поставлены въ строй. Войско въ строю—не больше, какъ машина, дѣйствующая штыками, палашиами, пулями и ядрами. За тѣмъ оно и устраивается; чѣмъ

ближе подходить оно къ этому идеалу, тѣмъ оно лучше. Въ отличной арміи два полка будутъ сражаться одинъ съ другимъ, какъ гладіаторы.

рый согласился бы сдѣлать выстрѣлъ, не имѣя на то приказа отъ военнаго министра, по тогдашнему закону, единственнаго человѣка, который могъ давать уполномочіе на это (7).

(7) Подпись президента, по закону, не имѣла никакой силы безъ контрассигнировки министра.

Но президентомъ республики былъ принцъ Шарль Луи-Наполеонъ Бонапарте считавшій себя, по сенатусъ консульту 1804 года, законнымъ наслѣдникомъ императора французовъ. Выборы, сдѣлавшіе его главою государства, были ведены (при управленіи умѣреннаго республиканца Кавеньяка, его соперника по кандидатству на президентство) со строгимъ безпристрастіемъ, а онъ въ прежнее время два раза дѣлалъ попытку сѣсть на французскій престолъ, потому онъ имѣлъ право заключать, что милліоны гражданъ, избравшихъ его на президентство, хотятъ воспользоваться его честолюбіемъ для возстановленія монархической формы правленія во Франціи (8).

(8) Это и правда. Масса искренно подавала голосъ за него, но не потому, что была за него, а потому, что была тогда на сторонѣ его покровителей, монархистовъ, какъ за полгода передъ тѣмъ была на сторонѣ республиканцевъ; кого бы ни рекомендовали ей тогда монархисты, она выбрала бы всякаго; и Шапгарнье, и всякаго другого; но счастье Луи-Наполеона было въ томъ, что монархисты не успѣли сойтись ни на какомъ другомъ кандидатѣ: легитимисты не соглашались на орлеанистскихъ кандидатахъ, орлеанисты на легитимистскихъ; нейтральнаго не нашлось никого, кромѣ него; на него сильнѣе всѣхъ указывалъ Тьеръ; указывалъ также Эмиль Жирарденъ; покровительство Тьера было главною опорою его счастья; содѣйствіе Эмиля Жирардена было полезно потому, что Жирарденъ, журналистъ необыкновенно даровитый, не имѣлъ себѣ соперниковъ между людьми, занимавшимися политическою полемикой; газета Жирардена, „Presse“, была тогда наиболѣе читаемою и любимую, она отняла сотни тысячъ, если не два-три милліона голосовъ у Кавеньяка. Жирарденъ былъ равнодушенъ къ вопросу о монархической, или республиканской формѣ правленія. Человѣкъ вполне практическій, онъ видѣлъ безсиліе умѣренныхъ республиканцевъ сдѣлать что нибудь, видѣлъ, что надобно сдѣлать что нибудь для успокоенія Франціи,—думалъ, что всякое твердое правительство займется реформами; истинно полезными, потому говорилъ: не надобно колебаться, надобно отдать власть или монархистамъ, или крайнимъ республиканцамъ, кому нибудь, для него было все равно, только отдать ее въ руки людей съ опредѣленными планами реформъ. Онъ думалъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, и монархисты должны будутъ дѣлать широкія реформы; крайніе республиканцы были поражены тогда іюньскимъ ударомъ; потому онъ сталъ за монархистовъ и могущественно поддерживалъ ихъ кандидата. Послѣ онъ также увидѣлъ, что ошибся,—увидѣлъ очень скоро, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выборовъ, но уже было поздно. Никто не повредилъ кандидатству Кавеньяка столько, какъ онъ.

«Но если онъ успѣлъ выказать свое честолюбіе, которое, можно сказать, было наложено на него обстоятельствами, онъ остался—и это было счастьемъ для него,—

извѣстенъ за человѣка, бѣднаго умомъ. Во Франціи тогда вообще считали его тупымъ. Когда онъ говорилъ, ходъ его мыслей былъ вялъ; черты его лица были пошлы; онъ много учился и думалъ, но его сочиненія не выказали въ немъ свѣтлаго ума, хотя онъ очень усердно обрабатывалъ ихъ. Даже его приключенія не придали ему интересности, какую обыкновенно пріобрѣтаютъ авантюристы. Когда онъ жилъ въ Лондонѣ, тѣ лондонцы, которые любили собирать у себя людей съ извѣстностью, никогда не представляли его своимъ друзьямъ, какъ серьезнаго претендента на престолъ, а представляли какъ будто какого нибудь аэронавта, который два раза падалъ съ своего воздушнаго шара, и все-таки остался—хоть до вѣкоторой степени—живъ и здоровъ. Онъ полюбилъ англійскія привычки, сталъ хорошимъ цесовымъ охотникомъ, любителемъ конскихъ скачекъ. Онъ былъ любезенъ, общителенъ, мягокъ и веселъ, и довольно охотно говорилъ о своихъ видахъ на французскій престолъ съ афоризмами о своемъ «предначертаніи» онъ обращался, очевидно по политическому расчету, къ случайнымъ знакомымъ; но съ своими близкими друзьями онъ говорилъ языкомъ практическаго претендента на императорскій престолъ.

«Мнѣніе, составившееся о немъ во времена его изгнанія, мало измѣнилось и по его возвращеніи во Францію; въ національномъ собраніи его видѣли человѣкомъ, не имѣющимъ большого ума, и потому считали его безвреднымъ, а на президентскомъ креслѣ онъ вообще казался вялымъ. Но была горсть людей, издавна имѣвшихъ увѣренность, что онъ человѣкъ способный, а въ послѣднее время наблюдательные люди замѣчали, что между тѣми изъ официальныхъ документовъ, которые, какъ было извѣстно, писалъ самъ президентъ, по временамъ являются такіе, которые вовсе не бѣдны мыслию и показываютъ, что человѣкъ, писавшій ихъ, отдѣляя себя отъ націи, главою которой былъ, умѣетъ разсматривать ее какъ предметъ холоднаго наблюденія. Долго безконечно изучая сочиненія Наполеона I, онъ пріобрѣлъ манеру и привычку своего дяди смотрѣть свысока на французскій народъ, считать его просто матеріаломъ пзученіемъ и управленіемъ котораго занимается чужой этому матеріалу умъ. Въ долгіе періоды его тюремнаго заключенія и изгнанія, отношенія между нимъ и Франціею которую изучалъ онъ, были очень похожи на отношенія между анатомомъ и трупомъ. Онъ читалъ лекціи о немъ, онъ расфкалъ его по суставамъ; онъ объяснялъ ихъ отправления; онъ показывалъ, какъ дивно природа, въ своей безконечной мудрости, приспособила это тѣло на службу династіи Бонапарте, и какъ безъ попечительности этихъ Бонапарте оно истлѣетъ и исчезнетъ изъ міра.

«Если его умъ былъ менѣе, чѣмъ какой предполагался въ немъ во время англо-французскаго союза, онъ гораздо выше той тупой ограниченности, какую приписывали ему въ прежнее время, начиная съ 1836 года до конца 1851 г. Люди долго не могли признать ловкости этого ума потому, что наука, надъ которой онъ работалъ, имѣла отталкивающій характеръ. И до него было много людей, унижавшихъ себя до внесенія обмана въ политику; еще больше людей, трудившихся на менѣе возвышенномъ поприщѣ, прилагали свою ловкость къ дѣламъ, занимающимъ собою суды исправительной полиціи и уголовные; но едва ли кто изъ людей нашего поколѣвія, кромѣ принца Луи-Бонапарте, проводилъ въ трудолюбивой юности и въ серьезной молодости цѣлыя часы и часы, придумывая, какъ примѣнять плутовство къ юридической наукѣ. Очень можетъ быть, что не врожденная низость была причиною такого направленія его ума. Наклонность долго, долго сидѣть надъ обдумываніемъ плана для достиженія цѣли была точно уже въ самой натурѣ его; но изъ этого еще не слѣдуетъ что отъ самой природы получилъ онъ склонность думать именно надъ тѣмъ, какъ дѣлать законъ орудіемъ обмана; родство дало ему эту склонность,—оно уже несомнѣнно дало ее, если не дала натура. Правда, онъ могъ бы, если бы былъ человѣкъ твердый, отвергнуть указаніе, данное ему случайностью того, что онъ родился именно въ фамиліи Бонапарте; но могъ бы лишь тогда, когда рѣшился бы остаться частнымъ человѣкомъ. А когда онъ рѣшилъ быть претендентомъ на императорскій престолъ, то разумѣется, ему надобно стало обдумывать, какимъ же образомъ грубое Бонапартовское иго 1804 года можетъ быть передѣлано такъ, чтобы мягко положить на шею Франціи. Франція—европейская держава, а иго въ сущности было

такое, какое монголы положили на китайцев,—изъ этого слѣдовало, что требуемая передѣлка должна быть просто поддѣлкою, плутовствомъ.

«И такъ отъ требованія своего наслѣдственнаго притязанія скорѣе, чѣмъ отъ врожденной испорченности сердца, принцъ Луи-Наполеонъ сталъ обманщикомъ по ремеслу; ждаты отъ него, чтобы онъ былъ не вѣроломъ предъ Франціею, не отказываясь совершенно отъ своихъ претензій, было рѣшительною несообразностью.

«Цѣлые годы принцъ изучалъ это странное ремесло и, усердно занимаясь, сталъ очень искусенъ въ немъ. Задолго передъ тѣмъ, когда пришла ему возможность примѣнить къ дѣлу его крючковатое ремесло, онъ уже научился тому, но какими правилами составляется конституція, которая на словахъ устанавливаетъ бы одно, а на дѣлѣ другое. Онъ научился, какъ употреблять, на примѣръ, слово «судъ присяжныхъ» въ законахъ, отмѣняющихъ его; умѣлъ дѣлать ловушки изъ слова «вотированіе безъ ценса» (suffrage universel), зналъ, какъ удушить націю ночью посредствомъ фокуса, называемаго плебисцитомъ (9).

(9) Все это правда. Но всего этого было бы мало, успѣхъ былъ просто насильно взваленъ на плечи «резиденту» силою хода обстоятельствъ; точно такъ и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ бы на его мѣстѣ и всякій другой политическій авантюристъ, глупый или умный все равно, лишь бы человекъ, не служащій какому-нибудь опредѣленному убѣжденію, а думающій только о томъ, чтобы захватить побольше власти. Тутъ совершалась во Франціи извѣстная басня, — и нѣсколько разъ, и при послѣднемъ разѣ шла въ присутствіи Луи-Наполеона, прежде присутствовали другіе, и поступали также. Басня вотъ какая: левъ и медвѣдь поймали оленя общими трудами; поймавши, разодрались изъ за раздѣла добычи; оба они звѣри почти равносильные, потому бой былъ почти равно тяжелъ для обоихъ; они оба перебранились и изнурились,—медвѣдь былъ побѣжденъ; но левъ остался едва живъ, и не могъ ничего сдѣлать противъ лисицы, которая спокойно пришла, сѣла и стала кушать оленя предъ глазами неподвижнаго льва. Напрасно басня говоритъ, что это была именно лисица, такъ же успѣшно и спокойно могъ бы кушать очень не сильный передъ здоровымъ львомъ или медвѣдемъ всякій звѣрь, лишь бы имѣлъ влеченіе къ мясной пищѣ и привелось ему проходить по сосѣдству: волкъ, шакалъ, собака,—все равно, большой хитрости не требуется. Хитрость будто только въ томъ, чтобы дождаться безопаснаго времени, потому что, сунься этотъ слабый звѣрь одною минутою раньше, левъ и медвѣдь бросили бы (хоть на минуту) драку и растерзали посторонняго посѣтителя; но это ожиданіе вѣдь не отъ хитрости,—оно просто отъ сознанія своей слабости передъ борющимися: какъ сунется, когда жилы дрожать отъ страха, ноги не двигаются? Страшно, ревъ идетъ ужасный; ревъ утихъ, раздается глухой хрипъ побѣжденнаго, слабые стоны побѣдителя, ноги зрителя идутъ впередъ, потому что жилы его перестали дрожать, а вкусный видъ оленьяго мяса уже давно тянулъ къ себѣ его аппетитъ. Эта пьеса нѣсколько разъ повторилась во Франціи въ бурное время 1847 (конца) — 1851 (до конца) года. Два отдѣла орлеанистовъ (Гизотовскій и Тьеровскій) пошли на смертный бой изъ за власти; когда оба отдѣлали другъ друга такъ, что французы подумали: тѣ и другіе никуда не годятся, негодян, — то пришли республиканцы и взяли власть (февральская революція). Очень слабые до февральской революціи, республиканцы стали

дѣйствительно очень сильны, когда успѣли взять власть; во Франціи всегда такъ: масса народа любитъ спокойствіе, если какая нибудь рука, благодаря случаю, захватитъ команду надъ арміею, желѣзными дорогами и телеграфомъ, народъ думаетъ: „а Богъ съ ними, пусть управляютъ, какъ хотятъ, въдымы то, по совѣсти говоря передъ самими собою, этихъ ихъ дѣлъ не понимаемъ, изъ за чего тамъ они спорятъ въ палатѣ и въ газетахъ, хоть и говоримъ другимъ, что понимаемъ, — чортъ ихъ разберетъ, а любопытно послушать и почитать, потому что занимательно, какъ романъ, — такъ и пусть себѣ управляютъ, лишь бы не мѣшали намъ заниматься нашими серьезными дѣлами: пахать землю, работать на фабрикахъ, заводахъ, торговать, быть фабрикантами, помѣщиками, — намъ, пахарямъ и землевладѣльцамъ, фабричнымъ и фабрикантамъ, мелкимъ лавочникамъ и негодянтамъ, не хочется ссориться съ арміею, полиціею и всѣмъ чиновничествомъ изъ за формы правленія; пусть себѣ управляютъ, лишь бы былъ порядокъ, безъ котораго намъ нельзя заниматься дѣлами“. И такъ, если бы сами республиканцы не подняли новаго шума ссорою между собою, сидѣли бы они правителями; но два ихъ отдѣла, красные и умѣренные, поссорились и отдѣлали другъ друга (теперь ужь не на однихъ словахъ, а и оружіемъ на улицахъ Парижа), такъ что одинъ изъ соперниковъ (красные, социалисты) остался на мѣстѣ за-мертво, другой (умѣренные республиканцы) тотчасъ послѣ побѣды тоже повалился, истекая кровью (ужасная трехдневная іюньская битва 1848 г., — такая, что со времени Ватерлооской до сихъ поръ едва ли была столь кровопролитная и ожесточенная, кромѣ главнаго севастопольскаго штурма. Число убитыхъ, конечно, неизвѣстно: дрались въдь не одни состоявшіе въ спискахъ полковыхъ штабовъ или въ спискахъ красныхъ клубовъ, — дрались всякіе люди, и женщины и дѣти, пули поражали всѣхъ, отъ архіепископа, тоже убитаго пулею, до малютокъ, — кто считалъ? — кто можетъ сосчитать? — по числу убитыхъ было едва ли меньше, чѣмъ потомъ при Маджентѣ или Сольферино, а вѣроятно больше). И такъ, республиканцы сами перебили себя; пришли монархисты и взяли власть (выборы президента; Луи-Наполеонъ выбранъ какъ повѣренный монархистовъ); министры — монархисты; начальствуютъ арміею — монархисты; истинный повелитель Франціи — повѣренный монархистовъ, генераль Шангарнье, главнокомандующій арміею въ Парижѣ и со-сѣднихъ департаментовъ и національною гвардіею Парижа и этихъ департаментовъ (1-го военного округа); онъ можетъ по первому слову своихъ повѣрителей, монархистовъ, арестовать президента; это для Шангарнье такъ же легко, какъ отправить на гауптвахту провинившагося ротнаго командира. Но монархисты ссорятся, — шумъ опять только на словахъ, потому что въ іюнь бойцы на военномъ оружіи перебиты; на словахъ ссоры тянутся долго, потому эта ссора идетъ долго; легитимисты думаютъ: „Шангарнье чуть ли не орлеанистъ; не смѣнить ли его?“ Орлеанисты думаютъ: „Шангарнье чуть ли не легитимистъ, — не смѣнить ли его?“ (а Шангарнье — просто человѣкъ, желающій восстановленія королевской власти, т. е. правленія, какое было съ 1815 до 1848 г.; ему все равно, орлеанисты или легитимисты будутъ управлять). И такъ оба отдѣла монархистовъ говорятъ: смѣнить Шангарнье. Смѣняютъ. Безъ Шангарнье остаются командирами генералы, готовые служить,

пожалуй, и президенту; они идутъ къ нему и говорятъ: „не угодно ли принять власть, — мы полагаемъ, что при васъ намъ будетъ лучше служба, чѣмъ при монархистахъ, когда намъ загораживали дорогу люди, исключительно преданные монархическому порядку, — между тѣмъ какъ для насъ всякій порядокъ хорошъ, лишь бы былъ порядокъ и было бы служащимъ людямъ хорошее повышеніе по службѣ, — принимайте-ка власть; мы люди простые, военные, этихъ формъ не знаемъ, какъ онѣ устриваются, — такъ форму устройте вы“. — „Хорошо“, говоритъ президентъ, назначаетъ своихъ людей на главныя мѣста по командованію войсками и полиціею — и дѣло сдѣлано, — тогда происходитъ и эффектная развязка (2 декабря 1851 г.). Что тутъ хитраго? Дѣло простое. Сначала приходятъ монархисты и говорятъ: возьмите-ка покуда титулъ президента. — „Хорошо-съ“, отвѣчаетъ Луи-Наполеонъ. Потомъ приходятъ генералы и говорятъ: „возьмите-ка кетати ужъ и власть президента или императора, вѣдь это все равно“. — „Очень благодаренъ“, говоритъ Луи-Наполеонъ. И не по его хитростямъ приходили къ нему, хоть онъ и хитрилъ, — хитрость была видна почти всеѣмъ, насквозь, а потому, что не къ кому было придти, кромѣ какъ къ нему.

Адвокатская изворотливость, которую онъ приобрѣлъ для юридическихъ работъ, разумѣется могла быть примѣнена къ составленію государственныхъ бумагъ и всякихъ политическихъ сочиненій; и чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ лучше это дурное дарованіе обращалось у него на службу его слабостямъ. У него въ натурѣ было долго колебаться между разными планами дѣйствія, не только между сходными, но и противоположными прямо планами. Эта слабость росла въ немъ съ годами; и его совѣсть все больше привыкла стоять нейтральною при этихъ столкновеніяхъ мыслей, такъ что онъ вовсе потерялъ способность предпочитать одинъ путь другому на томъ основаніи что одинъ честенъ, а другой безчестенъ, и, чтобы отдохнуть въ своей нерѣшительности ему постоянно приходилось дѣлать себѣ гдѣ нибудь временную стоянку, въ какомъ нибудь смыслѣ, въ какомъ случалось. Какъ лѣнтяй приобретаетъ большую изворотливость въ придумываніи извиненій для своихъ промедленій, такъ прицацъ Луи Наполеонъ сталъ чрезвычайно искусенъ въ придумываніи не только двусмысленныхъ фразъ, но и двусмысленныхъ плановъ дѣйствія, потому что постоянно затруднялся въ выборѣ между направо и налѣво (10).

(10) Это даже и не искусство, это дѣйствуетъ само данное положеніе, сама натура. Вообразите, въ предыдущей баснѣ простяка волка, смотрящаго на бой медвѣдя и льва, все еще нерѣшительный бой, и прибавьте обстоятельство, что бьющіеся требуютъ отъ зрителя: „прими чью нибудь сторону“ — какъ онъ будетъ переминаясь, вилать туда и сюда, и все таки не двигаться съ мѣста, просто потому, что если онъ подойдетъ близко и одинъ изъ борющихся задѣнетъ его лапою, то изъ него тутъ же и духъ вылетитъ, но опять же и не переминаясь нельзя, потому что вѣдь кто-жь нибудь одолѣетъ, — и если, если останется не очень израненъ? Отгонитъ его отъ лакомага оленя, да еще пожалуй царапнетъ слегка за то, что не помогаль. Что-жь ему дѣлать, какъ не переминаясь и не вилать? Такъ поступила бы даже и самая простодушная, добрая собака, и не заслужила бы тѣмъ ни репутаціи хитрости, ни репутаціи двоедушія: нѣтъ, въ ней дѣйствовала только основательная робость. Похвалу или порицаніе заслуживаетъ только то, съ какими намѣ-

реніями было выжиданіе и какъ зритель воспользовался успѣхомъ, давшимся ему въ руки безъ всякаго его искусства.

Частью по привычкамъ, усвоеннымъ въ тайныхъ обществахъ итальянскихъ карбонаровъ, частью отъ долготѣνιαго заключенія въ тюрьмѣ, а частью, какъ онъ однажды сказалъ, отъ близкихъ сношеній съ спокойными, самообладающими любителями лошадей и ковыхъ скачекъ въ Англіи, онъ приобрѣлъ способность долго молчать; но, по натурѣ, онъ не былъ ни человѣкъ осторожный въ словахъ, ни человѣкъ скромный. Съ иностранцами, особенно съ англичанами, онъ вообще былъ открытъ. Онъ былъ молчаливъ и скрытенъ только съ французами, но только по принципу, по которому охотникъ молчаливъ и скрытенъ съ куропатками и перелетами. Правда онъ былъ способенъ притворяться и притворяться долго; но сохраненію его тайнъ много помогало то обстоятельство, что его мнѣніе часто въ самомъ дѣлѣ было не сформировано, а потому онъ ничего и не могъ сказать. Его любовь къ маскамъ и переодеваньямъ, вѣроятно, болѣе происходила отъ пустого тщеславія и театральной маніи, о которой мы сейчасъ будемъ говорить, чѣмъ отъ низкой любви къ обману: и точно, положительнаго извѣстнаго о многихъ случаяхъ, что тайна, въ которую онъ любилъ закутывать себя, происходила отъ желанія произвести мелодраматическій эффектъ.

Многіе полагаютъ, что напрасно обижаютъ его тѣ люди, которые говорятъ, будто онъ лишень всякаго понятія о правдѣ. Онъ понималъ правду въ частныхъ разговорахъ и вообще предпочиталъ ее, но его правдивость, хоть можетъ быть и не принимаемая только для этого расчета, иногда становилась средствомъ обмана, потому что, возбудивъ довѣріе къ нему, она вдругъ подламывалась подъ вліяніемъ какаго нибудь сильнаго расчета. Онъ могъ лгать шесть, семь быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, искренно и правдиво говорить съ нимъ все это время, и потомъ вдругъ обмануть его. Люди, видя, что ловятся на кажущуюся надежность его характера, натурально располагались думать, что и все другое, кажущееся въ немъ хорошимъ, только маска; но сообразивъ будетъ съ общими законами человѣческой природы, если мы предположимъ, что правдивость, длившаяся шесть, семь лѣтъ, была неподдѣльнымъ остаткомъ хорошаго въ немъ, а не просто подготовленіемъ для лжи. Шаткость и измѣнчивость его характера помогала скрытности: люди такъ утомлялись наблюденіемъ за колебаніемъ его мыслей, что ихъ подозрѣнія начали дремать на время,—а потомъ, видя, что они утомились предсказаніемъ того, что онъ сдѣлаетъ какую нибудь вещь, онъ тихонько прокрадывался и дѣлалъ ее.

Въ немъ была отвага, но не та, какая дается размысленіемъ. Чтобы выдержать роль въ чрезвычайныхъ опасностяхъ, въ которыя онъ по временамъ кидался, и выдержать ее пристойно, нужна была такая сила характера, въ которой природа отказала не ему одному, а большинству людей. Но отвага измѣняла ему только въ положеніяхъ дѣйствительно опасныхъ и грозившихъ немедленною физическою бѣдою. У него было настолько мужества, что еслибъ онъ былъ только частнымъ человѣкомъ, то онъ выдержалъ бы обыденныя испытанія жизни съ достоинствомъ. Но по временамъ у него кромѣ того бывала искусственная смѣлость, производившаяся долгимъ мечтательнымъ обдумываніемъ, и, вздувшись до этой отваги, онъ часто былъ способенъ подвергать свою твердость испытаніямъ выше своей силы. Дѣло въ томъ, что воображеніе имѣло надъ нимъ очень большую власть, такъ что онъ влюблялся въ идею предпріятія,—но не имѣло столько живости, чтобы дать ему предощутить, каковы будутъ его впечатлѣнія въ минуту опасности. Такимъ образомъ, онъ былъ очень большимъ авантюристомъ въ своихъ планахъ дѣйствія, а когда напоследокъ становился лицомъ къ лицу съ опасностью, которой давно искалъ, онъ бывалъ ошеломленъ ею, какъ будто чѣмъ непредвидѣннымъ. Онъ любилъ придумывать и обдумывать заговоры, имѣлъ много ловкости въ подготовленіи средствъ для исполненія своихъ замысловъ, но его труды по этой наукѣ имѣли тенденцію вводить его въ сцены, къ которымъ онъ былъ плохо приспособленъ природою, потому что подобно большинству обыкновенныхъ людей онъ не владѣлъ тѣмъ присутствіемъ духа и тою физическою храбростію, которыя нужны для критическихъ минутъ отважнаго предпріятія. Короче сказать, онъ

былъ литературный мечтатель, обдуманно выводящий себя на отчаянную дорогу и очень далеко заходивший по ней, но способный въ минуту испытанія растеряться отъ внезапнаго возвращенія здраваго смысла и струсить.

Отъ природы онъ не былъ ни кровожаденъ, ни жестокъ; въ мелочахъ у него были даже мягкіе и благородные инстинкты, а вообще онъ былъ расположенъ дѣйствовать не безчестно, пока не являлось сильнаго побужденія къ противному, такъ что онъ могъ цѣлые мѣсяцы жить въ обществѣ англійскихъ любителей охоты и лошадей, не дѣлая постыльныхъ поступковъ; а если онъ былъ не такъ созданъ природою или развитъ жизнью, чтобы мысль «это дурно» могла удержать его отъ чего нибудь, то надобно выводить изъ этого, что его чувство распознаванія добра и зла было, какъ и натурально, омрачено привычкою искать идеаль въ лицѣ, подобномъ Наполеону I. Очень правдоподобно, что онъ, по ученой ли любознательности или по любопытству, если не по желанію руководиться свою находкою—пытался иногда выслушать, что говорить совѣсть; онъ, по всей вѣроятности, старался иногда объ этомъ потому что,—фактъ извѣстный.—съ перомъ въ рукахъ и съ достаточнымъ временемъ на приготовленіе, онъ могъ сдѣлать очень недурное подражаніе тону словъ человѣка, не лишеннаго совѣсти.

Его постояннымъ желаніемъ было привлечь на себя удивленное вниманіе свѣта; а случайность рожденія указала ему престолъ Наполеона I, какъ престолъ, къ которому онъ можетъ прикрѣпить свою надежду; поэтому его жажда извѣстности стала казаться честолюбіемъ, хоть корень ея былъ просто въ тщеславіи. Но умственное уединеніе, въ которое онъ былъ поставленъ странностью науки, надъ которой работалъ, какъ жагущаяся бѣдность его ума, его деревянный взглядъ, а болѣе всего видимая отдаленностью усіяха,—всѣ эти необѣщанія удачі обстоятельства, страннымъ своимъ контрастомъ съ великоствіемъ его цѣли, заставляли людей видѣть въ его претензіи только комическую глупость. Съ страстнымъ желаніемъ забраться на такую высоту, чтобы всѣ смотрѣли на него, въ немъ было соединено сильное, почти эксцентричное пристрастіе къ тѣмъ фокусамъ, которыми производить свои мелодраматическія продѣлки плохой драматургъ, или режиссеръ, пли актеръ; такимъ образомъ, пристрастіе и фантазія влекли его придумывать сценическіе эффекты и сюрпризы, героемъ которыхъ всегда ставилъ онъ самого себя. Эта склонность такъ сильно владычествовала надъ нимъ, что скорѣй можно видѣть въ ней искреннее расположеніе, а не просто страсть театральничать. Если бы она была одинока, то вѣроятно только придала бы особый характеръ его развлеченіямъ; но, по случайности, такой человѣкъ родился претендентомъ на французскій престолъ; его желаніе подражать Наполеону I и воспроизвести имперію, связало его театральничество съ тѣмъ, что можно назвать солиднымъ его честолюбіемъ; поэтому, пока онъ былъ изгнанникомъ, онъ постоянно былъ занятъ мыслью скопировать возвращеніе Наполеона съ Эльбы и разыграть это представленіе въ дѣйствительности, а не на сценѣ, и притомъ собственною персоною.

Но нѣкоторымъ чертамъ, его попытка поднять возстаніе въ Страсбургѣ въ 1836 году была болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ какъ обыкновенно отзывались тогда о ней. Ему тогда было 28 лѣтъ. Онъ успѣлъ привлечь на свою сторону Водре, командира артиллерійскаго полка, составлявшаго часть гарнизона. Попытка была прозведена рано по утру 30 октября. Водре сказалъ своимъ артиллеристамъ, что въ Парижѣ вспыхнула революція и король низвергнутъ; повѣривъ этому, они согласились признать принципъ Наполеономъ II. Водре посылалъ отряды въ квартиры префекта и генерала Вуардоля, командовавшаго гарнизономъ, и арестовалъ ихъ обоихъ. Онъ успѣлъ сдѣлать это такъ, что другіе полки еще ничего и не знали.

Если въ арміи дѣйствительно было тогда расположеніе къ имени и династіи Бонапартъ, то для привлеченія всего гарнизона на сторону наследника императора теперь было бы почти ничего не нужно, кромѣ того, чтобы этотъ наследникъ имѣлъ присутствіе духа, необходимое въ такомъ предиріятіи. Онъ былъ приведенъ къ Вуардолю, содержимому подъ арестомъ; сталъ склонять его на свою сторону; генералъ отказался. Тогда принцъ, окруженный людьми, представлявшими собою императорскую свиту, былъ проведенъ въ казармы 16-го пѣхотнаго полка; эта свита сказала солда-

тамъ, застигнутымъ совершенно враслохъ, что лицо, явившеся къ нимъ,—ихъ императоръ. Они увидѣли передъ собою молодого человѣка, который фигурою и лицомъ похожъ былъ на ткача,—ткача, изпуреннаго долгими часами монотонной работы въ душевной комнатѣ, который не имѣлъ хорошей осанки и уставилъ глаза въ землю; а между тѣмъ этотъ молодой человѣкъ такого вида стоялъ передъ ними одѣтый, среди бѣлаго дня, съ головы до ногъ въ историческій костюмъ аустерлицкаго и маренскаго вождя. Такая жалкая выставка не могла не разстраивать дѣла, съ успѣхомъ поведеннаго полковникомъ Водре. Но солдаты знали, что въ Парижѣ не разъ и не два случались странныя вещи: очень могло быть, что молодой человѣкъ передъ ними, въ самомъ дѣлѣ, какъ имъ говорятъ про него, сдѣланъ императоромъ французомъ, Наполеономъ II. Эта безызвѣстность солдатъ давала привцу случай узнать на опытъ, дѣйствительно ли существуетъ во французахъ расположеніе къ имени Бонапарте, и если существуетъ, то способенъ ли онъ воспользоваться этимъ расположеніемъ.

Но черезъ пѣсколокъ времени вошелъ во дворъ казармъ, гдѣ была эта сцена, полковникъ Таландь, командиръ полка, узнавшій наконецъ о томъ, что происходитъ въ его казармахъ. Онъ тотчасъ же приказалъ запереть ворота и съ жаромъ, гнѣвомъ, презрѣніемъ пошелъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояли предлагаемый императоръ и его «императорскій штабъ». Это появленіе негодующаго полковаго командира было вещью, которой слѣдовало ожидать принцу,—именно тою самою вещью, на борьбу съ которою онъ шетъ въ казармы,—но оно поразило принца сокрушающимъ ударомъ, оудто вещь изумительная, не предвидѣнная. Онъ, литературчикъ, стоялъ въ костюмировкѣ великаго полковолца, передъ нимъ явился настоящей полковникъ, съ дѣйствительнымъ правомъ отдавать приказанія солдатамъ,—негодующій полковникъ испугалъ его и въ одну минуту грезы принца разлетѣлись. Нѣкоторые изъ его окружавшихъ думали, что онъ обязанъ не выдавать Водре, подготовленнаго имъ, и хоть для спасенія Водре долженъ продолжать свое приключеніе, отважиться на отчаянное или хоть сколько нибудь энергическое сопротивленіе полковнику. Но принцъ не сдѣлалъ ничего такого. Въ числѣ принадлежностей его костюма была шпага, но онъ даже не пытался защищаться ею, когда подошедшій Таландь сорвалъ съ него ленту почетнаго легіона, потомъ сорвалъ съ него эполеты, бросивъ на землю, топталъ ихъ ногами, оборвалъ костюмъ съ принца и посадилъ его подъ караулъ. Его нарядившіеся спутники, представлявшіе собою императорскую свиту, подверглись той же судьбѣ, какъ ихъ предводитель. Прежде чѣмъ сулить о поведеніи принца въ эти минуты, надобно по справедливости признаться, что когда разъ уже не было предотвращено появленіе полковника на дворѣ казармъ, опасность сопротивленія была велика, настолько велика, что точно могла смутить всякаго неотличающагося мужествомъ. Надобно также признать, что, по собственной фантазіи поставивъ себя въ такое положеніе, принцъ доказалъ, что обладаетъ значительною отвагою извѣстнаго рода: несправедливо было бы назвать безъ всякихъ оговорокъ боязливымъ того человѣка, который идетъ добровольно на такую опасность; справедливѣе сказать, что это человѣкъ съ трусливою отвагой. Онъ былъ не властенъ надъ своею натурою.—а его натура была: бытъ авантюристомъ до минуты опасности, но рѣзко отрезвляться и потрясаться дѣйствительнымъ столкновеніемъ съ опасностью, совершенно терять присутствіе духа отъ этого, оставаться безъ желанія продолжать свою роль отчаяннаго смѣльчака—это объясняется легко: его отвага вся происекала изъ театральничанья и тщеславія; а эти страсти имѣли силу доводить его до края пропасти, но не имѣли столько силы, чтобы удержатъ его отъ натуральной дрожи при наступленіи риска быть убитымъ тутъ же на мѣстѣ. Сознавая, что по шляпѣ, сюртуку и сапогамъ онъ совершенно императоръ Наполеонъ, онъ воображалъ, что великій парадъ встрѣчанія, дѣланнаго побѣдоносному вождю войсками въ 1815 году, очень можетъ быть повторенъ имъ и французскими солдатами въ 1836 году; но очевиднымъ образомъ, это мнѣніе овладѣло имъ не оттого, что онъ сошелъ въ самомъ дѣлѣ съ ума, а только оттого, что слишкомъ поддался своей господствующей наклонности; и вотъ, когда ему сказали «нѣтъ, остановись же»—онъ не рванулся впередъ, какъ сумасбродъ, на продолженіе своего приключенія; онъ не попытался даже и потребовать хорошенько, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ въ

солдатах бонапартистское расположение, на котором он устривал свой проект, — пѣтъ, какъ только столкнулся онъ съ дѣйствительностью, онъ замеръ на мѣстѣ, — мгновенно остылъ, сталъ разсудителенъ, безвреденъ, послушенъ и сдался (какъ всегда дѣлалъ) во власть первому отважному человѣку, который дотронулся до него пальцемъ. Это превращеніе, подобное тому мнимому диву, которое мы видимъ, какъ истерическая дѣвушка, увлекаемая странными галлюцинаціями, исполненная повидимому страшной, сумасбродной силы, мгновенно излечивается и успокаивается отъ рѣзкаго угрожающаго слова «перестать». Получивъ нѣсколько денегъ (очень немного, всего 15.000 франковъ) отъ государя, котораго хотѣлъ визвергнуть, принцъ былъ отправленъ въ Америку добродушнымъ королемъ французомъ.

Но если у него не было качества, нужнаго на то, чтобы пройти по дорогѣ авантюристскаго предпріятія, его владычествующая страсть имѣла столько силы, чтобы заставить его повторить опытъ. Французская армія уже знала теперь вся, что у него нѣтъ храбрости, нужной для такого дѣла, имя его стало смѣшнымъ, потому что онъ не могъ соблазнить своимъ планомъ ни одного офицера, чинамъ выше поручика. Одвако онъ не отсталъ отъ своей идеи: скоро онъ опять задумалъ разыграть нове «возвращеніе съ Эльбы», но уже въ новыхъ костюхахъ, съ новыми декораціями. Пока онъ готовилъ поддѣльные флаги и поддѣльныхъ солдатъ, — мундиры для его сообщниковъ были шиты по образцу 42-го полка, квартировавшаго въ Булони, и пуговицы съ этимъ номеромъ были заказаны въ Бирмингамѣ, пока онъ поддѣлывалъ мундиры, пуговицы и училъ несчастнаго орла играть роль императорской птицы — предвѣщательницы успѣха, онъ занимался дѣломъ, въ которомъ былъ искусенъ; мастеръ былъ онъ также въ сочиненіи прокламацій и плебисцитовъ, составлявшихъ значительную долю груза, съ которымъ онъ поѣхалъ черезъ море во Фривцію; но онъ долженъ былъ знать, что если ему удастся пробраться куда онъ задумалъ, то вѣдь онъ увидитъ себя по утру на дворѣ Булонскихъ казармъ, окруженнаго толпою вооруженныхъ спутниковъ, поддерживаемого однимъ изъ офицеровъ гарнизона, обѣщавшимся помогать ему; но что тутъ же будетъ стоять толпа солдатъ, изъ которыхъ одни вздумаютъ быть за него, другіе противъ него, третьи не будутъ знать, что имъ дѣлать. Такъ и случилось. Онъ устроилъ дѣло такъ ловко и счастливо, что куда онъ хотѣлъ придти, туда и пришелъ, — и вотъ онъ стоялъ наконецъ въ томъ самомъ положеніи, въ которое заботливо проложилъ себѣ дорогу. Но тутъ его характеръ выдалъ его. Онъ взволновался, растерялся, — такъ онъ самъ сказалъ потомъ предъ палатою перовъ: «я былъ въ такомъ волненіи, что безъ всякаго моего намѣренія пистолетъ мой выстрѣлилъ и ранилъ солдата, который былъ не противъ меня», — его мысли не следили съ опасностью, смѣшались, въ немъ не было ни пылкости, ни удалства, которыя дѣлаютъ людей воинственными въ критическія минуты, и натурально, что онъ не годился управлять разгоряченными солдатами. Потому, когда наконецъ успѣлъ ворваться на дворъ казармы твердый, сердитый офицеръ, подполковникъ Пюжелье, онъ почти въ одинъ мигъ уничтожилъ принца силою болѣе твердаго характера и выгналъ его на улицу, со всѣми его 50 вооруженными спутниками, и съ знаменемъ, и съ деревяннымъ орломъ на знамени, и съ поддѣльнымъ императорскимъ штабомъ, погналъ будто трупику бродячихъ актеровъ. Но черезъ нѣсколько недѣль тотъ же самый принцъ Луи-Наполеонъ держалъ себя предъ палатою перовъ съ достоинствомъ и съ благородною заботливостью о спасеніи своихъ соучастниковъ; тутъ положеніе было по силамъ ему, потому что онъ имѣлъ досугъ обдумывать, какъ ему надобно говорить и поступать.

Натурально, что при такомъ характерѣ, онъ имѣлъ наклонность долго медлить на первыхъ фазисахъ заговоровъ; но такъ какъ онъ по рожденію и честолюбію заявилъ себя свѣту претендентомъ на французскій престолъ, то за него неотступно схватились нѣсколько человѣкъ другихъ авантюристовъ, людей дѣйствительно отважныхъ, рѣшившихся дѣлать его судьбу; и если повременамъ его личныя желанія и склоняли бы его на отдыхъ или отсрочку, его отношенія къ этой горсти приверженцевъ, не допускали того: его партизаны нуждались въ деньгахъ, и надобно было постоянно пытаться счастье.

Въ 1851 году всѣ эти побужденія, вмѣстѣ съ оскорбительнымъ чувствомъ личнаго униженія и обманувшагося разсчета, влекли президента на новый рискъ. Онъ издавна желалъ, чтобы измѣнена была конституція, но прежде все надѣялся измѣнить ее при помощи и одобреніи большинства, или по крайней мѣрѣ очень многихъ государственныхъ людей и знаменитыхъ генераловъ. Изъ того факта, что онъ желалъ ихъ содѣйствія своимъ планамъ, надобно, кажется, заключать, что сначала онъ не думалъ душить Францію наложеніемъ на нее чисто-азіатскаго деспотизма, а желалъ основать такую монархію, которую могли поддерживать люди съ хорошею и громкою извѣстностью. Но, во-первыхъ, почти никто не считалъ его человѣкомъ такимъ ловкимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ, а во-вторыхъ, тогда онъ казался очень смѣшнымъ. Потому, изъ тысячи людей, искренно желавшихъ, чтобы на мѣсто республики явилась власть диктатора, кого бы то ни было, лишь бы способнаго, почти никто не могъ повѣрять, что президентъ республики годится быть такимъ человѣкомъ; по этой причинѣ, политическіе люди отвергали это предложеніе: онъ не вышелъ ни одного государственнаго человѣка, согласившагося помогать ему, ни одного генерала, отвѣчающаго на его настоянія иначе какъ словами: «я долженъ имѣть приказаніе отъ военнаго министра».

Оттолкнутый всѣми ими, онъ долженъ былъ бросить свой планъ преобразовать форму правительства при содѣйствіи хоть нѣкоторыхъ изъ главныхъ государственныхъ людей и генераловъ, замѣнить этотъ планъ замысломъ совершенно иного рода и наконецъ попалъ въ руки такихъ людей, какъ Пересньи, Морни и Флеры. Онъ сталъ придумывать свои умыслы съ ними, и по случайности довольно странной, характеръ и денежныя нужды его сообщниковъ дали эвергію и опредѣленный видъ планамъ, которые безъ этой подталкивающей силы могли бы долго оставаться грезами. Президентъ былъ щедръ на деньги для своихъ компаньоновъ, давалъ имъ все, сколько могъ. Но конституція республики такъ успѣшно связала произволъ въ распоряженіи казною, что президентъ не могъ располагать никакими государственными деньгами, кромѣ суммы, даваемой ему казною-закономъ. Въ своемъ упорномъ пристрастіи къ сильной административной власти, составители конституціи дали въ распоряженіе главы государства обширныя средства опрокинуть всю ихъ постройку, но распоряженія деньгами не дали ему; онъ при своей расточительности постоянно долженъ былъ перебиваться такими изворотами, какъ купецъ, не имѣющій денегъ. Тѣсно было ему и въ настоящемъ; а когда онъ думалъ о будущемъ, какому подвергался онъ по конституціи, онъ вдѣлъ, что ему впередъ назначенъ день, когда онъ долженъ сойти съ своего виднаго мѣста въ бѣдность и ничтожество. Быть можетъ онъ и радъ былъ бы приобрести честными средствами то, что было нужно ему. Въ началѣ 1851 года онъ очень просилъ законодательное собраніе увеличить суммы, даваемыя на его надобности. Ему отказали (11). Нослѣ этого, слѣдовало ждать, что еслибъ

(11) Отказали потому, что деньги свои президентъ расходовалъ главнымъ образомъ на подкупъ войскъ. Увеличивать его содержаніе значило увеличивать подкушы.

онъ самъ и удержался онъ желанія залустить руку въ казну, то его сообщники, становясь съ каждымъ днемъ практичнѣе въ своихъ видахъ, скоро заставятъ своего предводителя дѣйствовать. Прежде самъ президентъ предложилъ собранію установить нѣчто въ родѣ ценза, — это и было сдѣлано закономъ 31 мая (12). Те-

(12) Этотъ законъ опредѣлялъ, что для права подавать голосъ на выборахъ нужно имѣть извѣстную давность мѣста жительства; такимъ образомъ работники, часто перемѣняющіе мѣсто жительства, теряли право голоса и число избирателей уменьшалось съ 9 милліоновъ до 6 и даже до 5. Три или четыре милліона, терявшіе право голоса, вотировали большею частью за

„красных“. Въ этомъ и состояла цѣль закона, чтобы отнять важнѣйшую часть силы на выборахъ у „красной“ партіи, — такъ тогда назывались, кромѣ прежнихъ, „красные“ 1849 года (партія Ледрю-Роллена) и социалисты и почти всѣ умѣренные республиканцы — всѣ эти три отдѣла лѣвой стороны уже принуждены были тогда вновь помириться и дѣйствовать за одно, какъ было до 1848 года, потому что опять уже чувствовали свое безсиліе въ одиночествѣ другъ отъ друга, — безсиліе, до котораго довели другъ друга ссорами въ апрѣлѣ и маѣ 1848 г., когда соединенными силами умѣренныхъ и красныхъ республиканцевъ подавлены были социалисты, потомъ іюньскою битвою, когда силою умѣренныхъ республиканцевъ (резервъ которыхъ составляли монархисты) подавлены были парижскіе работники, — а кстатѣ запутаны въ дѣло и обезсилены красные республиканцы, — хотя это возстаніе было чисто возстаніе проголодавшихся людей, и никто изъ политическихъ дѣятелей не принималъ въ немъ участія: красные и социалисты видѣли, что въ случаѣ возстанія, гибель инсургентовъ неизбежна при тогдашнихъ обстоятельствахъ, потому всячески отклоняли отъ него работниковъ; но голодъ былъ сильнѣе разсудка въ несчастныхъ. Доказано, что подстрекателями были одни, малочисленные тогда, — бонапартисты; но ихъ подстреканіе не было важно; существенною причиною возстанія была крутость и опрометчивость, съ которою закрыты были знаменитыя „національныя мастерскія“, нелѣпое учрежденіе, устроенное умѣренными республиканцами въ противодѣйствіе социалистамъ; когда основатели убѣдились, что социалисты дѣйствительно обезсилены майскими неудачными агитаціями, они тотчасъ же рѣшили закрыть національныя мастерскія, какъ уже ненужныя противъ социалистовъ; закрыть ихъ слѣдовало, онѣ стоили огромныхъ расходовъ и были устроены нелѣпо, пріучали къ праздности (принципомъ ихъ было: не давать серьезной работы, а только занимать день работника пустяками), — но сдѣлать такую перемѣну слѣдовало не въ одинъ же день, а постепенно, чтобы дать набраннымъ въ нихъ десяткамъ тысячъ людей время разойтись по фабрикамъ; поступили не такъ; закрыли въ одинъ день; на другой день работникамъ ихъ не на что было купить хлѣба, и они поднялись. Масса инсургентовъ билась ни изъ за чего, ни съ какими надеждами, кромѣ отчаянія. Потому-то такой ужасной битвы не было еще никогда на улицахъ Парижа. Даже рѣзни большой революціи ничтожныя передъ этою, — даже то побоище, которымъ проложилъ себѣ карьеру Наполеонъ I, — когда въ первый разъ было открыто имъ, что главное искусство въ подобныхъ случаяхъ — умѣнье дѣйствовать картечью на близкой дистанціи (Вандемьерское возстаніе съ знаменитымъ продольнымъ картечнымъ огнемъ по улицѣ Ле-Пельтье).

перъ онъ сталъ приверженцемъ вотированья безъ ценза, противникомъ закона 31 мая. Людямъ, занимавшимся политикою, уже одна эта перемѣна могла бы показать, каковъ характеръ замысловъ, занимающихъ теперь президента; но онъ съ самаго начала до послѣдней минуты не жалѣлъ словъ, имѣвшихъ цѣлью успокоить подозрѣніе; онъ пользовался этимъ средствомъ очень усердно и искусно съ самаго того часа, какъ онъ явился передъ публикою въ февралѣ 1848 года, онъ хватался за всякій случай безпрестанно повторять, что не имѣетъ никакихъ замысловъ противъ конституціи. Рѣчь, съ которою онъ обратился къ собранію 13 ноября 1850 года, можетъ служить

однимъ въ примѣровъ этихъ торжественныхъ и добровольныхъ увѣреній. Онъ говорить въ ней, что «считаетъ великими преступниками людей, изъ за личнаго самолюбія компрометирующихъ ту,—хоть и не большую долю безопасности, которая дается государству нынѣшнюю конституцію; что если конституція эта заключаетъ въ себѣ недостатки и личности, то собраніе имѣетъ право обратиться на нихъ вниманіе націи», но что онъ лично, «связанный своею клятвою, удерживается въ строгихъ границахъ, предписываемыхъ ему этимъ актомъ». Далѣе онъ объявляетъ, что «первая обязанность властей—внушать націи уваженіе къ закону своимъ примѣромъ неуклонной вѣрности ему»; увѣряетъ собраніе, что личную заботу свою имѣетъ не о томъ, «кто будетъ управлять Франціею въ 1852 году», по окончаніи срока власти, даваемого ему конституціею 1848 года, а о томъ, «чтобы переходъ этотъ, каковъ бы онъ ни былъ, совершился безъ волненія и потрясенія», потому что, по его мнѣнію, благороднѣйшая, достойнѣйшая человѣка съ возвышеннымъ умомъ цѣль—стремиться не къ тому, чтобы продолжать свою власть, если имѣетъ ее, а въ томъ, чтобы нераздѣльно работать для укрѣпленія, на общую пользу, тѣхъ принциповъ власти и нравственности, которые противодѣйствуютъ страстямъ людей и непрочности законовъ».

Мы видимъ, что этотъ языкъ былъ искусно придуманъ для его цѣли: принцъ говорилъ, что человѣкъ, дѣйствующій противъ конституціи, былъ бы злодѣй и дуракъ; что поэтому нельзя винить его въ такой мысли; а если предположить, что онъ дѣлалъ эти призванія по доброй волѣ, а между тѣмъ уже рѣшился сдѣлать то, что уже сдѣлалъ впоследствии, то онъ былъ бы виновенъ въ обманѣ слишкомъ черною; по если мы подумаемъ, какое широкое поле было въ его умѣ для разворѣщающихъ плановъ, какая нерѣшительность была въ его характерѣ, и какъ настоятельны были денежные надобности компаньоновъ, окружавшихъ его, то мы можемъ быть, согласимся съ болѣе благорасположеннымъ къ нему взглядомъ тѣхъ, которые думаютъ, что когда онъ дѣлалъ такіа торжественныя увѣренія, онъ дѣйствительно отступалъ передъ мыслию объ измѣнѣ. И точно, его слова совершенно соответствовали тѣмъ, какими выражалъ бы свою существенную мысль испуганный человѣкъ, разсердившійся на голодныхъ и смѣлыхъ товарищей, толкающихъ его впередъ, вздумавшій держаться противъ нихъ, не идти впередъ.

Когда совершилось превращеніе республики въ имперію, вниманіе наблюдателя натуральнымъ образомъ сосредоточивалось на томъ человѣкѣ, который уже былъ главою государства, а теперь садился на престолъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кажется, что именно онъ самъ исполнилъ ту часть дѣла, которую можно назвать литературною. Онъ былъ юристомъ своей категоріи. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ самъ писалъ свои прокламаціи, плебисциты, конституціи и всякія тому подобныя вещи; но двигающая сила, которая вела заговоръ къ развязкѣ, давалась дѣлу главнымъ образомъ отъ графа Морни и отважнаго офицера, майора Флери.

Морни былъ человѣкъ очень отважный и одаренный очень большою вкрадчивостью. Во время монархіи онъ былъ членомъ палаты депутатовъ; но онъ былъ болѣе извѣстенъ какъ спекулянтъ, чѣмъ какъ политическій человѣкъ. Онъ занимался особенно тою частью биржевой игры, которая состоитъ въ выпусканіи, покупкѣ и перепродажѣ акцій новоосновываемыхъ компаній; нѣкоторымъ изъ этихъ оборотовъ пришлось быть разъясненными посредствомъ скандальныхъ процессовъ, и часть его извѣстности основывается именно на этихъ процессахъ. Онъ былъ мастеръ основывать «торговныя компаніи», и теперь вздумалъ по тѣмъ же правиламъ основать спекуляцію, которая давала бы ему суммы, какихъ не давала ни одна прежняя спекуляція. Морни былъ человѣкъ практической. Принцъ Луи-Наполеонъ могъ довольствоваться мечтательною жизнью въ грезахъ о томъ сладкомъ часѣ, когда благодарная Франція по собственному желанію вдругъ вздумаетъ поздравить его императоромъ; Морни былъ не такой человѣкъ, чтобы праздно покоиться съ нимъ грезами въ голодной страпѣ мечтаній.

Еще способнѣе заставить президента дѣйствовать, вести его до конца придуманнаго имъ замысла, твердой рукой провести его по этой дорогѣ былъ майоръ Флери. Флери былъ еще молодъ лѣтами, но пережилъ уже очень много всякихъ вещей. Онъ

былъ сынъ негоціанта, получилъ въ наслѣдство послѣ отца очень хорошую сумму денегъ, ринулся въ парижскія наслажденія съ такимъ жаромъ, что скоро покончить свои средства продолжать этотъ періодъ своей жизни. Но пока друзья его отца вздыхали разъ по десяти въ день о томъ, что «юноша прокутился», юноша подходилъ къ лѣтвищѣ, по которой поднялся такъ, что распорядился по своему усмотрѣнію судьбою могущественной націи. Онъ вступилъ въ армію простымъ солдатомъ, но офицеры его полка пашли его такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ и такъ восхитились бодростью, съ которою онъ выдерживалъ свою невзгуду, что ихъ расположеніе скоро повело его по офицерскимъ чинамъ,—и наконецъ, онъ былъ причисленъ къ штабу президента,—кажется, потому, что былъ знатокъ въ лошадахъ.

По своему темпераменту и по житейской опытности, происшедшей изъ этого темперамента, Флери очень любилъ деньги, или тѣ вещи, которыя покупаютъ за деньги, и не такой человѣкъ, чтобы не добиваться денегъ всѣми силами. Онъ былъ отваженъ и рѣшителенъ, и отвaga его была такая, которая не робѣетъ въ критическую минуту. Если принцъ Луи-Наполеонъ былъ смѣлъ и изобрѣтателемъ въ придумываніи, то Флери былъ человѣкъ дѣйствія. Принцъ былъ ловекъ на то, чтобы подвести мину и начинить ее, а Флери—храбрецъ, готовый стоять у мины съ зажженнымъ фитилемъ и приложить его къ пороху, какъ слѣдуетъ. Находись онъ подлѣ Луи-Наполеона въ Страсбургѣ или въ Булони, дѣло могло бы стоить головы очень многимъ, а ужь никакъ не обратилось бы въ посмѣшище. Онъ и Луи Наполеонъ дополняли другъ друга и, будучи вмѣстѣ, они составляли такую чету съ такими отличными способностями для произведенія неожиданнаго взрыва, что, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ правительственныя средства, очень могли обратить тронную грезу въ дѣйствительность. Кажется, что какъ только сталъ Флери соучастникомъ секретныхъ плановъ президента, президентъ потерялъ свободу воли—а ужь навѣрно можно сказать, что онъ не дешево раздѣлался бы съ Флери, если бы попытался остановиться.

Слова генераловъ, отвѣчавшихъ президенту, что будутъ дѣйствовать не иначе, какъ по приказу военного министра, показали средства, къ которому надобно прибѣгнуть, и Флери рѣшилъ: найти какого нибудь генерала, умѣющаго командовать, умѣющаго хранить тайну, готоваго на всякій рискъ, хорошеенько вывѣдать его, будетъ ли онъ расположенъ помогать дѣлу и, если окажется, что онъ готовъ согласиться, то посвятить его въ тайну заговора и сдѣлать военнымъ министромъ, чтобы его подпись отдавала всю армію въ распоряженіе заговорщиковъ. Флери отправился въ Алжирію искать агента этого сорта и имѣлъ удачу найти именно такого человѣка, какого желалъ: то былъ генералъ, носившій тогда имя Ашилла (Ахилла) Сентъ-Арно, но эта фамилія была у него уже принятая по обстоятельствамъ, а настоящее его имя, давно брошенное имъ, было Жакъ-Арно Ле-Руа. О нѣкоторыхъ изъ его подвиговъ мы расскажемъ послѣ, когда будемъ говорить собственно о Крымской войнѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть главнымъ лицомъ. Здѣсь довольно будетъ сказать, что характеръ его прошедшаго и настоящаго показался Флери ругающимся за то, что онъ согласится. Флери не ошибся: Сентъ-Арно былъ очень радъ служить на все, и Флери, удивившись въ этомъ, посвятилъ его въ тайну. А когда она была ввѣрена человѣку, котораго выбралъ Флери, то принцъ Луи-Наполеонъ и остальные соумышленники уже и не могли отступиться отъ задуманнаго; денежныя надобности господина Сентъ-Арно, урожденнаго Арно Ле-Руа, были не такъ скромны, чтобы могли удовлетвориться суммами, какія возможно было ему получать при сохраненіи законовъ; а поссориться съ подобнымъ господиномъ, посвященнымъ въ тайну заговора, было бы очевидно погубелью для всѣхъ заговорщиковъ. Онъ былъ сдѣланъ военнымъ министромъ 27-го октября.

Въ тотъ же самый день былъ назначенъ префектомъ полиціи господинъ Мона или де-Мона. Прежде этотъ господинъ былъ префектомъ департамента Верхней Гаронны. Друзья его говорятъ, будто у него было состояніе, и будто онъ никогда не пользовался безчестными источниками дохода. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ, между прочимъ, захотѣлъ поусердствовать президенту тѣмъ, чтобы арестовать въ своемъ департаментѣ болѣе двадцати человѣкъ за выдуманнныи имъ же самимъ заговоръ. Судебныя

власти департамента не дозволили ему сдѣлать этого, потому что не было никакихъ основаній для обвиненія этихъ лицъ. Мона, или де-Мона, предложилъ замѣнить недостатокъ обвиненій стратагемою: тайкомъ подложить поддѣльные бумаги, оружіе и гранаты въ квартиры лицъ, которыхъ ему захотѣлось арестовать. Естественно, судебныя начальства ужаснулись подобнаго рода предложенію и довели о немъ министру юстиціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Леонъ Фоше, вытребовалъ своего подчиненнаго въ Парижъ, высказалъ ему такое негодованіе и презрѣніе, что Мона вышелъ изъ пріемной начальника, вздыхая; люди, знавшіе, въ чемъ состояли слова министра, считали Мона погибшимъ на вѣкъ; но онъ пошелъ и рассказалъ свою скорбь президенту. Президентъ, разумѣется, тотчасъ же увидѣлъ, что это человекъ пригодный дѣлу,—Мона былъ посвященъ въ заговоръ и назначенъ префектомъ полиціи (главнымъ полицейскимъ начальникомъ Парижа).

Персиньи, урожденный Филентъ, также былъ однимъ изъ заговорщиковъ. Причину, по которой онъ перемѣнилъ фамилію, онъ самъ объяснилъ такъ, во время своего процесса въ 1840 году: по матери онъ былъ изъ хорошаго семейства; отцовская фамилія ему не нравилась и онъ назвалъ себя фамиліею дѣда своей матери. Свою карьеру началъ онъ въ званіи унтеръ-офицера: «служить» было его «влеченіемъ», по его собственному выраженію, потому онъ и «служилъ»—сначала легитимистамъ; но случай свелъ его съ Луи Наполеономъ, онъ скоро сдѣлался преданнымъ другомъ принца, сотоварищемъ всѣхъ его замысловъ и приключеній. Если Мона вошелъ въ компанію съ президентомъ просто какъ въ денежную спекуляцію, то Персиньи могъ сказать по полной справедливости, что дѣло принца Луи-Бонапарте издавна стало его убѣжденіемъ, и что онъ даже старался, насколько можно было, возвысить это дѣло до значенія политическаго принципа. Но роль, ввѣренная Персиньи во время переворота 2 декабря, была не эффектна, если и была важна. Сообщники Луи-Наполеона не полагали на его твердость, ожидали, что онъ растеряется; Персиньи, человекъ твердой души, не поддающийся унынію, обязался находиться безотлучно въ Elusée, гдѣ жилъ президентъ, чтобы получать въ свои руки извѣстія о ходѣ дѣла во все продолженіе опасности и не допускать до президента ничего изъ этихъ извѣстій въ такомъ видѣ, который могъ бы убить его бодрость. Такъ рассказываютъ; такъ ли дѣло вли нѣтъ, но Персиньи не былъ въ числѣ дѣйствующихъ исполнителей заговора; поэтому на немъ и не лежитъ такихъ пятенъ, какъ на Морви, Флерн, Мона и Сентъ-Арно, урожденномъ Ле-Руа.

Необходимо было принять мѣры, чтобы парализовать парижскую національную гвардію; а комендантомъ ея былъ генералъ Перро, человекъ неподкупной честности. Вдругъ дать ему отставку значило бы возбудить подозрѣніе. Придумали такое средство: начальникомъ штаба къ нему назначили нѣкотораго господина, по фамиліи Віэйру. Прошлая жизнь и настоящая репутація Віэйры были таковы, что генералъ Перро почелъ обидою себѣ его назначеніе и подалъ въ отставку. Именно того и желала Элизейская братія. 30 октября комендантомъ національной гвардіи былъ назначенъ генералъ Лавустицъ, человекъ бывавшій въ великихъ битвахъ прошлыхъ войнъ, но теперь, при сѣдыхъ волосахъ своихъ, не постыдившійся принять роль, предложенную ему: онъ назначался за тѣмъ, чтобы не дать собраться и дѣйствовать національной гвардіи. Открывъ эту частицу своихъ мыслей Віэйръ и Лавустину, заговорщики не нашли нужнымъ воопшѣ посвящать ихъ въ тайну заговора: роль обоихъ состояла только въ томъ, чтобы не дѣлать и не допускать никакихъ распоряженій для созванія національной гвардіи и запретить ея барабанщикамъ бить сборъ.

Главною машиною, на которую возлагали свою надежду Элизейская братія, была, конечно, армія. Горькое воспоминаніе о прошлыхъ унижительныхъ псудачахъ въ битвахъ съ парижскимъ народомъ раздражало солдатъ противъ него. Кромѣ того, въ законодательномъ собраніи шли тогда пренія, возбуждавшія въ солдатахъ большое неудовольствіе на всѣхъ не-военныхъ, а въ особенности на парижанъ, на депутатовъ, на политическихъ людей всѣхъ партій. Нѣкоторые депутаты предусматривали, что армія можетъ стать обращена противъ законодательнаго собранія; они предлагали собранію принять противъ этого мѣру, на которую оно имѣло право по конституціи:

назначить какую найдеть нужнымъ часть войска на охраненіе свободы своихъ совѣщаній и отдать этотъ корпусъ подъ начальство командира, котораго само выбереть. Армія обижалась этимъ. Во Франціи военный министръ издавна былъ генераль и армія привыкла считать его приказы будто бы приказами, отдаваемыми имъ по званію главнокомандующаго войсками, хотя они выходили отъ него, какъ отъ члена гражданскаго правительства: солдаты не понимали, что они въ сущности всегда были подчинены гражданской власти. Теперь имъ растолковали, что собраніе хочетъ подчинить ихъ гражданской власти, отдать подъ начальство «какому нибудь адвокату». Принятый въ этомъ смыслѣ проектъ о назначеніи командира для части войскъ прямою властью законодательнаго собранія такъ раздражилъ войска, что, еслибъ онъ былъ принятъ, вѣроятно произошелъ бы бунтъ. Онъ былъ отвергнутъ; но досада не всегда исчезаетъ съ устраненіемъ повода къ ней, и раздраженіе, возбужденное въ арміи преніями о немъ, такъ ловко поддерживалось искусственными средствами, что парижскій гарнизонъ сталъ смотрѣть на народъ рѣшительно враждебными глазами (13).

(13). Все это очень преувеличено, хоть часть правды тутъ есть. Солдаты всегда смотрятъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на невоенное населеніе городовъ, въ которыхъ стоятъ; это можно сказать и объ австрійской, и о прусской, и даже объ англійской арміи. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ: солдатъ чувствуетъ свою силу только въ дисциплинѣ, въ умѣнны держаться строемъ, въ единодушномъ дѣйствіи по командѣ. Конечно, всякому солдату покажется странно быть подъ прямымъ начальствомъ человѣка невоеннаго, но невоенный и не возьметъ прямого начальства, потому что не умѣетъ командовать. Солдаты парижскаго гарнизона даже и не замѣтили бы отъ кого назначенъ командиръ, стоящій передъ ихъ фронтомъ, лишь бы онъ былъ генераль, и лишь бы полковые, батальонные, ротные командиры встрѣчали его за несомнѣннаго, подлиннаго своего командира, — а они не могли бы поступать иначе. Собраніе конечно назначило бы командиромъ своего охранительнаго корпуса генерала. Оно отвергло проектъ не по опасенію раздражить армію, а по нежеланію ссориться съ президентомъ, котораго все еще считало бесплннымъ, — такъ оно само понимало это; а на самомъ дѣлѣ тутъ уже дѣйствовалъ инстинктъ, что президентъ можетъ въ случаѣ ссоры обратиться къ республиканцамъ и къ парижскому народу; республиканцы въ это время уже начинали нѣсколько, — хоть еще очень мало, — оправляться отъ прежнихъ пораженій, а парижскіе простолюдины тогда ненавидѣли собраніе, какъ реакціонное. Президента не любили ни республиканцы, ни простолюдины, но считали его менѣе сильнымъ врагомъ, чѣмъ монархистовъ. — Солдаты были нѣсколько расположены къ президенту, — они полагали, что онъ хлопочетъ объ увеличеніи жалованья имъ; кромѣ того, онъ часто угощалъ ихъ. Но это расположеніе было слабо, да еслибъ и было много сильнѣе, то ничего еще не значило бы: армія исполняетъ волю той власти, приказанія которой принимаетъ командиръ, распоряжающійся ея дѣйствіями; не надобно забывать, что армія — орудіе войны, устроенное именно такъ, чтобы дѣйствовать механически. Если бы въ ночь 2 декабря Кавеньякъ (республиканецъ) или Шангарнье (монархистъ) не спалъ, а собралъ нѣсколько человѣкъ адъютантовъ и разослалъ ихъ по казармамъ съ приказаніями, догадавшись во время принять на себя роль диктатора (или генерала законодательнаго собранія, все равно, — лишь бы

роль главнаго командира), то адъютанты его преспокойно повели бы солдатъ арестовать президента, военнаго министра и всѣхъ другихъ заговорщиковъ. Это и говорилъ Шаррасъ уже нѣсколько дней, но не успѣлъ во время втолковать никому изъ старшихъ генераловъ монархической или республиканской партіи; — а самъ онъ не могъ принять команды, потому что еще не былъ даже и бригаднымъ генераломъ (генераль-майоромъ). Когда Шангарье, Кавеньякъ, Ламорпьеръ, арестованные, ѣхали въ тюрьму, то, конечно, каждый изъ нихъ вспоминалъ: „эхъ, если бы я хоть вчера подь вечеръ догадался, что дремать не слѣдуетъ, что уже пора принять мѣры“.

Заговорщики стали сводить въ Парижъ и его окрестности такіе полки, въ составѣ которыхъ наиболѣе были увѣрены, командирами этихъ войскъ назначали генераловъ, въ безцеремонности которыхъ съ совѣстью были наиболѣе убѣждены. Главнѣйшимъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ былъ Маньянъ. Во время бунтоской экспедиціи Луи-Наполеона, Маньянъ имѣлъ несчастіе казаться принцу такимъ человѣкомъ, котораго можно купить за 100.000 франковъ. Потомъ онъ имѣлъ несчастіе быть уличеннымъ въ томъ, что продолжалъ сношенія съ офицеромъ, взявшимся тогда предложить ему эту плату. Маньянъ не скрывалъ своей готовности сдѣлать все, что угодно; и елисейская братія, кажется, желала вполне посвятить его въ свои секреты; но его панегиристъ, Гранье де Кассаньякъ, — быть можетъ и не понимая, какъ отлично рекомендуетъ его такими увѣреніями, — увѣряетъ, что Маньянъ, хотъ и вполне готовый дѣйствовать противъ Парважа и законодательнаго собранія, не хотѣлъ подвергать себя опасности открытымъ участіемъ въ заговорѣ: «онъ справедливо потребовалъ, — возмущаетъ Гранье-де-Кассаньякъ, — чтобы ему ничего не сообщали до той минуты, когда надобно будетъ давать приказанія войскамъ и садиться на лошадь». То есть, онъ былъ готовъ обратить своихъ солдатъ на низверженіе конституціи, на произведеніе рѣзни, какая понадобится для этого, но не хотѣлъ лишиться себя огражденія отъ отвѣтственности за то приказомъ военнаго министра; имѣя приказъ, онъ въ случаѣ неудачи заговора могъ бы сказать: «я не хотѣлъ участвовать ни въ какомъ умыслѣ. Обязанность солдата — повиноваться. Вотъ приказъ, полученный мною отъ генерала Сентъ-Арно. Я только повиновался моему начальнику».

Но 27 ноября этотъ человѣкъ, Маньянъ, собралъ у себя двадцать человѣкъ подчиненныхъ ему генераловъ и косвенными словами сообщилъ имъ, что скоро, быть можетъ, имъ сдѣланъ будетъ призывъ дѣйствовать противъ Парижа и противъ конституціи. Они общались усердное и полное повиновеніе, и хотъ каждый изъ нихъ, начиная съ самаго Маньяна, зналъ, что будетъ приятно огражденъ отъ отвѣтственности приказомъ начальника, но всѣ они воображали, что являются героями, — такъ надобно заключать изъ словъ ихъ панегириста Кассаньяка, съ гордостью разсказывающаго, что заключивъ между собою эту великодушную сдѣлку на истребленіе парижанъ, они торжественно обнялись.

Довольно часто войска были угощаемы обѣдами съ виномъ и льстивыми словами, а ихъ раздраженіе на невоенныхъ было такъ некусоно поддерживаемо, что солдаты, привычные къ алжирской войнѣ, были доведены до расположенія говорить «бедуны» вмѣсто «парижане» — ужъ въ этомъ прозвучѣ слышалась рѣзня. Парижская армія была теперь въ такомъ расположеніи духа, какое нужно было заговорщикамъ.

Имъ необходима была помощь Сентъ-Жоржа, управляющаго государственною типографіею, гдѣ печатались оффиціальныя акты. Онъ дался на подкупъ. Тогда все было готово.

Въ ночь съ 1 на 2 декабря у президента былъ, по обыкновенію, вечеръ, — у него по понедѣльникамъ бывали вечера. Министры, ничего не знавшіе о заговорѣ, были тутъ вмѣстѣ съ заговорщиками. Тутъ же былъ и Війэйра. Президентъ пореговорилъ съ нимъ; онъ общался, что не будетъ барабаннаго боя для сбора національной

гвардіи, что бы ни случилось въ ту ночь, уѣхалъ и исполнилъ свою скромную роль; для безопасности, онъ, какъ разсказываютъ, велѣлъ прорѣзать кожу на барабанахъ. Въ обыкновенное время гости начали разѣзжаться, — и въ 11 часовъ оставалось у президента только трое гостей: Морни (озаботившійся передъ тѣмъ побывать въ театрѣ, чтобы видѣли, что у него нѣтъ никакого дѣла), Мона и Сентъ-Арно, урожденный Ле-Руа. Кромѣ того былъ тутъ дежурный адъютантъ президента, полковникъ Бевилль, также участникъ заговора. Персилье, кажется, не было. Морни, Мона и Сентъ-Арно ушли съ президентомъ въ его кабинетъ; полковникъ Бевилль также пришелъ къ нимъ. Мокаръ, домашній секретарь президента, также соумышленникъ заговорщиковъ, кажется, не былъ тутъ въ кабинетѣ; тоже не было тутъ и Флери, — вѣроятно не было потому, что онъ разѣзжалъ по генераламъ, воодушевляя ихъ. Прежде было уже рѣшено сдѣлать дѣло той ночью; лица, бывшія въ кабинетѣ, стали разсуждать о принятомъ рѣшеніи; но безъ Флери не могли ничего разсудить: если мнительность и говорила имъ «не лучше ли остановиться», — то вѣдь они знали, что Флери, стремительный и рѣшительный, уже дѣлаетъ теперь, бытъ можетъ, безвозвратный шагъ. Черезъ нѣсколько времени они получили извѣстіе, что приказъ собраться и выѣхать изъ казармъ ужь данъ жандармскому баталіону и уже исполненъ такъ, что никто изъ постороннихъ ничего не замѣтилъ. Кто сдѣлалъ этотъ рѣшительный шагъ и кто привезъ въ Елисейскій дворецъ это рѣшительное извѣстіе о немъ? — положительно, мы еще не знаемъ; но по всѣмъ соображеніямъ, именно Флери. Вѣроятно онъ же, когда пришелъ съ этимъ извѣстіемъ въ кабинетъ, и доказалъ остальнымъ, что теперь, послѣ мѣры, принятой имъ, ужь поздно останавливаться. Такъ мы должны заключать по соображенію; а ужь извѣстно пока то, что когда вошелъ въ кабинетъ Флери, то заговорщики принялись за исполненіе дѣла. Президентъ далъ полковнику Бевиллю пакетъ съ бумагами и послалъ его въ государственную типографію печатать ихъ. Жандармскій баталіонъ былъ двинутъ также именно къ этой типографіи. Парижъ спалъ; баталіонъ спокойно вышелъ изъ своихъ казармъ, прибылъ къ типографіи, окружилъ ее. Наборщики, еще работавшіе въ ней, были будто взяты въ плѣнъ: до оковчанія дѣла жандармы не выпустили ни одного изъ нихъ. Нѣсколько времени наборщики ждали, не зная, для какой работы ихъ задержали, но вотъ явился Бевилль съ своимъ пакетомъ, — въ пакетѣ были прокламаціи, которыя слѣдовало напечатать къ утру; Сентъ-Жоржъ, управляющій типографіею, приказалъ набирать ихъ. Говорятъ, что наборщики хотѣли не послушаться, — но хотѣли или не хотѣли, были заставлены работать. Подлѣ каждого наборщика стали два жандарма, одинъ справа, другой слѣва; набираемые документы были для скорости набора разрѣзаны на небольшіе куски, такъ что никто изъ наборщиковъ и не могъ видѣть полного смысла набираемыхъ имъ строкъ. Въ прокламаціяхъ этихъ президентъ говорилъ, что законодательное собраніе — гнѣздо заговоровъ; объявлялъ его распущеннымъ; возстановлялъ право выборовъ безъ всякаго ценза; предлагалъ новую конституцію; снова клялся, что его обязанность — сохранить республику; объявлялъ Парижъ и двѣнадцать сосѣднихъ департаментовъ находящимися на военномъ положеніи. Одна изъ прокламацій была обращена къ войску; въ ней онъ раздражалъ злостью солдатъ на невоенныхъ, напоминая имъ о пораженіяхъ войска въ 1830 и 1848 годахъ.

Президентъ написалъ письма, которыми увольнялъ своихъ министровъ, не участвовавшихъ въ заговорѣ; но эти письма были отправлены къ нимъ уже только по утру; подписалъ также бумагу, назначавшую Морни министромъ внутреннихъ дѣлъ. — Была поздняя ночь. Заговорщики уже приняли важныя мѣры, послѣ этихъ мѣръ останавливаться было уже опасно, — но все еще не было совершенной невозможности остановиться. Они еще могли разорвать письма, дававшія отставку министрамъ, — они не могли надѣяться, чтобы не разнеслись по городу извѣстія о ихъ замыслѣ, когда наборщики будутъ выпущены изъ плѣна; но наборщики сами не знали въ точности значенія прокламацій, которыя набирали; еще можно было уганть текстъ и даже замаскировать характеръ прокламацій; но вслѣдъ затѣмъ были сдѣланы шаги уже безвозвратные.

Передъ тѣмъ, какъ они были сдѣланы, пока еще можно было вернуться, бод-

рость измѣнила, какъ разсказываютъ, нѣкоторымъ изъ елисейской братіи; они упали духомъ, а одинъ изъ нихъ даже и сказалъ что не рѣшается идти дальше. Но Флери, какъ разсказываютъ, повелъ этого челоуѣка одного съ собою въ сосѣдную комнату, заперъ дверь, вынулъ пистолетъ, сталъ передъ струсившимъ товарищемъ и сказалъ, что сію же минуту застрѣлитъ его, если онъ будетъ колебаться. Я употребляю здѣсь выраженіе «говорятъ»,—по я могу сказать, что вѣрность этого разсказа признана однимъ изъ двухъ лицъ, между которыми происходила эта сцена наединѣ.

Но почему бы то ни было, по бодрости ли духа, или по страху, заговорщики продолжали свое полночное дѣло. Приказъ военнаго министра Маньяну былъ подписанъ въ самое глубокое время ночи,—вѣроятно, въ половинѣ третьяго, потому что въ три часа онъ былъ уже въ рукахъ Маньяна.

Около того же часа ночи, Мона послалъ нѣсколькимъ полицейскимъ приказаніе немедленно явиться къ нему въ префектуру, чтобы получить отъ него распоряженія относительно иностранныхъ эмигрантовъ, прибытія которыхъ въ Парижъ будто бы надобно ожидать по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ. Въ половинѣ четвертаго комисары собрались въ префектуру. Мона призывалъ къ себѣ въ кабинетъ каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, и каждому давалъ особое порученіе, такъ что они ничего не знали другъ о другѣ, кто куда и зачѣмъ отправляется. Это былъ первый моментъ того періода дѣла, что тайна выходила за границы тѣснаго кружка нѣсколькихъ лицъ въ руки большого числа второстепенныхъ агентовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ той ночи каждый изъ этихъ мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Франціи: отъ него зависѣло испортить приказаніе префекта, отдававшее страну во власть елисейской братіи, или, повинаясь закону, обнаружить заговоръ и тѣмъ повести заговорщиковъ подъ судъ. Распоряженіе Мона состояло въ томъ, что онъ послалъ комисаровъ арестовать знаменитѣйшихъ генераловъ и важнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи,—всѣхъ въ одну и ту же назначенную минуту; для одновременности арестованія каждому комисару было поручено сдѣлать только одинъ арестъ; каждому велѣно было взять отрядъ полицейскихъ и съ нимъ подойти къ дверямъ квартиры указаннаго ему для ареста лица нѣсколько пораньше назначеннаго времени, но ждать до четверти седьмого и ровно въ четверть седьмого, не раньше и не позже, прозвезсти арестъ.

Въ шесть часовъ бригада пѣхоты, подъ командою Форе, уже стояла на quai d'Orsay; другая, подъ командою Дюлака, въ Тюильрійскомъ саду; третья, подъ командою Котта; на place de la Concorde; четвертая, подъ командою Канробера, вмѣстѣ съ цѣлою дивизіею кавалеріи подъ командою Ребелля—около Елисейскихъ полей. Изъ того, что войска были поставлены именно на этихъ пунктахъ, надобно заключать, что главною заботою заговорщиковъ было въ это время еще не утрашеніе Парижа, этою заботою можно было еще повременить, городъ не могъ подняться такъ рано,—потому многія важнѣйшія части его и оставались еще не заняты войсками,—теперь пока войска имѣли назначеніемъ поддержать, въ случаѣ надобности, комисаровъ, разсланныхъ для арестованія,—три первыя бригады занимали тѣ пункты, по сосѣдству которыхъ были расположены квартиры арестуемыхъ лицъ, и ограждать безопасность елисейской братіи и прикрывать ея бѣгство изъ Парижа въ случаѣ неудачи дѣла,—для этого и стоялъ тамъ Канроберъ съ пѣхотою и Ребелль съ кавалеріею.

Распоряженіе Мона было исполнено аккуратно и успѣшно: равно въ четверть седьмого,—по тогдашнему времени года это было еще до разсвѣта,—каждый комисаръ вошелъ въ назначенную ему дверь. Въ одну и ту же минуту комисары арестовали знаменитѣйшихъ генераловъ Франціи: генераль Шангарнье (главный генераль крайнихъ монархистовъ), генераль Бедо, генераль Ламорисьеръ (тогда главный генераль либеральной части монархистовъ, готовый на союзъ съ республиканцами въ случаѣ серьезной опасности,—которой еще не ждали,—со стороны президента), генераль Кавеньякъ (главный генераль умѣренныхъ республиканцевъ), генераль Лефло были подняты съ постелей и препровождены черезъ спящій городъ въ тюрьму. Въ ту же минуту то же было сдѣлано съ главными лицами, завѣдующими порядкомъ засѣданій законодательнаго собранія, со многими главнѣйшими или опаснѣйшими по твердости характера депута-

тами: въ числѣ другихъ были арестованы Тьеръ, Міо (демократъ), полковникъ Шаррасъ (едва ли не даровитѣйшій изъ всѣхъ политическихъ военныхъ людей нынѣшней Франціи,—одинъ изъ немногихъ депутатовъ, совершенно ясно понимавшихъ положеніе дѣлъ, какъ уже было замѣчено выше, ждавшій подобной катастрофы, предлагавшій простое, легкое средство устранить ее, но не успѣвшій убѣдить ни массу своихъ собратовъ республиканцевъ, ни массу монархистовъ: одинаково бывшихъ слѣпыми, а самъ не имѣвшій возможности принять команду, потому что былъ только полковникъ) и многіе другіе демократы; были арестованы и тѣ не бывшія депутатами лица, которыя считались главными людьми тайныхъ обществъ. Общюю цѣлью этихъ ночныхъ арестовъ было то, чтобы, когда городъ проснется по утру, армія увидѣла бы себя безъ генераловъ, стоящихъ за законъ, законодательное собраніе безъ людей, на которыхъ лежала обязанность созвать его, всѣ политическія партіи остались бы парализованы отсутствіемъ своихъ предводителей. Число всѣхъ лицъ, арестованныхъ въ четверть седьмого ночью съ 1 на 2 декабря, было 78 человекъ; 18 изъ нихъ были депутаты.

Было еще темно, когда Морни съ отрядомъ пѣхоты пріѣхалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, занялъ его и взялъ въ свои руки рукоятку того французскаго административнаго механизма, благодаря которому человекъ, сидящій на этомъ мѣстѣ, распоряжается всею націею. Морни сѣлъ за этотъ столъ и уже диктовалъ по телеграфу во всѣ департаменты о томъ, съ какимъ энтузіазмомъ Парижъ принялъ новыя распоряженія, а Парижъ еще спалъ и о новыхъ распоряженіяхъ еще никто не зналъ.

Когда стало свѣтать парижане увидѣли на стѣнахъ прокламаціи президента и постепенно узнали, что въ эту ночь арестовано множество знаменитѣйшихъ людей Франціи, что всѣ генералы, на помощь которыхъ могли бы рассчитывать друзья закона и порядка, брошены въ тюрьмы; городъ узнавалъ объ арестахъ, какъ мы сказали, постепенно и очень медленно. Газеты, за которыхъ привыкли люди хвататься, чтобы узнать факты, узнать правду о томъ, что думаютъ дѣлать другіе,—всѣ были захвачены и остановлены въ типографіяхъ.

Двери законодательнаго собранія были заперты; передъ ними стояли солдаты. Но депутаты, начавшіе сходиться на засѣданіе, нашли средство войти въ залъ собранія черезъ квартиру одного изъ сановниковъ законодательнаго собранія, находившуюся въ томъ же зданіи. Ихъ собралось уже очень много; нѣкоторые изъ нихъ успѣли отыскать Дюпена, своего президента; онъ было не хотѣлъ идти въ засѣданіе (14), но они

(14). Дюпенъ старшій — трусливый эгоистъ; бывши повѣреннымъ по частнымъ дѣламъ Луи-Филиппа, т. е. бывши очень близкимъ, домашнимъ человекомъ орлеанскаго короля, онъ не постыдился потомъ увѣрять, что обратился въ республиканскую вѣру,—теперь былъ опять монархистомъ, потому что монархисты имѣли твердую надежду возстановить королевскій престолъ,—черезъ нѣсколько времени не постыдился принять должность, впрочемъ, независимую и чистую должность по высшему судилищу Франціи, кассационному суду при Луи-Наполеонѣ. Онъ не безчестный человекъ, каковы герои рассказываемой Кинглемомъ драмы, но одинъ изъ самыхъ плохихъ по характеру между дѣятелями временъ, предшествовавшихъ имперіи. Въ душѣ онъ орлеанистъ, насколько можетъ безъ вреда себѣ быть имъ.

заставили его идти въ залъ и сѣсть на его предсѣдательское кресло, когда вломился въ залъ отрядъ солдатъ и вытѣспилъ изъ него депутатовъ, нанося удары прикладами. Въ то же самое время отрядъ легкой кавалеріи съ наглыми обидами разогналъ другихъ депутатовъ, толпившихся у боковыхъ дверей зала. Двѣнадцать человекъ изъ числа разгоняемыхъ депутатовъ были арестованы и отправлены въ тюрьму.

Между тѣмъ (все по утру 2 декабря) президентъ, сопровождаемый своимъ дя-

дею, прицѣмъ Иеронимомъ и графомъ Флаго,—который, кажется, до нѣкоторой степени зналъ о замыслѣ раньше,—съ множествомъ генераловъ, многочисленнымъ штатомъ проѣхалъ по нѣкоторымъ изъ главныхъ улицъ. Кажется, что по своей театральной манерѣ онъ ждалъ отъ этого кавалькадированія рѣшительнаго торжества своему дѣлу; и точно, непопулярность законодательнаго собранія (за реакціонное направленіе монархистовъ, господствовавшихъ въ немъ), внезапность и ловкость удара, нанесеннаго въ ту ночь, давала надежду на успѣхъ; но президентъ ошлбся: онъ не сообразилъ, какими глазами все еще продолжалъ смотрѣть на его личныя претензіи насмѣшливый парижскій народъ. Минута, когда парижане перестали смѣяться надъ нимъ, была уже очень близка, но еще не пришла. Да онъ и не сдѣлалъ того, что нужно было для полученія аплодисментовъ,—не поѣхалъ хоть сколько нибудь на рискъ: онъ ѣхалъ по тѣмъ улицамъ и частямъ набережной, гдѣ стояли войска, подлѣ самыхъ солдатъ. Пріемъ, сдѣлавшій ему на улицахъ парижанами, былъ ни расположенный, ни враждебный, а ледяной, спокойный и презрительный.

Встрѣтивъ такое фіаско, президентъ упалъ духомъ. Опять, хоть не такъ безнадежно какъ въ Страсбургѣ и Булони, онъ былъ ошеломленъ столкновеніемъ съ дѣйствительностью. И не удивительно было, что онъ смутился и оробѣлъ: по своей старой склонности, онъ сочинилъ и назначилъ разыграть въ этотъ день большой спектакль императорской встрѣчи его,—въ роли аустерлицкаго побѣдителя,—французскою націею. Когда, вышедши изъ комнаты, гдѣ все это сочинено и снабжено декораціями, онъ поѣхалъ по улицамъ,—онъ ѣхалъ, ѣхалъ и съ каждою минутою, съ каждымъ шагомъ все яснѣе видѣлъ, что Парижъ слишкомъ занятъ серьезными дѣлами слишкомъ солиденъ и пологъ презрѣнъ для фокусника, чтобы пріивѣтствовать его императоромъ;—вещь въ самомъ дѣлѣ замѣчательная: парижское населеніе было такъ надменно передъ нимъ, или такъ мало хотѣло думать о немъ, что не порадовало его даже тѣмъ, чтобы смотрѣть на него хоть съ любопытствомъ, котораго, казалось бы, заслуживалъ онъ послѣ продѣлки, устроенной тою ночью. Какъ же это, даже и не смотря на него, вѣдь это онъ, императоръ, теперь уже съ настоящею генеральскою свитою, на настоящихъ лошадяхъ, въ неподдѣльныхъ мундирахъ,—и день свѣтлый, можно бы видѣть его. Да, на него свѣтило настоящее, неспециальное солнце, но декабрьское, на которомъ замерзнешь. Привѣцъ Луи-Наполеонъ поѣхалъ домой и больше не показывался въ публику.

Онъ безвыходно сидѣлъ въ Елисейскомъ дворцѣ, почти все одинъ, въ запертой комнатѣ,—сообщники не могли никого допускать къ растерявшемуся своему предводителю. Воротившись съ своей поѣздки, онъ, даже забывъ снять свои регалія, сѣлъ въ кабинетѣ спиной къ окну, лицомъ къ камину, новѣсивъ голову, и сидѣлъ, сидѣлъ много, много часовъ, опершись локтями на колѣня, закрывъ лицо руками.

Такъ рассказываютъ, а какъ бы то ни было, положительный фактъ то, что въ это время опасности сообщники его не допускали до него никого, не допускали до него и никакихъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, какія передавали ему сами. Самъ ли онъ инстинктивно пожелалъ, или его сотоварищи и безъ его просьбы разсудили, что онъ губить ихъ своимъ уныніемъ,—но его устроили, оградилъ отъ всякихъ тревожныхъ извѣстій и стерегли; разсудили, что нельзя допускать до его ушей ничего, кромѣ того, что найдутъ удобнымъ сказать ему Персиньи или Флери,—разсудили, что невозможно допустить его увидѣть какого нибудь адъютанта, прискакавшаго отъ Септъ-Арно, или Маньяна, или какого нибудь комисара, пріѣхавшаго отъ Мона съ извѣстіями, которыми разстраивался даже самъ Мона.

Выгнанные изъ своего зала депутаты собрались въ Ратушѣ (mairie) 10-го округа (15). Тамъ, по предложенію знаменитаго Веррье (предводителя либе-

(15). Парижъ былъ раздѣленъ тогда на 12 частей. (округовъ или мэрій); mairie — зданіе полицейскаго управленія округомъ, съ прекраснымъ заломъ, довольно крѣпкое, ограждаемое полицейскими солдатами округа; мэръ 10-го округа былъ самый преданный изъ всѣхъ мэровъ монархическому большинству законодательнаго собранія.

рального отдѣла легитимистовъ, или умѣренныхъ легитимистовъ) собраніе вотировало, что дѣйствія Луи-Наполеона лишаютъ его президентскаго сана (16) и постано-

(16). Конституція 1848 года говорила, что если президентъ предприметь что либо противъ законнаго порядка или противъ законодательнаго собранія, онъ этимъ самымъ дѣломъ уже низлагаетъ себя съ своего мѣста,— что законодательное собраніе даже уже и не имѣетъ рѣшать этого, а только заявляеть, какъ фактъ уже совершившійся и что даже не ожидая и этого заявленія со стороны законодательнаго собранія, а тѣмъ больше по его заявленію, собирается верховный судъ, члены котораго уже впередъ назначены, и дѣлаеть распоряженіе объ арестованіи преступника, если онъ еще не арестованъ.—Постановленія конституціи были, какъ видимъ, очень точны и сильны; но, какъ мы знаемъ, законодательное собраніе было непопулярно и непредусмотрительно. Фортъ ничего не значитъ, какъ бы силенъ ни былъ, если гарнизонъ не умѣетъ владѣть орудіями, а кромѣ того спитъ, не поставивъ караульныхъ,— пять человекъ безъ всякой помѣхи перелѣзли тайкомъ черезъ стѣну, заперли двери казармы, а тѣ все еще спали,—привезли пушку со стѣны, черезъ которую перелѣзли, зарядили пушку картечью, навели въ окно казармы, и тогда закричали: „вставайте господа, и сдавайтесь: видите, фитиль готовъ и картечь въ пушкѣ ваша собственная, прекрасная“. Снавшіе вздумали было погорячиться съ просонья, еще не появивъ милаго оборота, но черезъ минуту, какъ увидимъ ниже, опомнились, разсудили, что поздно, сдались и сами связывали другъ другу руки. Такова была часть мелодрамы, относившаяся къ конституціи и законнымъ властямъ. Она была дѣйствительно водевильна. Но потомъ надъ народомъ, надъ окрестными жителями, которыхъ долженъ былъ охранять фортъ, разыгралась другая часть мелодрамы, менѣе забавная. Киплекъ будетъ разсказывать о ней черезъ нѣсколько страницъ. Истолкованіе же первой части пьесы: фортъ—конституція 1848 года, построеніе очень уродливое по смѣшенію въ немъ совершенно разнохарактерныхъ системъ, но впрочемъ при всей своей уродливости само по себѣ крѣпкое; пушки на стѣнахъ форта суть войска, артиллеристы же гарнизона суть генералы и государственные люди Франціи, обязанные употреблять оныя пушки на оборону онаго форта, пушка же, привезенная къ окну казармы, есть часть французской арміи (4 бригады пѣхоты и проч.), обращенная на укрощеніе духа таковыхъ артиллеристовъ, картечь же есть подлинная картечь, съ присовокупленіемъ пуль, палашей и другихъ обыкновенныхъ видовъ оружія.

вило, что члены верховнаго суда должны собраться и приступить къ суду надъ президентомъ и его сообщниками. Только что были вотированы эти рѣшенія, какъ на дворъ Ратуши пришелъ батальонъ венсенскихъ стрѣлковъ и двинулся въ залъ. Одинъ изъ вице-президентовъ собранія вышелъ на встрѣчу солдатамъ на лѣстницу и сказалъ: «Остановитесь, предоставьте свободу собранію». Офицеръ, къ которому прямо относились эти слова, понялъ опасность порученія, потому ему и отвѣчалъ: «я не больше, какъ исполнитель,—пойду спросить новаго приказанія у своего командира».

А между тѣмъ подошли еще нѣсколько батальоновъ бригады Форе, вмѣстѣ съ самимъ Форе и окружили Ратушу. Венсенскимъ стрѣлкамъ было скомандовано: «заряжай». Къ дверямъ зала подошли два полицейскіе комисара,—объявили, что имъ при-

казано очистить залъ, просили собраніе не противиться этому. Депутаты отказались уступить. Пришелъ третій комисарь, — сталъ говорить болѣе повелительнымъ языкомъ, — но также поколебался, когда ему объяснили противозаконность исполняемаго имъ порученія. Наконецъ пріѣхалъ адъютантъ Маньяна съ письменнымъ приказомъ командиру батальона очистить залъ, если понадобится, то и силою, и отвѣсть въ Мазасскую тюрьму всѣхъ депутатовъ, которые будутъ противиться. Языкъ этого приказа свидѣтельствуешь, какъ малодушно прикрывался Маньянъ обязанностью повиноваться военному министру: онъ не забылъ прибавить снова, что дѣлаеть свое распоряженіе «въслѣдствіе приказаній военнаго министра». Въ залѣ было тогда около 220 депутатовъ; всѣ они объявили, что не хотятъ удалиться, и уступать только силѣ. Президента Дюшена тутъ не было, потому что предсѣдательствоваль старшій вице-президентъ Бенца-д'Ази; полицейскіе взяли подъ руки его и другого вице-президента и повели изъ зала. Всѣ депутаты пошли за ними и, между двумя рядами солдатъ, пошли по улицамъ за своими вице-президентами; плѣнное собраніе шло черезъ rue de Grenelle, rue St.-Guillaume, rue Neuve de l'Université, rue de Beaune и наконецъ было приведено на quai d'Orçay. Въ ихъ лицѣ Франція шла плѣнная по улицамъ своей столицы, — такое зрѣлище было грустно смотрѣвшимъ на него парижанамъ, — но грусть этихъ зрителей была похожа на чувство, съ какимъ люди, проходя мимо какойнибудь непріятной уличной сцены, жалѣють, что никто не приходитъ прекратить ее, а сами идутъ мимо. Депутаты, собравшіеся въ Ратушу, слишкомъ падѣясь на силу закона (17),

(17). Отчасти, конечно, они руководились этимъ чувствомъ; но главное было то, что они не довѣряли парижанамъ: огромное большинство собравшихся были монархисты (какъ и сами вице-президенты); созвать народъ значило звать его на баррикады; они не знали, пойдетъ ли онъ на баррикады по ихъ призыву, и несомнѣнно знали, что крикъ на баррикадахъ былъ бы *vive la république*, — и при томъ навѣрное даже *vive la république démocratique et sociale*. Это было страшнѣе для нихъ, чѣмъ все, чего самые предупредительные или самые боязливые могли ждать для себя (и по ихъ мнѣнію для Франціи) отъ самаго крупнаго наполеоновскаго деспотизма. Въ эти минуты прямо предложилась къ немедленному отвѣту въ мысляхъ каждаго депутата знаменитая тогдашняя полемическая фраза: *la France, sera-t-elle cosaque (napoléonienne) ou sociale (rouge, barbare?)* — и всѣ монархисты отвѣчали: лучше пусть будетъ наполеоновскою, чѣмъ красною. Они не захотѣли понять, что именно *napoléonienne* и будетъ *rouge*, гораздо болѣе *rouge*, чѣмъ все, чего они боялись отъ социалистскаго терроризма, легко-вѣрно созданнаго ихъ робкою фантазією. Еслибъ не это, у депутатовъ достало бы мужества остановиться, хоть и шли они между двухъ рядовъ штыковъ, закричать народу и командовать солдатамъ: „вяжи батальонныхъ“, и навѣрное сами солдаты конвоя также машинально перевязали бы своихъ командировъ, какъ прежде арестовали своихъ плѣнниковъ и пошли бы вмѣстѣ съ народомъ на другихъ солдатъ, командиры которыхъ не струсили бы, а Маньянъ, главнокомандующій, навѣрное, струсиль бы и бѣжалъ бы. Дѣло еще могло бы повернуться и въ эти минуты. Но депутаты, не лишённые мужества лично за себя, боялись отдавать Францію въ руки враговъ, которыхъ по своему заблужденію считали болѣе вредными для нея, чѣмъ того врага, который арестоваль ихъ. Они не трусили, они поступили честно; они только ошибались все еще и въ эту минуту, какъ прежде, какъ, по всему, что видно со стороны, продолжаетъ и до сихъ поръ ошибаться и масса французскихъ

роялистовъ, сильная сочувствіемъ большей части департаментовъ и масса французскихъ республиканцевъ, сильная расположеніемъ простолюдиновъ Парижа. Эти массы, разнящіяся между собою не столько по существу стремлений, сколько по именамъ, которыми зовутъ ихъ, все еще не могутъ, кажется, понять другъ друга. Въ мелкихъ частныхъ дѣлахъ такія ошибки, можетъ быть, неизвинительны, когда тянутся такъ упрямо, такъ долго; но въ исторіи народовъ иначе не бываетъ; всегда бываетъ нужно очень много времени, чтобы партіи поняли другъ друга и примирились хоть настолько, чтобы дружно стремиться къ тому, чего одинаково желаютъ. Быть можетъ, это жалко; быть можетъ, это дико; но это идетъ черезъ всю исторію всѣхъ націй, и несправедливы къ французамъ тѣ, которые судятъ о нихъ дурно изъ-за этого грустнаго недоразумѣнія ихъ. Даромъ и скоро ничто не достается націямъ; все пріобрѣтается только долгимъ, труднымъ опытомъ жизни.

позабыли, или не захотѣли позаботиться, чтобы собралось большое стеченіе народа по сосѣдству зала, въ которомъ они засѣдали; зрители этого конца свободныхъ учреждений не были многочисленны,—это были только люди, случайно проходившіе мимо. Не было между ними бури негодованія. Въ злой часъ республиканцы приняли законъ, чтобы представители народа получали жалованье; это узаконеніе подорвало кредитъ собранія, потому что уничтожило мнѣніе о безкорыстїи, которымъ облагораживается парламентъ въ глазахъ свободнаго народа. Парижскіе работники, храбрые и воинственные, но не прѣстѣи и отчасти люди завистливые, сравнивали свою поденную плату съ платою депутатамъ и не находили основаній становиться за людей, которые служатъ патриотами по найму за 25 франковъ въ день (18). Но уже по

(18). Кинглекъ тутъ понимаетъ дѣло, какъ тори; если бы рѣчь шла о мнѣніи французскихъ легитимистовъ крайняго отдѣла, онъ былъ бы правъ. Но даже легитимисты отдѣла Беррье навѣрное не совѣмъ такъ смотрѣли на дѣло. Смѣшно и вредно для кредита нынѣшней англійской палаты общинъ было бы, еслибъ ея члены вздумали назначить себѣ жалованье: всѣ они люди съ независимыми отъ своего обыденнаго труда средствами жизни, почти всѣ люди богатые. Другіе и не идутъ въ нынѣшнюю палату общинъ и не могутъ идти, если бы даже захотѣли голодать въ ней; въ Англїи еще остается обычай, что почти всѣ расходы по выборамъ несетъ самъ кандидатъ. Не говоря о подкупѣ, безъ котораго не обходится дѣло въ мелкихъ городахъ (болѣе убыточныхъ для кандидатовъ, чѣмъ большіе города и графства),—совершенно чистые и публичные расходы на выборы довольно велики, печатаніе объявленій, наемъ помѣщеній для предварительныхъ собраній избирателей, наемъ прислуги, безъ которой нельзя же обойтись при такихъ хлопотахъ, и проч. т. п.,—все это стоитъ тысячъ и тысячъ рублей каждому кандидату. — Во Франціи издавна обычай совершенно иной, такой же какъ въ Америкѣ; тамъ кандидатъ въ сторонѣ; онъ хлопочетъ лишь у главныхъ людей своей партіи, чтобы они рекомендовали его комитету партіи, завѣдующему выборами, — хлопочетъ за себя передъ этимъ комитетомъ, — и только; комитетъ назначаетъ или отвергаетъ претендента на кандидатство; если онъ отвергнутъ, онъ отходитъ въ сторону: некому подавать голосъ за него на выборахъ; если комитетъ назначаетъ его своимъ кандидатомъ, ему опять не остается ничего дѣлать самому: всѣ хлопоты ведетъ комитетъ, — деньги на это вносятъ по подпискѣ вся партія. Потому во Франціи, какъ въ

Америкѣ, шли въ депутаты и люди, живущіе своимъ трудомъ, не имѣющіе лишнихъ денегъ; они сильно нуждались: занятія по депутатству отнимали много времени, т. е. и дохода у этихъ небогатыхъ адвокатовъ, медиковъ, журналистовъ, небогатыхъ купцовъ, маленькихъ фабрикантовъ, — всё это знали; имъ справедливо было получать вознагражденіе. Это понимали всё во Франціи, кромѣ одного очень небольшого отдѣла одной изъ множества партій. А въ особенности понимали это парижскіе работники: вѣдь они были республиканцы, а кореннымъ правиломъ республиканцевъ было: „государство не нищій; оно не принимаетъ даромъ ничьихъ услугъ; за всякую службу — жалованье; иная служба обидна для націи и вредна, потому что не аккуратна“. Надъ жалованьемъ депутатамъ шутили, какъ шутятъ надъ всѣмъ, но шутили невинно, понимая, что шутятъ, а что въ самомъ дѣлѣ жалованью слѣдуетъ быть, по французскимъ обычаямъ; да и жалованье было очень умѣренно: 25 фр. въ день — около 9.000 фр. въ годъ, — это жалованье члена суда второй инстанціи, или чиновника, соотвѣтствующаго нашему начальнику отдѣленія, не больше. Парижане не любили тогдашнихъ депутатовъ не за ихъ жалованье, а за то, что они были люди не той партіи, какъ сами парижане.

своему развитому чувству, тонко замѣчающему разницу между пристойнымъ и непристойнымъ, парижскій простолудинъ былъ расположенъ оскорбляться сценою, которую теперь видѣлъ. Онъ разсуждалъ, какъ ему поступить при этомъ зрѣлищѣ, которое выводило Францію изъ ряда свободныхъ государствъ. А между тѣмъ отворились ворота казармы d'Orsay, депутаты были введены на ея дворъ и ворота опять затворились.

Было еще только два часа дня. Нужно было дожидаться темноты, чтобы сдѣлать то, что хотѣли дальше сдѣлать съ этими плѣнными. Въ половинѣ пятого три депутата пришли къ казармѣ и потребовали, чтобы ихъ также отвели къ прежнимъ плѣннымъ. Въ половинѣ десятого вечеромъ были приведены въ казарму 12 депутатовъ, взятыхъ солдатами у дворца законодательнаго собранія. Такимъ образомъ теперь было въ казармѣ 232 депутата.

Въ три четверти десятого въѣхало на дворъ казармы множество закрытыхъ фуръ безъ оконъ, — тѣхъ фуръ, въ которыхъ возятъ преступниковъ; всѣ депутаты были брошены въ нихъ и были отвезены — одни въ Валерьевскій фортъ, другіе въ Венсенскій фортъ, третьи — въ Мазасскую тюрьму. Такимъ образомъ, къ разсвѣту 3-го декабря, всѣ знаменитые люди законодательнаго собранія и всѣ лучшіе генералы Франціи были въ тюрьмахъ: кромѣ Шангарнье, Ведо, Ламорисьера, Кавеньяка и Леффо, кромѣ Тьера, полковника Шарраса, Міо, арестованныхъ ночью, теперь сидѣли въ плѣну еще 232 депутата, въ томъ числѣ люди знаменитые: Беррье (предводитель либеральныхъ легитимистовъ), Одилонъ Барро (предводитель либеральныхъ орлеанистовъ), Гюставъ де Бошонъ, Бенца д'Ази, герцогъ Брольи, адмиралъ Сесиль, Шамболль, де Корселль, Дюфоръ, Дювержье де Горанвь, де Фаллу, генералъ Лористопъ, Ланжюппе, герцогъ де Моинъ, герцогъ Монтебелло, генералъ Раду Лافоссъ, генералъ Удино, Ремюза, Токвилль. Въ числѣ этихъ 232 человекъ находилось 12 человекъ бывшихъ министровъ, въ томъ числѣ 9 человекъ, бывшихъ министрами во времена президентства Луи-Наполеона. — Таковы были люди, брошенные въ тюрьму; а бросавшіе ихъ были: принцъ Луи-Бонапарте, Морни, Мона, Севгъ-Арно, урожденный Ле-Руа, — дѣйствующіе по совѣту и согласію Фіалена де Персиньи, подъ повужденіемъ отъ Флери. Правда, что этимъ людямъ помогала армія; но мы видѣли, что Маньянъ, командовавшій ею, прятался подъ приказъ военнаго министра, и если бы былъ преданъ суду въ случаѣ неудачи, то безъ сомнѣнія сталъ бы доказывать, что былъ только орудіемъ, а не самостоятельнымъ лицомъ, когда дѣлалъ все то, что дѣлалъ.

По конституціи 1848 года, преступленія протпвъ нея подвергались преслѣ-

дованію Верховнаго Суда, особливо учрежденнаго только для этихъ дѣлъ. Онъ собрался; отрядъ солдатъ вошелъ въ залъ, судьи были согнаны съ своихъ мѣстъ,—но прежде, чѣмъ солдаты вошли, они успѣли составить формальный актъ о томъ, что начинаютъ процессъ противъ «бывшаго президента», и сходя съ своихъ мѣстъ, объявили, что только «отсрочиваютъ продолженіе засѣданія до дня, который будетъ опредѣленъ ими по усмотрѣнію», и приказали отнести къ «бывшему президенту» формальную повѣстку о томъ, что онъ преданъ суду.

Уже издавна храбрые парижане привыкли встрѣчать беззаконіе вооруженнымъ сопротивленіемъ. Но теперь было много причинъ, заставлявшихъ парижскій народъ находить, что въ настоящую минуту было бы неблагоразумно обращаться къ оружію. Событія 1848 года наполнили людей ужасомъ, внушили имъ ненависть къ социализму. Люди, испытавшіе, что значить цѣлые мѣсяцы и годы трепетать за свою жизнь и собственность, были доведены этимъ до такого унылаго состоянія, что готовы были стать за всякое правительство, хоть бы и беззаконное, противъ всякаго возстанія хотя бы и законнаго (19). Надобно прибавить, что

(19). Это совершенная правда, но опять надобно выразиться точнѣе. Все время съ марта 1848 г. до декабрьскаго переворота дѣйствительно было проведено образованными классами въ постоянномъ опасеніи возстаній, рѣзни и грабежа. До іюньской рѣзни, они дѣйствительно могли опасаться попытокъ насильственнаго введенія экономическихъ преобразованій,—хотя теперь уже и давно доказано, что ни одинъ изъ тогдашнихъ представителей социализма во Франціи не думалъ объ этомъ,—напротивъ, всѣ до одного они считали всякое насиліе вреднымъ и поставляли всю надежду на успѣхъ въ дѣйствованіи мирнымъ и законнымъ путемъ объясненій. Но положимъ, тогда ни хотѣли имъ вѣрить въ этомъ, положимъ, до іюня могли опасаться ихъ. А чего-жь было бояться ихъ послѣ іюньской битвы, какіе бы умыслы они ни имѣли? Они были уничтожены, они были совершенно безсильны вредить, или волновать, еслибъ и хотѣли. Но толпа продолжаетъ кричать, и сама запугиваетъ себя своимъ крикомъ. Это было все то же самое, какъ нашъ почтенный Сергій Глинка продолжалъ предостерегать русскую націю противъ Наполеона I до конца своей жизни, когда не только самъ Наполеонъ, но вѣроятно уже и Гудсонъ Лау, сторожившій его на Св. Еленѣ, умеръ давно. Почтенный ратникъ 1812 года продолжалъ и въ 1832 году и позднѣе воображать, что Кутузовъ стоитъ въ тарутинскомъ лагерѣ и что завтра Мюратъ внезапно атакуетъ его авангардъ.—Эта фантазія заднимъ числомъ постоянно дѣйствуетъ въ исторіи, и напрасно порицать за нее только нашего милаго ратника, трепетавшаго мыслию на 20 лѣтъ назадъ, или тогдашнихъ образованныхъ французовъ, трепетавшихъ въ концѣ 1851 года врага, забитаго ими же самими на повалъ лѣтомъ 1848 года. Масса англичанъ до сихъ поръ все воображаетъ, что папа собирается не нынѣ—завтра въ распахъ захватить ихъ въ свои руки,—эта фантазія заднимъ числомъ уже слишкомъ на 250 лѣтъ.—Но изъ фантазіи ничего важнаго въ дѣйствительности не выходитъ: она можетъ только замаскировать дѣйствительныя причины. Французы фантазировали на тему: „социализмъ ужасенъ“ и трепетали; это правда; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они приводимы были въ трепетъ дѣйствительно своею фантазією,—трепетъ происходитъ отъ другой причины, очень солидной, совершенно основательной, которая только на словахъ, для украшенія рѣчи, уступала первенство фантазиі, бывающей

всегда болѣе удобно для риторическихъ упражненій,—а на дѣлѣ очень прямо дѣйствовала на нервы, безъ всякаго посредства фантазіи. Парижскіе работники были республиканцы; большинство населенія департаментовъ были монархисты. Если была возможность думать, что для разрѣшенія вопроса о формѣ правленія будетъ добросовѣстно взято достаточное время, какое нужно, чтобъ или Парижу убѣдиться, что провинціалы не желаютъ республики, или провинціаламъ имѣть время обдумать, дѣйствительно ли они твердые монархисты, если бы добросовѣстно положено было ждать такого разрѣшенія вопроса, то дѣйствительно нечего было бы бояться никакихъ смуть; или парижане разсудили бы: „точно, они монархисты, гдѣ-жъ намъ совладѣть съ цѣлой Франціей? Надобно уступить, пусть будетъ опять король“, или бы провинціалы сказали: „оно точно, мы было привыкли думать, что мы монархисты; а разсудивши, увидѣли, что это для насъ все равно, какая форма правленія нравится Парижу, та и наша; все равно, какъ и во всемъ, мы полагаемся на вкусъ парижанъ,—и въ модахъ, и въ биржевыхъ дѣлахъ, и въ наукахъ“. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, дѣло рѣшалось бы мирно, добровольною и разсудительною уступкою той или другой стороны, смотря по тому, какая нашла бы себя слабою въ пунктѣ несогласія. Но такъ разсудительно дѣло бываетъ только въ книгахъ, а не въ жизни. Положеніе дѣла съ зимы 1848 года было таково: существовала республика; управляли ею монархисты; монархисты знали, что всякія новыя учрежденія упрочиваются привычкою къ нимъ; и такъ, если ждать пока можно будетъ разсудительно и мирно рѣшить вопросъ, то—кто же знаетъ?—тутъ, въ это время провинціалы привыкнуть къ республиканскимъ учрежденіямъ, и тогда дѣло монархистовъ будетъ сдано въ архивъ. И такъ, надобно спѣшить, пока въ ихъ рукахъ администрація. Поэтому каждый день монархисты совѣщались о надобности низвергнуть поскорѣе республиканскія учрежденія,—пока они все еще удерживались отъ этого, потому что еще не поладили между собою, какими учрежденіями замѣнить ихъ: прежними легитимистами, или прежними орлеанистами, или смѣшеніемъ тѣхъ и другихъ, или чѣмъ нибудь новымъ,—у нихъ доставало разсудительности и добросовѣстности на то, чтобы не начинать дѣла прежде, чѣмъ они поладили между собою; такъ,—но вѣдь они были люди,—хоть и разсудительные, а все же люди; хоть и добросовѣстные, а все же люди со страстями; поэтому безпрестанно они слегка порывались все вмѣстѣ на дѣло, которое сами все признавали преждевременнымъ; тотчасъ же замѣчали ошибку и отдергивали руку назадъ,—а нація и Парижъ все-таки видѣли, что монархистовъ забираетъ желаніе хватиться за дѣло: нынѣ кто нибудь изъ нихъ произнесетъ рѣчь, что „чѣмъ скорѣе будетъ низвергнута республика, тѣмъ лучше“,—а другіе не догадаются остеречься и аплодируютъ ему; завтра люди слышать, что ночью Шангарнье начиналъ было собирать войска для арестованія республиканцевъ, да тутъ же кетати и президента, и дѣлалъ это по приказанію монархистовъ; послѣ завтра какой то дикарь встаетъ въ законодательномъ собраніи и предлагаетъ перенести столицу изъ Парижа въ Буржъ, потому что,—такъ прямо и говорить,—въ Буржѣ монархисты; они насъ поддержатъ, а парижане гадки намъ. Конечно, изъ всего этого ничего не выходило,

разсудительные тотчас заглушили опрометчивыхъ, или бросили свою минутную опрометчивость. Но кто же могъ поручиться, что завтра не будетъ исполнено ими того, отъ чего едва удержались они вчера? Они и сами не были увѣрены въ себя: „да, мы можемъ увлечься“, думалъ почти всякій и говорили многіе изъ нихъ. А люди посторонніе партіямъ,—т. е. масса и образованнаго общества, не только простолюдиновъ и тѣмъ меньше могла быть увѣрена, что они не сдѣлаютъ преждевременной попытки, а преждевременная попытка возстановить королевскій санъ, не могла обойтись безъ битвы съ Парижемъ и безъ рѣзни во многихъ другихъ городахъ. Каждый вечеръ французы засыпали съ мыслию: ну, что будетъ, если нынѣ ночью Шангарнье получилъ приказаніе арестовать республиканцевъ, прогнать президента и провозгласить королемъ кого нибудь изъ двухъ представителей двухъ бурбонскихъ линій?—Да, всякій знаетъ, что завтра же быть можетъ, легитимисты и орлеанисты начнутъ рѣзаться съ республиканцами въ Парижѣ и во всѣхъ большихъ городахъ, и если одолѣютъ ихъ, то начнутъ рѣзаться между собою во всѣхъ департаментахъ—сѣверъ и земли по Рейну, по Ронѣ и Сенѣ, по низовью Луары станутъ за одну династію, остальная Франція, особенно южная часть центра и Бретань за другую, а вездѣ противники большинства будутъ сильны, и повторится Вандейская война въ увеличенномъ размѣрѣ. Вотъ была истинная причина тревоги,—тоже отчасти преувеличенная, но солидная, дѣйствительная. О ней меньше толковали, чѣмъ о социалистскомъ фантомѣ, потому что нечего было тутъ убѣждать и доказывать: всѣ сами видѣли, что этого слѣдуетъ бояться.—Исторія именно тѣмъ и величественна, и грустна, что сущность дѣла въ ней всегда проста и солидна, что никакими фантазіями и эффектами не измѣняется сущность дѣла, развивающаяся совершенно честно, только не такъ ровно и тихо, какъ пріятно бы желать, но напрасно желать. Исторія грустна именно тѣмъ, что низость, подлость, измѣна въ ней такой же безсильный миражъ, какъ и порывы великодушія, самопожертвованія; то и другое одинаково только заставляетъ насъ презирать или уважать отдѣльныхъ дѣятелей,—но не Наполеонъ побѣдилъ Макка въ Ульмѣ,—будь Наполеонъ генераломъ австрійской службы, походъ кончился бы все равно гибельнымъ для Австріи образомъ: Франція 1805 года *не могла* не побѣдить Австріи того года,—только потому и побѣдилъ Наполеонъ. Будь полководецъ французовъ менѣе даровитъ, чѣмъ Наполеонъ, будь онъ даже бездарнѣе самого Макка, побѣда французовъ была только бы не такъ эффектна, или не такъ быстра,—а условія мира были бы тѣ же самыя. „Странная вещь,—говорили римляне во время борьбы Цезаря съ Помпеемъ:—отчего это Лабеевъ всегда побѣждалъ, пока былъ на сторонѣ Цезаря, и всегда остается побѣжденъ, съ тѣхъ поръ какъ перешелъ на сторону Помпея“,—очень просто, отвѣчали сами же они черезъ нѣсколько времени: на сторонѣ Цезаря были всѣ свѣжія силы, на сторонѣ Помпея одна только гибель. Безсиліе людей надъ ходомъ событій трагично; но исторія отнимаетъ и возможность унынія за будущее, если отнимаетъ грезы опрометчивыхъ надеждъ: чему быть, того не миновать, говоритъ она, и изъ общаго хода событій послѣднихъ вѣковъ доказываетъ, что слѣдуетъ ждать все большихъ успѣховъ знанія и жизни.

чувство пренебреженія къ президенту не исчезло тотчасъ же послѣ переворота, сдѣланнаго въ ночь съ 1 на 2 декабря: мы увидимъ, что оно было уничтожено бойнею 4 декабря; но до вечера 4 декабря самая эксцентричность дѣла такъ напоминала собою Страсбургскій фарсъ и нелѣпую сцену въ Вулони, что въ продолженіи цѣлыхъ 54 часовъ послѣ разсвѣта 2 декабря негодование публики ослаблялось чувствомъ, что все это дѣло—не болѣе, какъ смѣшно. Всѣ презрительно говорили: «Сулукъ, Сулукъ»!—да, Луи-Наполеонъ казался Парижу похожъ на негра, провозгласившаго себя императоромъ и разыгравшаго изъ себя пародію на Наполеона I; а многимъ казалось, что подражаніе 18-му Брюмера, сочиненное президентомъ теперь, точно такая же кукольная комедія, какъ его прежнія подражанія возвращенію съ Эльбы. Разница была очень видна всякому: на этотъ разъ труппа припца состояла не изъ нѣсколькихъ десятковъ людей въ поддѣльныхъ мундирахъ, съ поддѣльными знаменами,—онъ распоряжался для своего спасенія всѣми средствами могущественнѣйшаго гражданскаго и военнаго административнаго механизма въ дѣломъ свѣтѣ; но все-таки господствовала мысль, что онъ спотыкается, быстро самъ летитъ съ ногъ, скоро будетъ въ необходимости сосавать и и подвергнется наказанію. Кромѣ этого чувства, бездѣйствіе объясняется и тѣмъ, что заговорщики успѣли парализовать національную гвардію, что—масса работниковъ не видѣли ничего противнаго своимъ интересамъ въ дѣлѣ 2 декабря. Уничтоженіе ценса и немедленное предоставленіе народу права избирать диктатора для Франціи (20) были

(20) Формальная сущность прокламацій президента состояла въ томъ, что: 1) цензъ уничтожается; 2) всѣ совершеннолѣтніе французы призываются посредствомъ правильнаго вотированія принять или отвергнуть президентство Луи-Наполеона и проектъ новой конституціи, предлагаемый имъ.

приманками, которыми обольстилось много честныхъ, легковѣрныхъ сердець между парижскими работниками; а менѣе благородные, доступные чувству зависти съ удовольствіемъ смотрѣли на продѣлку, посредствомъ которой люди, подобные Ламорисьеру, Ведо, Кавеньяку, подобные де-Люнну, Токвилю, Герцогу Брольи, были запрытаны въ полицейскіе фуры для мошенниковъ, были развезены въ низъ по тюрьмамъ персонами, подобными Морни, Мопя, Сентъ-Арно, урожденному Ле-Руа (21). По всему этому не было достаточнаго

(21) Надобно вспомнить также, что Кавеньякъ былъ главнымъ командиромъ, Ламорисьеръ главнымъ его помощникомъ въ страшномъ истребленіи парижскихъ простолюдиновъ въ іюнь 1848 года; другіе арестованные генералы—также почти всѣ были памятны парижскому простонародью по этому дѣлу; еще не забыто было прозвище *les boyaux de Cavaignac* — „Кавеньяковы палачи“—Токвиль, Брольи, Одилонъ Барро, Тьеръ и другіе—были памятны какъ распорядители, приказывавшіе тогда Кавеньяку истреблять инсургентовъ, безпощадно и нѣсколько разъ отсылавшіе изъ тогдашняго (конститутивнаго) правительствующаго законодательнаго собранія депутаціи инсургентовъ, являвшіяся съ предложеніями положить оружіе; изъ 232 арестованныхъ депутатовъ развѣ человекъ 10 было такихъ, которые не говорили тогда Кавеньяку: „бей, бей безъ пощады, безъ пощады!“—изъ остальныхъ 222, каждое имя, насколько было извѣстно народу, настолько было извѣстно ему по рѣчамъ въ этомъ тонѣ во время іюньской рѣзни. Дѣло не въ томъ, были ли преступны тогдашніе инсургенты, были ли правы большинство Конститутивнаго Собранія и генералы его, думая, что для спасенія націи необходимо безпощадное истребленіе іюньскихъ инсургентовъ, — они искренно думали тогда это, они дѣйствовали по совѣсти, какъ справедливый судья осу-

ждаетъ на наказаніе шайку разбойниковъ; но дѣло не въ томъ: дѣло въ томъ, что истребленные тысячи людей были парижскіе простолюдины—родственники, пріятели, товарищи по мастерской тѣмъ людямъ, которые теперь видѣли арестованіе Кавеньяка, его іюньскихъ помощниковъ и его іюньскихъ повелителей, приказывавшихъ ему не жалѣть картечи, — „дѣйствуйте картечью, генераль, и штыками, всякое другое оружіе имѣетъ мало дѣйствія, палаш, пули, ядра, бомбы—пожалуйста, не тратьте времени на эти пустяки; наша тактика должна быть: сгонять инсургентовъ въ густую массу, давать по ней нѣсколько залповъ картечи, потомъ двигать солдатъ въ штыки съ обонхъ концовъ улицы, чтобы некуда было бѣжать, потомъ отводить солдатъ въ сторону и пускать картечь въ догонку тѣмъ, которые успѣютъ вернуться отъ штыковъ“,—вотъ были инструкціи, исполнявшіяся въ 1848 году въ іюнь Кавеньякомъ: инструкціи простыя, но достойныя великихъ полководцевъ, хотя составлялись статскими, а не военными людьми. Они думали тогда, что это необходимо. Такъ или нѣтъ все равно. Но вотъ какъ отразилось это въ декабрѣ 1851 г.: „Вы убійцы нашихъ родныхъ; какое намъ дѣло спасать васъ?“

матеріала на то, чтобы немедленно формировались силы для вооруженнаго возстанія. Богатый и средній классъ негодовали, но ужасались мысли о возстаніи; бѣдному классу она была менѣе страшна, но въ немъ не было негодованія. Кромѣ того,—вещь извѣстная,—въ парижскомъ населеніи тогда и не было настоящей боевой силы. Она всегда избивалась воинственными и отважными людьми, для которыхъ бой самъ по себѣ наслажденіе; но тогда эта часть французскаго народа еще не существовала и успѣла возродиться послѣ уничтоженія результатовъ великой битвы іюньскихъ дней 1848 года, арестами, эмиграціей, ссылками, слѣдовавшими за пораженіемъ инсургентовъ. Люди баррикадъ были тогда лишены оружія, лишены своихъ предводителей и истреблены до такой степени, что немногіе уцѣлѣвшіе были слишкомъ малочисленны для серьезной борьбы; ихъ беспомощность еще болѣе обезсиливалась теперь тѣмъ, что въ ночь съ 1 на 2 декабря вдругъ исчезли ихъ командиры, главные люди тайныхъ обществъ,—внезапно арестованные, подобно депутатамъ и генераламъ и сидѣвшіе теперь по тюрьмамъ.

Впрочемъ, еще былъ остатокъ старыхъ инсургентскихъ силъ,—было нѣсколько людей, хотѣвшихъ попытаться построить нѣсколько баррикадъ; была горсть другихъ людей, рѣшившихся на то же самое не по любви къ возстаніямъ, а по другимъ, почти прямо противоположнымъ побужденіямъ: горсть людей, въ которыхъ было столько мужества, столько гордости, столько преданности закону и свободѣ, что они не могли не взяться за оружіе противъ декабрьской продѣлки, — знаменитѣйшимъ изъ этихъ людей былъ Викторъ Гюго (22). Онъ и нѣкоторые другіе депутаты, избѣжавшіе

(22) Викторъ Гюго былъ въ то время „красный“ и пожалуй даже „соціалистъ“; людей образованнаго общества, носившихъ такія прозванія, было довольно мало во Франціи. Но это обстоятельство не должно мѣшать видѣть, что онъ былъ отличнымъ представителемъ той манеры, по которой обыкновенно поступаетъ большинство людей: сущность не въ томъ, въ какомъ мѣстѣ воинствуетъ человѣкъ, а въ томъ, по какой стратегіи онъ воинствуетъ. До февраля 1848 г. Викторъ Гюго не звалъ, какой у него образъ мыслей въ политикѣ, ему не приходилось думать объ этомъ; а впрочемъ онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и отличный семьянинъ, добрый, честный гражданинъ и сочувствовалъ всему хорошему, въ томъ числѣ славѣ Наполеона I и

рыцарскому великодушію императора Александра I, доброму сердцу герцогини Орлеанской, матери наслѣдника тогдашняго короля Луи-Филиппа, и несчастіямъ благородной герцогини Беррійской, матери соперника этому королю и этому наслѣднику, сочувствовалъ прекрасному таланту Тьера, соперника Гизо, гениально простому краснорѣчію Гизо (едва ли не величайшаго изъ тогдашнихъ ораторовъ), честности Одилона Барро, противника Гизо и Тьера, гению и честности Араго, знаменитаго астронома, главнаго представителя республиканцевъ въ тогдашней палатѣ, благородству Фурьеристовъ, добродушію Луи-Блана, великолѣпной діалектикѣ Прудона, любилъ монархическія учрежденія и, кромѣ того, все остальное хорошее, въ томъ числѣ и Спартанскую республику и Вильгельма Телля,—образъ мыслей извѣстный и заслуживающій всякаго почтенія уже и по одному тому, что изъ сотни честныхъ, образованныхъ людей чуть ли не 99 человекъ во всѣхъ странахъ свѣта имѣютъ навѣрно такой образъ мыслей. Но вотъ пришло 24 февраля,—Франція въ опасности раздѣлилась на два лагеря, каждый честный гражданинъ долженъ идти въ тотъ или другой, смотря по своимъ убѣжденіямъ. Виктору Гюго вздумалось, что такъ какъ теперь во Франціи республика, то честиѣ всего быть ему республиканцемъ; но какимъ же? Республиканцы были тогда умѣренные и красные. Ему вздумалось, что умѣренные честиѣ красныхъ, онъ и сталъ умѣреннымъ. А красные боролись съ ними,—ему показалось, что они враги республики, онъ сталъ воинствовать противъ нихъ: чуть ли не ему принадлежитъ благородное выраженіе, имѣвшее тогда очень большой успѣхъ: „я знаю двѣ республиканскія кокарды: истинную, трехцвѣтную національную, и красную, незаконную, что-то въ этомъ родѣ; такъ онъ и поражалъ красныхъ, пока не побилъ до конца; тогда ему стало жаль ихъ, въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что они красные и незаконники, а все же жалко: люди семейные, хорошіе мастеровые, многіе даже и по праздникамъ не бьвають въ пьяномъ видѣ, онъ разсудилъ, что надобно вотупиться за нихъ, и вступился, и вдругъ увидѣлъ, что самъ сталъ красный и социалистъ,—искренно, видите ли, проникся чувствами своихъ кліентовъ; ну и сталъ безбоязненно, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, высказывать свое новое имя „красный, социалистъ“, и пошелъ на баррикады, когда понадобилось. Такіе люди въ историческихъ дѣлахъ столь же благородны, сколько смѣшны, столь же благонамѣренны, сколько вредны всѣмъ безъ исключенія, и друзьямъ и врагамъ, но масса всегда такова. На Викторѣ Гюго эта черта выразилась очень эффектно, потому что онъ былъ очень горячій человѣкъ, но больше, или меньше, почти всѣ тогда поступали въ томъ же вкусѣ, разница была лишь въ томъ, какой лагерь кому казался лучшимъ, и какая партія въ лагерь кому когда казалась честиѣ, а духъ дѣйствій и основательность поступковъ были точно такіе же. Эта манера идетъ черезъ всю всемірную исторію отъ египетскихъ Фивъ и до нашего времени.

ареста, составили изъ себя «Комитетъ Сопротивленія», чтобы силою оружія отстоять власть закона. Они сформировали свой комитетъ въ первый же день кризиса 2 декабря.

Нѣсколько депутатовъ отправилось въ Сентъ-Антуанское предмѣстье поднимать народъ. Имена этихъ депутатовъ были: Шельше (Шельхеръ, Schoelcher), Бодень, Обри, Дюваль, Ше, Малардье, де-Флоттъ (23), и нашли энергическихъ товарищей себѣ въ Курве,

(23) Эти все были уже действительно политические люди с определенным образом мыслей, не то, что Виктор Гюго, все они принадлежали к партии, называвшейся тогда партией „социальной республики“ и составившейся из соединения остатков смѣлаго отѣла бывших умѣренных республиканцевъ, примирившихся съ своими прежними врагами юньской битвы, прежней партии „красныхъ“ и прежней партии социалистовъ. Шельхеръ извѣстенъ тѣмъ, что по его настоянію временное правительство 1848 года провозгласило (въ первое время послѣ февральской революціи) освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ; де-Флоттъ, по происхожденію аристократъ, былъ однимъ изъ лицъ, наиболѣе строго наказанныхъ правильнымъ судебнымъ порядкомъ во время процессовъ по юньскому возмущенію; онъ былъ потомъ въ числѣ волонтеровъ Гарибальди, былъ, кажется, однимъ изъ его любимыхъ товарищей и убитъ въ Сицилійско-Неаполитанскомъ походѣ Гарибальди. Это былъ человекъ безтрепетнаго мужества. Другіе, пошедшіе съ нимъ 2 декабря въ Сентъ-Антуанское предмѣстье и присоединившіеся къ нимъ тамъ, перечисляемые Кинглекомъ въ слѣдующихъ строкахъ, также были все люди, действительно, простого и твердаго мужества, безъ фанфаронства, которымъ страдали люди въ родѣ Виктора Гюго, Ламартина и тому подобныхъ героевъ, хоть и честныхъ людей.

квартира котораго сдѣлалась помѣщеніемъ ихъ штаба, Ксавье Дюрре, Кесслеръ, Рюиѣ, Леместрѣ, Вабрибонѣ (Wabribon), Леженѣ и другихъ журналистахъ демократическихъ газетъ. Больше своею личною энергіею, чѣмъ содѣйствіемъ народа, они успѣли построить маленькую баррикаду на углу улицы Св. Маргариты. Противъ нихъ пошелъ батальонъ 19-го пѣхотнаго полка,—и произошла сцена, думая о которой сначала улыбнешься, потомъ чувствуешь невольное удивленіе къ трогательной совѣстливости,—почти педантству,—этихъ храбрыхъ людей, хотѣвшихъ испытать не побѣдитъ ли вооруженную силу безоружное могущество закона. Положивъ ружья, перекинувъ чрезъ плечо свои депутатскіе шарфы, чтобы солдаты видѣли, что они представители націи, депутаты эти стали передъ баррикадою,—одинъ изъ нихъ, Шарль Боденъ, держалъ въ рукахъ экземпляръ конституціи. Приблизившись на нѣсколько шаговъ къ баррикадѣ, шедшая въ атаку колонна остановилась. Нѣсколько секундъ царствовало молчаніе: съ одной стороны былъ законъ, признанный Франціею,—съ другой былъ ливнейный батальонъ. Но дѣло зависло отъ пріятія правила: «закону должно повиноваться»,—а командиръ батальона не считалъ этого правила аксіомой; посмотрѣвъ молча нѣсколько секундъ на безоружныхъ депутатовъ, онъ сдѣлалъ командный жестъ, солдаты передній шеренги приложились, взвели курки... еще секунда—и пули полетѣли. Боденъ палъ безъ дыханія: голова его пробита была нѣсколькими пулями; упалъ также мертвымъ еще другой депутатъ; нѣсколько другихъ были ранены. Конституція упала на землю изъ руки, которая держала ее. Уцѣлѣвшіе взяли свои ружья. Одна изъ ихъ пуль убила офицера, скомандовавшаго стрѣлять. За тѣло Шарля Бодена загорѣлся бой, о какихъ говорить Иліада. Батальонъ остался побѣдителемъ: четверо солдатъ подняли и унесли трупъ Бодена. Масса Сентъ-Антуанскихъ простолюдиновъ держалась въ сторонѣ; эта попытка сопротивленія не удалась, умерла.

Послѣ того комитетъ сопротивленія сталъ возводить свои баррикады,—мѣстомъ ихъ былъ лабиринтъ переулковъ между Hôtel de Ville и сосѣдною частью бульваровъ,—привычный центръ парижскихъ возстаній. Но инсургенты по своей малочисленности не имѣли возможности занять также и дома, примыкающіе къ баррикадамъ; войска, не подвергаясь фланговому огню изъ оконъ, могли безопасно двигаться по улицамъ и легко брали баррикаду за баррикадой. Это дѣло началось 2 декабря, заняло и часть слѣдующаго дня. Потомъ наступленіе войскъ ослабилось; ночь съ 3-го на 4-е

и все утро 4-го числа инсургенты почти съ безпрепятственной свободой провели въ постройкѣ баррикадъ на этомъ центральному пунктѣ Парижа *).

Въ 2 часа дня 4-го числа положеніе Парижа было слѣдующее: лабиринтъ мелкихъ улицъ между Hôtel de Ville и сосѣднею частью бульваровъ былъ баррикадированъ; инсургенты держали за собою эту мѣстность безъ боя. Въ остальныхъ частяхъ города все было тихо: надъ Парижемъ тяготѣла армія; число солдатъ, бывшихъ въ строю по улицамъ и площадямъ столицы, простиралось до 48.000 человекъ (точная по спискамъ цифра—47.928); въ этой арміи были войска всѣхъ родовъ оружія: пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженеры и саперы, жандармы. Сильные отряды пѣхоты были поставлены на такихъ позиціяхъ, что могли одновременно со всѣхъ сторонъ окружности двинуться на баррикадированную мѣстность, бывшую въ ихъ центрѣ. Искусственными средствами солдаты были приведены въ озлобленіе на парижанъ (24). Имъ прямо говорили, что они не должны давать никакого снисхожденія

(24) Теперь озлобленіе, дѣйствительно, уже было, и было серьезно. Люди, стоящіе въ строю, постепенно ожесточаются противъ тѣхъ, битвы съ которыми ждуть; это уже и само по себѣ, независимо отъ всякихъ внушеній, развивается изъ двухъ натуральныхъ причинъ: одна—опасеніе за самого себя,—чувство самозащиты, чувство воинственности, разгорающейся отъ раздражающаго ожиданія; вторая—физическая усталость, заставляющая солдата злиться на тѣхъ, которые служатъ причиною, что онъ подвергается изнурительному стоянію въ строю, — эти люди уже дѣйствительно сдѣлали ему сильную досаду, измучили его, если онъ стоитъ для нихъ въ строю нѣсколько часовъ; а тутъ это тяжелое и раздражающее положеніе длилось уже болѣе двухъ съ половиною сутокъ. Солдаты теперь были бы уже ожесточены на парижанъ, хотя бы прежде были очень дружны съ ними, и хотя бы не были угощаемы виномъ съ раздражающими внушеніями и общаніями.

и людямъ несражающимся, которые только мѣшаютъ войску своимъ любопытствомъ,—не должны шадить и безоружныхъ зрителей,—не давать пощады не только инсургентамъ, но и никому изъ тѣхъ, которые хоть и не были заиѣчены сражающимися, покажутся похожими на стоявшихъ за инсургентовъ, убивать всѣхъ такихъ. Подумаемъ, что эта обязанность разбирать, кто изъ безоружныхъ похожъ на желавшаго сражаться,—была возложена на разсвирѣпѣвшихъ солдатъ,—и мы поймемъ, что изъ такой инструкции очень натурально выходитъ то, что произошло вечеромъ 4 декабря. Тотъ фактъ, что инструкция, дававшаяся солдатамъ, была именно такая, я знаю изъ источника, очень благопріятнаго Элизейскому дворцу.—По причинамъ, которыя были тогда неизвѣстны, солдаты были оставляемы въ бездѣйствіи; между головами колоннъ и передовыми позиціями инсургентовъ было большое разстояніе.

Отчего происходило роковое, раздражающее бездѣйствіе—теперь вещь извѣстная: Маньянъ медлил вступить въ дѣло,—потому что кто нибудь трусилъ: или самъ онъ, или президентъ, или Сентъ-Арно. Самъ Маньянъ, въ своемъ рапортѣ, объясняетъ свое промедленіе такими выраженіями, которыми оправдывается мнѣніе людей, думающихъ, что и промедленіе, какъ все остальное, было предпачтеннымъ средствомъ приготовить случай для совершенія убійствъ въ громадному размахѣ,—было средствомъ ожесточить солдатъ и выманить мирное населеніе подъ ружья. Но я не вѣрю этому; не вѣрю собственно потому только, что заговорщикамъ было невыгодно терять на это ожиданіе цѣлыхъ семь часовъ короткаго декабрьскаго дня,—потому я отвергаю то объясненіе дѣла, которое потрудился сообщить самъ Маньянъ. Думаю, что его понятія о честности, раскрытыя процессомъ по Булоньскому дѣлу въ палатѣ перовъ въ

*) *Примѣчаніе издателя.* До этого мѣста было напечатано въ заграничномъ изданіи (Эльпидина въ Женевѣ, 1890): „Заговорщики и соумышленники Людовика Бонапарте въ 1851 году.—Изложеніе по Кинглеку Н. Г. Чернышевскаго съ его примѣчаніями“.

1840 году, даютъ мнѣ право по собственному моему усмотрѣнiю судить о томъ, какого вниманiя заслуживаютъ слова такого господина.—Я объясняю бездѣйствiе войскъ такимъ образомъ: борьба съ инсургентами, съ военной стороны, была легка; но Маньянъ не могъ не видѣть, что въ политическомъ отношенiи онъ подвергается черезъ нее большой опасности. Механическая часть продѣлки, устроенной въ ночь съ 1 на 2 декабря, была исполнена съ усѣхомъ, до удивительности полнымъ; но въ другихъ отношенiяхъ дѣло элизейской братiи казалось рѣшительно неудавшимся: ни одинъ человекъ съ честною или громкою репутацiею не захотѣлъ идти на поддержку президенту. Уже давно было много людей, которые, изъ желанiя упредить порядокъ и спокойствiе, желали, чтобы президентъ успѣлъ низвергнуть или передѣлать конституцiю; но желая этого, они полагали, что онъ возьмется за подобное дѣло не иначе, какъ при помощи большинства или хотя нѣсколькихъ государственннхъ людей, считавшихся ревнителями порядка. Эти надежды были совершенно обмануты продѣлкою 2 декабря,—надѣявшiеся увидѣли всѣхъ знаменитыхъ защитниковъ порядка брошенными въ тюрьму; а людьми, помогавшими президенту своимъ сотрудничествомъ и одобренiемъ, они увидѣли Морни, Мопа или де-Мопа, Сентъ-Арно, урожденнаго Ле-Руа. Списокъ новаго министерства, обнародованный 2 декабря, не заключалъ въ себѣ ни одного уважаемаго хотя кѣмънибудь имени, и элизейскiе заговорщики, испуганные одиночествомъ, въ которомъ видѣли себя, прибѣгли къ курьезной уловкѣ. Они назвали «совѣщательную комиссiю» и обнародовали списокъ ея членовъ, въ который, кромѣ самихъ себя и людей, готовыхъ служить имъ, помѣстили 80 человекъ хорошей репутацiи,—всѣ эти 80 именъ были подлогомъ. Честные люди, ихъ посившiе, одинъ за другимъ протестовали противъ предположенiя, что они согласились быть «совѣтниками» Луп-Бонапарте, Морни, Мопа, Флери и Сентъ-Арно, урожденнаго Ле-Руа. Элизейская братiя получила однако же большой выигрышъ отъ этой штуки: на нѣсколько часовъ, почти всѣ, а многiе даже на нѣсколько дней были обмануты относительно числа и свойства людей, дѣйствительно помогавшихъ президенту. Но Маньянъ, разумѣется, зналъ истину. Утромъ 4 декабря онъ видѣлъ, что не смотря на полный видимый успѣхъ, Элизейская братiя не имѣетъ поддержки ни отъ одного человека съ солидною репутацiею; потому, онъ имѣлъ полное основанiе трусить,—и въ этомъ, по всей вѣроятности, была истинная причина его бездѣйствiя.

И точно: при одиночествѣ, въ которомъ были оставлены заговорщики, идти противъ инсургентовъ, хотя и слабыхъ числомъ, было очень опасно генералу, командующему войсками. Дѣйствовать противъ инсургентовъ въ защиту закона, по приказанiю правительства—дѣло не опасное; но теперь законъ былъ на сторонѣ инсургентовъ, а компанiя, забравшаяся на министерскiя мѣста, не имѣла такихъ почтенныхъ именъ, чтобы незаконность формы закрывалась личнымъ авторитетомъ ихъ. Потому, хотъ Маньянъ и имѣлъ возлюбленный ему ярлыкъ военнаго министра, онъ должепъ былъ сильно задумываться надъ вопросомъ: что будетъ съ нимъ, если онъ встрѣлится по парижанамъ, а заговоръ между тѣмъ провалится отъ безпомощности заговорщиковъ.

Но какъ бы то ни было, Маньяну объяснили наконецъ, что онъ уже скомпрометировалъ себя безвозвратно, и что его участь неразлучна съ участью заговорщиковъ; что хотъ онъ и станеть прикрываться приказомъ военнаго министра въ предыдущихъ своихъ дѣйствiяхъ, но свидѣтельство каждаго изъ двадцати генераловъ, собиравшихся у него 27 ноября, уличить его, что и самъ онъ былъ заговорщикомъ. Умное разъясненiе этого пункта избавило Флери отъ надобности показывать Маньяну свой пистолеть. Главнокомандующiй согласился двинуть войска на инсургентовъ. Онъ уже потерялъ большую часть короткаго декабрьскаго дня,—по въ 2 часа пополудни колонны его пошли, въ 3 часа головы ихъ уже подошли съ разныхъ сторонъ къ самымъ баррикадамъ.

Аванпостъ инсургентовъ на сѣверо-восточномъ краю ихъ позицiи прикрывался маленькою баррикадою, перерѣзывавшею Бульваръ близъ театра Gymnase. Человекъ двадцать, съ орудиемъ и барабаномъ, взятымъ изъ кладовой театра, стояли за этою баррикадою; на верху ея развѣвался маленькiй флагъ, который удалось достать имъ.

Въ 60—70 саженьяхъ отъ нея была голова сильной колонны, занимавшей всю

западную часть Бульвара; нѣсколько орудій было поставлено впереди солдатъ. На нейтральномъ пространствѣ между баррикадою и головою колонны, лавки и почти всѣ окна были заперты; но по троттуарамъ стояло множество любопытныхъ, въ томъ числѣ много женщинъ. Эти люди явно подвергали себя опасности отъ выстрѣловъ, которые будутъ направлены неудачно, не прямо. Но вовсе не въ такомъ положеніи были люди, находившіеся далѣе въ западъ, далѣе отъ баррикады, чѣмъ стояла голова колонны: отъ той линіи, на которой стояла голова колонны, до церкви Магдалины, вся широта улицы была занята войсками. Но троттуары, окна, балконы всей блестящей части Бульваровъ были наполнены зрителями и зрительницами, смотрѣвшими на бездѣйствующія войска будто на военный парадъ. Этими людямъ не было никакой причины думать, что они подвергаются хоть малѣйшей опасности: они не видѣли никого, съ кѣмъ бы сражаться войску. Правда, по стѣнамъ были выставлены объявленія, совѣтовавшія народу не толпиться по срединѣ улицъ, говорившія, что сборища будутъ разгоняться безъ обычныхъ предварительныхъ оповѣщеній о томъ, чтобы разошлись сами. Но и тѣ, кому случилось прочесть эти объявленія, натурально предполагали, что угроза относится къ шумнымъ толпамъ, которыя стали бы непризнанно мѣшать движеніямъ войскъ: никому не могло прийти въ мысль понять объявленіе какъ смертный приговоръ мирнымъ зрителямъ.

Въ 3 часа одно изъ орудій, поставленныхъ передъ головою колонны, сдѣлало выстрѣлъ по баррикадѣ; ядро перелетѣло высоко надъ нею. Солдаты, стоявшіе въ головѣ колонны, пустили съ десятокъ пуль въ баррикаду; инсургенты тоже отвѣчали нѣсколькими пулями; но ни съ той, ни съ другой стороны никто даже и не былъ раненъ, и этотъ ничтожный обмѣнъ нѣсколькихъ пуль былъ сдѣланъ такъ вало и безвредно, что даже зрители, стоявшіе на троттуарахъ пространства между головою колонны и баррикадою, почти безопаснымъ для себя свое мѣсто. А зрителямъ, стоявшимъ позади войскъ, не было никакой причины опасаться за себя: тамъ не было видно никого, кто былъ бы противъ войскъ. Итакъ, по всему протяженію бульвара отъ церкви Магдалины до Rue de Sentier, троттуары, окна, балконы оставались наполнены мужчинами, женщинами, дѣтьми, а отъ Rue de Sentier до головы колонны, бывшей близъ театра Gymnase, зрители тоже остались по прежнему на троттуарахъ; но окна на этой части бульвара были заперты. Все было тихо.

Нѣкоторые утверждаютъ, будто въ это время былъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ окна или съ кровли дома, стоящаго близъ угла Rue de Sentier. Другіе утверждаютъ, что этого не было. Одинъ изъ свидѣтелей показываетъ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ солдатомъ, стоявшимъ въ центрѣ одного изъ баталіоновъ, и выстрѣлившимъ вверхъ, на воздухъ. Но за этимъ выстрѣломъ, каковъ бы онъ ни былъ, послѣдовало вотъ что: солдаты, бывшіе въ головѣ колонны (по сосѣдству Rue de Sentier), повернулись фронтомъ съ востока, — отъ баррикады, — на югъ, на линію домовъ, идущихъ по южной сторонѣ бульваровъ, и открыли огонь. Ружья нѣкоторыхъ пришлось въ упоръ въ грудь зрителямъ, безпечно смотрѣвшимъ на нихъ плотною массою съ троттуара, — другіе стрѣляли въ зрителей и зрительницъ, беззаботно стоявшихъ по многу человекъ у оконъ и тѣсвившихся на балконахъ. Большая часть офицеровъ не участвовала въ командныхъ словахъ «на лѣво полу-кругомъ, — приложись, — и стрѣляй», но и не произносившіе этихъ словъ офицеры были такъ же взволнованы, какъ солдаты: по крайней мѣрѣ, капитанъ Джессъ, рассказъ котораго объ этой сценѣ (напечатанный въ Times'ѣ) — самый холодный, основательный и обстоятельный, капитанъ Джессъ, стоявшій на балконѣ бульвара близъ угла Монмартрской улицы, видѣлъ, что всѣ офицеры, которые были видны съ этого балкона, держатъ себя такъ, какъ будто одобряютъ все, что дѣлаютъ солдаты.

Порывъ, овладѣвшій солдатами или наброшенными командирами на солдатъ, бывшихъ въ головѣ колонны, — былъ порывомъ паническаго ужаса, приводящаго въ свирѣное изступленіе, — какъ паническое чувство, онъ съ быстрою заразительностью охватывалъ солдатъ отъ шеренги на шеренгу, съ Бульвара Bonne Nouvelle на Boulevard Poissonnière, откуда на Boulevard Montmartre, быстро пронесся по всей длинѣ Монмартрскаго бульвара и перешелъ на Boulevard des Italiens. Такимъ об-

разомъ, посредствомъ маневра, называсяго по строевой тактикѣ «на лѣво кругомъ, въ полусоборотъ»,—мгновенно сформировалась изъ войскъ, бывшихъ колонною, обращенною на востокъ, противъ баррикады, длинная линия строя, обращеннаго фронтомъ на югъ. противъ линіи домовъ по бульварамъ,—и этотъ строй, состоявшій изъ 16.000 человекъ, стрѣлялъ въ толпу, тѣсными рядами стоявшую на троттуарѣ,—въ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, стоявшихъ на балконахъ и у оконъ домовъ. Стрѣльба въ окна и по балконамъ придавалась особенная убійственность тѣмъ, что когда ужъ началась она на восточной части Boulevard Montmartre, люди, стоявшіе у оконъ и на балконахъ далѣе на западъ, не могли видѣть или понять, что войска стрѣляютъ тамъ—на востокъ,—по окнамъ и балконамъ, стрѣляютъ боевыми патронами,—и они оставались на своихъ мѣстахъ,—спокойно, до тѣхъ поръ, пока зараза стрѣльбы доходила своимъ быстрымъ полетомъ до солдатъ, бывшихъ противъ нихъ, и пули летѣли въ нихъ,—только тутъ, по стуку пуль о стѣны и дребезжанью разбитыхъ стеколъ они понимали, что это такое,—если не понимали по ранамъ своимъ или не были убиты. У одного изъ оконъ стоялъ русскій, помѣщикъ, съ сестрою (25),—вдругъ, полетѣли

(25) A Russian noble with his sister at his side,—фамилинъ этихъ лицъ не выставлено у Кинглека. Мнѣ помнится, что я слышалъ отъ какого-то другого русскаго то же самое—но отъ кого, не умѣю теперь сказать въ точности,—это было слышано мною давно, лѣтъ 5 назадъ; рассказчикъ не былъ раненъ, говорилъ, что стоялъ не на балконѣ, а у окна ресторана. Разумѣется, это другой случай: вѣроятно, и русскіихъ тутъ былъ не одинъ десятокъ у разныхъ оконъ и на разныхъ балконахъ, и на разныхъ мѣстахъ троттуара.

на нихъ пули, и они оба были равны. Англійскій медикъ, смотрѣвшій изъ окна того дома, имѣлъ счастье остаться не раненъ,—и когда я сталъ перевязывать раны русскіихъ,—говорить онъ,—я былъ такъ тронутъ забвеніемъ сестры о себѣ въ заботѣ о братѣ, забвеніемъ брата о себѣ въ заботѣ о сестрѣ, что никогда не благодарилъ такъ горячо судьбу за то, что я умѣю дѣлать перевязки и лечить.

Изъ людей, стоявшихъ на троттуарѣ и не сваленныхъ первымъ залпомъ,—одни ринулись гдѣ-бы спрятаться или хоть полу-прикрыться отъ пуль; другіе бросились навзничъ на землю, чтобы ползкомъ убраться прочь, въ надеждѣ, что, прилегши, будутъ ниже полета пули. Порывъ стрѣлять въ толпу охватилъ солдатъ мгновенно, но не на мгновеніе: они заряжали, стрѣляли, и заряжали съ какою то-странною жестокостью къ начатому занятію, и торопливо все пускали и пускали пули въ людей, будто ихъ собственная жизнь зависѣла отъ того, сколько людей успѣютъ они убить въ заданный срокъ упражненія.

Когда толпа исчезла, солдаты старательно прицѣливались въ каждого отставшаго, старавшагося убраться прочь, чтобы спасисъ; а если кто изъ такихъ думалъ спастись тѣмъ, что шелъ къ солдатамъ, и просилъ пощады, солдаты заставляли его отойти или убѣждали остановиться не подходя,—потомъ велѣли ему бѣжать,—и старались подстрѣлить на бѣгу. Эта бойня безоружныхъ, мужчинъ и женщинъ, продолжалась четверть часа или даже минутъ двадцать. Въ числѣ лицъ, стоявшихъ на одномъ изъ балконовъ по бульвару (близъ угла Rue Montmartre) былъ англійскій офицеръ; судя по пункту, съ котораго онъ смотрѣлъ на эту сцену, знавію военнаго дѣла, съ которымъ онъ наблюдалъ ее, хладнокровію, которое онъ сохранилъ при наблюденіи и описаніи ея, и его полному вниманію важной отвѣтственности, которую беретъ на себя специалистъ, офицеръ, при подсобныхъ описаніяхъ,—судя по всему этому, надобно думать, что на его рассказѣ всегда будутъ,—какъ дѣлаю я,—основываться историки, которые будутъ стараться о вѣрномъ изображеніи того, какъ создалась вторая французская имперія. Это капитанъ Джессъ.

Въ ту минуту, когда началась стрѣльба, онъ стоялъ и смотрѣлъ на войска, какъ на военный парадъ; подлѣ него стояла его жена. Съ балкона, на которомъ они

стояли, онъ могъ обозрѣвать бульваръ на востокъ на протяженіи около 800 ярдовъ (350 сажень, около $\frac{2}{3}$ версты),—ему видна была и голова колонны; перенося взглядъ на западъ, онъ видѣлъ все протяженіе бульвара до того мѣста, съ котораго имя Boulevard Montmartre замѣняется именемъ Boulevard des Italiens. И вотъ его слова: «Я вышелъ на балконъ, гдѣ стояла моя жена, и оставшись тамъ, смотрѣлъ на войска. Весь бульваръ, насколько видно было глазу, былъ покрытъ войсками, преимущественно пѣхотою, стоявшею по-взводаю, по интерваламъ въ четверть дистанціи, in subdivisions at quarter distance (26). По мѣстамъ были орудія, поставленныя

(26) Т. е. въ очень плотномъ строю.

по нѣскольку вмѣстѣ; орудія были 12-ти фунтовые пушки и гаубицы. Нѣкоторыя изъ нихъ стояли на подъемѣ Boulevard Poissonnière. Офицеры курили сигары (27).

(27) То есть, передъ этимъ было скомандовано соотвѣтственно нашему: „вольно“,—войска были не въ боевой готовности, а въ бездѣйствіи, въ ожиданіи,—они стояли въ строю, но не предвидѣлось надобности держать ихъ въ строевомъ порядкѣ. Парижане очень хорошо понимаютъ эту разницу по куренію сигаръ офицерами,—итакъ, они знали тогда, что имѣютъ передъ собою солдатъ, которые очень далеки отъ всякаго военнаго дѣйствія.

Окна были наполнены людьми,—болѣе всего женщинами, лавочницами, прислужною, дѣтьми, или, какъ мы, случайными посѣтителями Парижа. Вдругъ, въ то время, какъ я смотрѣлъ въ бинокль на войска къ востоку отъ меня, къ головѣ колонны, послышалось оттуда нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; голова колонны имѣла тысячь до трехъ. Въ нѣсколько мгновеній всѣ они начали стрѣлять; занятіе стрѣльбою быстро распространилось все ближе къ намъ,—и линія огня, на нѣсколько мгновеній приостановившись въ ходѣ, стала охватывать войска все ближе къ намъ. Но огонь былъ такъ правиленъ, что сначала я думалъ, что это стрѣляютъ холостыми зарядами, въ знакъ торжества отъ какого нибудь извѣстія, что гдѣ нибудь взята баррикада, или для сигнала, чтобы обозначить другимъ войскамъ свою позицію. Только уже тогда, когда подошло это на 50 ярдовъ (сажень 200) ко мнѣ, я распозналъ по звуку выстрѣловъ, что они не холостые, а боевые,—но и въ эту минуту я не вѣрилъ свидѣтельству своихъ ушей. потому что глаза мои не отыскивали никакого неприятели,—и я продолжалъ смотрѣть на солдатъ, пока рота, бывшая противъ нашего балкона, взвела курки, и какой-то плутоватый солдатъ, проворнѣе другихъ,—еще юноша, безъ усовъ, безъ волоска на подбородкѣ,—приложился въ меня,—тотчасъ же я подбросилъ мою отступавшую жену на окно, выходящее на балконъ, чтобы прикрылъ ее уголъ простѣнка,—и въ этотъ самый мигъ пуля ударила въ потолокъ балкона надъ нами и осыпала насъ кусочками и пылью разбитой штукатурки. Черезъ секунду я снялъ жену на полъ, уже въ комнатѣ, и еще черезъ одну секунду, цѣлый залпъ ударилъ пулями по всему фасаду дома, по балкону, по окнамъ. Одна пуля разбила въ нашей комнатѣ зеркало надъ каминномъ, другая колпакъ столовыхъ часовъ; въ окнахъ уцѣлѣло лишь одно стекло; шторы и рамы были изорваны, разбиты,—вся комната изъязвлена пулями. Желѣзная рѣшетка балкона, хоть и не высокая, была большою защитою; но все таки пули летѣли въ эту комнату съ балкономъ, потому, выждавъ паузу, когда солдаты заряжали ружья, я взялъ жену за руки и мы убѣжали въ заднія комнаты. Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ длилась послѣ этого болѣе четверти часа; черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала ея, пушки были сняты съ передковъ и наведены на магазинъ г. Салландруза, черезъ пять домовъ отъ нашего направо (ближе къ головѣ колонны). Зачѣмъ все это дѣбалось—оставалось загадкою, непонятною никому изъ бывшихъ въ одномъ домѣ съ нами,—ни иностранцы, ни французы не могли постичь этого. Нѣкоторые думали, не перешли ли войска на сторону инсургентовъ;

другіе говорили: не выстрѣлилъ ли ктонибудь въ солдатъ изъ какогонибудь дома?—но не изъ вашего, ни изъ какого другого на Boulevard Montmartre не было сдѣлано такого выстрѣла, мы видѣли бы его съ балкона, если бы онъ былъ.—По всей вѣроятности это убійство людей безъ всякаго повода было слѣдствіемъ паническаго страха, ужаснушаго солдатъ мыслью, не скрываются ли враги въ домахъ по бульвару,—побудившаго ихъ обезпokoить себя, предупредить враговъ;—или это было просто дѣломъ кровожадности.—Солдаты, какъ я уже сказала, дѣлали залпъ за залпомъ болѣе четверти часа, хотъ ни одинъ выстрѣлъ не отвѣчалъ имъ. Они убили множество несчастныхъ людей, стоявшихъ на троттуарѣ и не успѣвшихъ добиться себѣ убѣжища ни въ одномъ домѣ; нѣсколько человѣкъ было убито у нашей двери».—Подобное тому, что съ хладнокровіемъ наблюдалъ капитанъ Джессъ, съ ужасомъ видѣли тысячи другихъ мужчинъ и женщинъ.

Если огромное большинство офицеровъ не давало команды стрѣлять, то, напримеръ, полковникъ Рошфоръ не слѣдовалъ этому примѣру. Онъ былъ уланъ и передъ тѣмъ временемъ уже произвелъ съ своими уланами бойню между сидѣвшими на стульяхъ передъ дверьми у кофейной Тортона. Потомъ онъ вообразилъ, что сдѣлавъ по войску выстрѣлъ въ той части бульвара, которая была занята пѣхотою, и произвелъ новую атаку на толпу, и военный Элизейскій историкъ этихъ событій, Модюи, съ торжествомъ рассказываетъ, что до 30 труповъ были трофеями этого подвига;—онъ впрочемъ выражается, что убиты были вооруженные люди;—нѣтъ, доказавъ фактъ, что въ этомъ мѣстѣ, на Boulevard Poissonière, не было ни одного вооруженнаго человѣка; трупы были трупы мирныхъ жителей,—почти всѣ убитые были нарядно одѣты. Отъ Rue de Sentier до западнаго конца Boulevard Montmartre на протяженіи 1000 ярдовъ (около 425 сажень, почти дѣловой версты) линія бульваровъ была устлана трупами; а по мѣстамъ они лежали горами: раненые ползи нѣсколько шаговъ, пока подползали до трупа, черезъ который не могли перебраться, и умирали на немъ,—вотъ, вѣроятно, причина, почему очень многіе трупы лежали одинъ на другомъ. Передъ одною изъ лавокъ было насчитано 33 трупа. На мирной маленькой площадкѣ дворика, открытаго на бульварѣ и называющагося Cité Bergère насчитано было 37 труповъ. Число убійцъ было—тысячи солдатъ; число убитыхъ навсегда останется неизвѣстно; но изъ этихъ убійцъ и этихъ убитыхъ не было ни одного сражающагося: битвы не было, не было даже простого уличнаго безпорядка, не было даже ссоры, даже спора,—нѣтъ, просто убійцы убивали безоружныхъ мужчинъ, убивали женщинъ, дѣтей. Каждый трупъ свидѣтельствовалъ: это просто убійство. Трупы, лежавшіе нѣсколько особо отъ другихъ, врѣзались въ памяти людей глубже, чѣмъ трупы, лежавшіе помногу вмѣстѣ. У нѣкоторыхъ остался передъ глазами видъ убитаго старика, сѣдого,—зонтикъ лежалъ подлѣ него,—его оружіе. Другіе съ ужасомъ вспоминали о щегольски одѣтомъ человѣкѣ, вышедшемъ, какъ видно, погулять,—онъ сидѣлъ мертвый, прислонившись къ стѣнѣ,—у ногъ его лежала сигара, упавшая изъ его руки. У третьихъ остался въ памяти ребенокъ, онъ мертвый остался прислоненнымъ къ стѣнѣ,—это былъ типографскій ученикъ: въ его рукѣ замерли корректуры, которыя онъ несъ куда-то,—залитые его кровью, листы ихъ колебались вѣтеркомъ. Военный Элизейскій историкъ этихъ подвиговъ какъ будто радъ тому, что убито было много женщинъ: высказавъ всѣмъ женщинамъ вообще порицаніе за то, что женщины, бывшія тутъ, преступно старались прятать мужчинъ отъ огня солдатъ, полковникъ Модюи имѣетъ храбрость продолжать такими словами: «многія изъ бульварныхъ амазонокъ дорого заплатились за свое неблагоразумное столкновеніе съ этою баррикадою новаго рода»,—то есть, съ живою баррикадою вдругъ сформировавшеюся изъ солдатъ,—и имѣетъ храбрость выражать «надежду», что женщины воспользуются этимъ урокомъ, «и извлекутъ себѣ изъ него умъ на будущее время».—Одна убитая такъ и лежала, какъ упала,—какъ бѣжала,—съ малюткой на рукахъ: незачѣмъ было брать малютку изъ рукъ убитой,—дѣтя тоже было убито. Выраженія, которыя очень давно стали только уже эффектной метафорой, теперь снова получили свое древнее буквальное значеніе, понадобились для буквальнаго изображенія дѣйствительнаго факта: «я избиваю отъ старцевъ, бредущихъ уже только опираясь о стѣну, до малютки, еще не

умѣющихъ ходить, не опираясь о стѣну». Изъ ружейныхъ ранъ льется очень мало крови, меньше чѣмъ изъ всякихъ другихъ ранъ; но тутъ все таки троттуаръ и мостовая во столькихъ мѣстахъ были залиты лужами крови, что потомъ трудно было пройти не зачерпнувъ крови въ обувь. Около каждаго дерева на парижскихъ бульварахъ оставлено не вымошеннымъ небольшое мѣстечко, чтобы дать волю дереву разрастаться толще. Кровь, собиравшаяся лужами на асфальтовой мостовой, медленно стекала въ эти ямочки, свернулась тамъ въ кровавое желе, и оно оставалось тутъ много дней—это видѣли всѣ, кто хотѣлъ заглянуть. «Кровь убитыхъ, говоритъ капитанъ Джессъ, стояла свернувшись въ ямкахъ у деревьевъ, когда мы проходили по бульварамъ на другой день, въ 12-мъ часу утра».—Бульвары и сосѣднія улицы,—продолжаетъ онъ,—были совершенно такіе пруды крови, какъ на дворѣ бойни».—Неимовѣрно, но положительно: по нѣкоторымъ домамъ на бульварѣ стрѣляли даже изъ пушекъ. На сѣверной сторонѣ бульвара троттуаръ былъ покрытъ штукатуркою и обломками, какіе падаютъ только отъ артиллерійскихъ залповъ,—это фактъ.

Солдаты вламывались во многіе дома, гнались за живыми въ нихъ изъ этажа въ этажъ, наконецъ ловили ихъ и убивали. Если и положимъ, что они дѣлали такъ въ обольщеніи своею мыслью, будто изъ этихъ домовъ стрѣляли по нимъ, все-таки вещь несомнѣнная, что едва ли былъ хоть одинъ случай,—а вѣроятно совершенно не было ни одного случая, въ которомъ это не было бы напраснымъ мнѣніемъ; оно рождалось такимъ образомъ. Кто нибудь изъ солдатъ яростно бѣжалъ по направленію къ какому нибудь дому, преслѣдуя уходящаго зрителя,—другіе тотчасъ же воображали, что изъ этого дома былъ сдѣланъ выстрѣлъ,—цѣлая толпа убійцъ вламывалась въ двери и истребляла всѣхъ въ этомъ домѣ. Такъ было съ ковровымъ магазиномъ Салландруа. 14 человѣкъ, бывшихъ тамъ, думали было укрыться за тюками ковровъ. Солдаты перебили ихъ, лсжавшихъ на полу.

Въ то время, какъ это дѣлалось на бульварѣ, четыре бригады сходились съ разныхъ сторонъ къ той мѣстности, гдѣ была дѣйствительно сдѣлана, хоть и слабая, и опрометчиво ранняя, попытка сопротивленія. Артиллерія разбивала,—потомъ пѣхота безъ серьезной борьбы брала баррикаду за баррикадой; но дѣломъ распоряжались такимъ способомъ, чтобы все равно, будетъ ли борьба или не будетъ ея, все-таки было убито какъ можно больше людей: войска окружили эту мѣстность такъ, чтобы некуда было убѣжать изъ нея, и подвигаясь, втѣсняли людей въ такія улицы, выходя изъ которыхъ былъ загороженъ другими отрядами, —и тутъ всѣ согнанные,—инсурренты ли или нѣтъ, все равно,—были убиваемы изъ ружей. Благодаря такому изобрѣтенію, Маньянъ могъ сказать въ своемъ рапортѣ, что «тѣ, которые защищали баррикады въ Бофурскомъ кварталѣ, были преданы смерти»,—«преданы смерти»,—это правда; одна ли она—объ этомъ онъ и не говорилъ; итакъ, онъ выразился хорошо; и правительство, благодаря тому же изобрѣтенію, не солгало, объявивъ, что «изъ людей, защищавшихъ баррикаду, бывшую у Сентъ-Мартеянскихъ воротъ, войска не пощадил ни одного».—Рапортъ Маньяна напечатанъ въ «Монитерѣ», увѣреніе правительства въ газетѣ Patrie, личномъ органѣ президента.—Нѣкоторые изъ убитыхъ, точно, были инсурренты, еще сражавшіеся, или уже бѣжавшіе; но огромное большинство было—просто беззащитные прохожіе, пойманные солдатами,—прохожихъ ловили, потомъ разстрѣливали. Какое бы объясненіе ни хотѣлъ кто давать убійству мирныхъ зрителей на бульварахъ,—я подробнѣ займусь этимъ послѣ,—но разстрѣливаніе плѣнныхъ въ кварталахъ, гдѣ были баррикады, не нуждается въ догадкахъ для объясненія: причиною его было то, что солдатамъ сказано было: «не давать пощады никому»—это фактъ. Разумѣется, были случаи, что солдаты, уступая голосу своего человѣческаго чувства, давали пощаду кое-кому изъ попадавшихъ имъ; но эта снисходительность была обращена въ вину имъ,—и они заглаживали свою вину новымъ разстрѣливаніемъ. Разумѣется, иная дверь отворялась сострадательною рукою для пріюта бѣгущимъ,—но пріютъ за нею скоро кончался. Напримѣръ, когда была взята баррикада у Сентъ-Денискихъ воротъ, позади ея было поймано до 100 человѣкъ,—и всѣ они были разстрѣляны. Но ихъ крови было мало: солдаты вошли въ дома, гдѣ по ихъ мнѣнію ирятались отъ нихъ бѣжавшіе,—еще набрали тамъ больше 30 чело-

вѣкъ и тоже разстрѣляли ихъ.—Это рассказывалъ самъ офицеръ, занимавшійся тутъ разстрѣливаніемъ,—и рассказывалъ не изъ раскаянія, а просто для описанія своего подвига. Какъ поступали солдаты съ людьми, даже и не вбѣжавшими съ улицы въ дома, а съ людьми, жившими въ домахъ, если подозрѣвала, что въ этихъ домахъ есть бѣглецы,—какъ они поступали въ такихъ случаяхъ можно сообразить по тому, что произошло въ одномъ изъ маленькихъ проулковъ. Описавши взятіе баррикады съ улицы Montorgueil, военный Елисейскій историкъ говоритъ, что тотчасъ же велѣно было обыскивать кофейныя и трактиры, и продолжаетъ: «въ нихъ было взято сто плѣнниковъ, изъ которыхъ у большей части руки еще были черны отъ пороха,—ясная улика ихъ участія въ борьбѣ. Какъ же возможно было не исполнить надъ очень многими изъ нихъ страшнаго правила военнаго положенія?»

Это убиваніе производилось по приказаніямъ, совершенно неотклонимымъ, и однако же такъ обстоятельно обдуманымъ, что разстрѣливавшіе могли позволить многимъ изъ несчастныхъ распорядиться передъ смертью деньгами бывшими при нихъ. Такъ, когда одному сказали, что надобно разстрѣлять его, онъ попросилъ командующаго офицера, чтобы были пересланы къ его матери 15 франковъ, бывшіе при немъ. Офицеръ согласился, записавъ адресъ матери его, принявъ отъ него 15 франковъ, потомъ убилъ его. Такихъ случаевъ было много.

Огромныя толпы плѣнниковъ были приводимы въ префектуру полиціи; но главные начальники разсудили, что неудобно было бы, если бы изнутри этого зданія слышались на улицахъ ружейныя залпы разстрѣливанія. Конечно только по этому соображенію и былъ принятъ другой способъ расправы съ плѣнными. Этотъ способъ—вещь изумительная, но вотъ что засвидѣтельствовано однимъ изъ депутатовъ Законодательнаго Собранія, который самъ видѣлъ это своими глазами: плѣнные, которыхъ рѣшено было убитъ, были приводимы по нѣсколькѣ человекъ на одинъ изъ дворовъ префектуры; руки у нихъ были связаны на спинѣ; агенты Мона подходили къ приведеннымъ и били ихъ по головѣ палками съ большою свинцовою шишкою и убивали,—это способъ, принятый на парижскихъ бойняхъ для битья быковъ. Это изумительно. Но именно такъ рассказываетъ Ксавье Дюррье, депутатъ, видѣвшій это изъ окна комнаты, въ которой сидѣлъ подъ арестомъ. Въ комнатахъ, выходившихъ окнами на этотъ дворъ, сидѣло много арестованныхъ депутатовъ,—они всѣ видѣли это: «мы всѣ видѣли это», говоритъ Ксавье Дюррье. Тѣла съ разможепными головами были оставляемы на помостѣ двора; одни падали уже безжизненными, другіе еще шевелились.

Встрѣчаются случаи, что войско, сражаясь съ инсургентами, по необходимости принуждено бываетъ вредить выстрѣлами безоружнымъ людямъ, подвергвающимся подъ линію боевого огня.—Это вещь понятная всякому. Иногда бываетъ больше: командиръ войскъ велитъ нанести смерть людямъ, которые не сражаются противъ него, даже и не мѣшаютъ дѣйствию войскъ,—но которые,—по его вѣрному или ошибочному мнѣнію,—могутъ сдѣлаться причиною затрудненія или опасности для войскъ, если не уйдутъ,—онъ обращаетъ противъ нихъ оружіе изъ предосторожности;—но въ такомъ случаѣ онъ предупреждаетъ ихъ настоятельнѣйшими убѣжденіями уйти, нѣсколько разъ предостерегаетъ ихъ, что если они не послушаются, онъ обратитъ противъ нихъ оружіе. Такіе случаи можно назвать надобностью изъ предосторожности убивать зрителей по безразсудству или злонамѣренности вредныхъ войскамъ. Бывали случаи болѣе страшные: такое убійство дѣлалось иногда и безъ предварительныхъ предостереженій,—командиръ не упрашивалъ зрителей уйти или не давалъ имъ времени на то, чтобы уйти,—это надобно назвать злостнымъ убійствомъ зрителей; но все таки, зрители были убиваемы потому, что ихъ присутствіе считалось могущимъ повредить войску; потому убійство, хоть и злостное, не было убійствомъ только по прихоти командира. Бывали и такіе случаи, что солдаты, не сражающіеся, не подвергающіеся никакой дѣйствительной опасности,—вдругъ стрѣляли въ толпу мужчинъ и женщинъ, не мѣшавшую имъ,—такой случай мы видѣли; это—убійство по пустой мечтѣ. Бывало иногда, — даже и въ недавній времена, что когда побѣжденные уже бросили оружіе и сдались, прося пощады, солдаты, умоляемые о пощадѣ, отвергали

мольбу и тутъ же убивали просившихъ о ней; это называется: «не давать пощады». Бывало даже и то, что побѣжденные, бросившіе оружіе и сдавшіеся на волю побѣдителя, и не бывшіе убиты имъ тотчасъ-же успѣвали такимъ образомъ стать въ положеніе взятыхъ въ плѣнъ подходившими солдатами; но вслѣдъ за тѣмъ, черезъ такое время, какое, напримѣръ, нужно, чтобы солдаты успѣли спросить рѣшенія у офицера, находящагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, — эти сдавшіеся были предаваемы смерти. Это называется «убійство плѣнныхъ». — Бывало и то, что солдаты, послѣ боя на улицахъ, вламывались въ дома, гдѣ по ихъ мнѣнію находились люди, помогавшіе ихъ противникамъ, и въ своей ярости, убивали мужчинъ и женщинъ, которыхъ не видѣли сражающимися противъ нихъ. Это — убійство несражавшихся, но убійство, совершенное людьми, еще разгоряченными отъ сраженія. Бывало и то, что солдаты, хватая безоружныхъ людей, которыхъ считали помощниками своихъ противниковъ, успѣвали однако же сдерживать свою ярость, и не убивали ихъ, а брали въ плѣнъ; но потомъ, по полученіи приказаній отъ людей, еще болѣе жестокихъ, чѣмъ самые раздраженные солдаты, эти люди были убиваемы. Это называется «хладнокровное убійство несражающихся».

Вотъ списокъ не менѣе какъ девяти видовъ убиванія цѣлой массы людей, — девяти видовъ, столь различныхъ, что они разнятся между собою не второстепенными признаками, а тѣмъ, что каждый слѣдующій много преступнѣе предыдущаго. — Теперь: мы видимъ положительный фактъ, что 4 декабря въ Парижѣ были сдѣланы дѣла, относящіяся ко всѣмъ этимъ девяти категоріямъ; другой столь же положительный фактъ: если не каждое отдѣльное изъ этого множества дѣлъ было совершено по особому приказанію элизейской братіи, то всѣ ихъ безъ исключенія произвела все таки элизейская братія. Недово еще править: это убиваніе плѣнныхъ было убиваніе такихъ людей, которыхъ нельзя было винить ни въ чемъ, кромѣ того, что они взялись за оружіе, не въ нарушеніе, а на защиту законовъ своего отечества.

Но было еще другое дѣло, на которое надобно было употребить армию — только согласятся ли исполнить такое дѣло офицеры и солдаты? Во время возстанія, въ громадномъ городѣ, каковъ Парижъ, безчисленная полицейская команда, если ставеть усердствовать, можетъ захватить множество людей; войска также могутъ отступить отъ ужаснаго приказанія не давать пощады безоружнымъ людямъ, захватываемымъ ими, и оставлять многихъ въ живыхъ. Такъ и случилось. Плѣнники, набранные такимъ образомъ, были подъ стражею гражданской власти. Но правительство, жалѣя, что захваченные оставлены живыми, можетъ желать предать ихъ смерти, и съ тѣмъ вмѣстѣ находить невыгоднымъ для себя убивать ихъ рукою гражданской власти. Въ такомъ случаѣ, если честь и гордость военнаго сословія не помѣшаетъ ему, оно можетъ найти наилучшимъ употребить пѣхотныхъ солдатъ, — не для военнаго дѣла, а для исполненія обязанности палачей, въ замѣнъ гражданскихъ своихъ агентовъ, которые привыкли считать такую обязанность слишкомъ унизительною; и чтобы прикрыть дѣло, правительство можетъ приказать нѣкоторымъ солдатамъ исполнять его среди мертвой ночи.

Было ли такъ дѣйствительно? Правда ли, что съ одобренія министерства внутреннихъ дѣлъ и префектуры полиціи, по приказаніямъ принца Луи-Бонапарте, Сентъ-Арно, Мавьяна, Морни и Мона, полночное дѣло такого рода было совершено парижскою арміею.

Люди, живущіе не въ Парижѣ, находятъ, что неизвѣстно, что-жъ такое сдѣлалось съ массами плѣнниковъ, приведенныхъ въ тюрьмы и другія мѣста заключенія 4-го и 5-го декабря, — куда-жъ они дѣвались? — Люди, живущіе въ Парижѣ, находятъ, что въ этомъ нѣтъ никакой неизвѣстности, — что сомнѣваться тутъ не въ чемъ. Ихъ аргументы отчасти вотъ каковы. Одно семейство, желавшее узнать куда дѣвался ушедшій изъ дому и не возвращавшійся родственникъ, обратилось съ просьбою узнать объ этомъ къ человѣку, занимавшему такое положеніе въ обществѣ, что семейство это считало его могущимъ спросить у официальныхъ людей о судьбѣ пропавшаго. Желая исполнить просьбу, онъ познакомился съ однимъ изъ *juges substitut*, — помощниковъ судьи первой инстанціи. Когда рѣчь коснулась предмета, помощникъ судьи закипѣлъ

негодованиемъ отъ воспоминанія о томъ, чему былъ свидѣтелемъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, и отъ оскорбленной гордости, что посторонняя власть вмѣшалась тутъ въ дѣло судьи. Онъ разсказалъ вотъ что: ему было приказано отправиться въ нѣкоторыя тюрьмы и сдѣлать разборъ плѣннымъ, затѣмъ, чтобы опредѣлить, кого изъ нихъ оставить подъ арестомъ, кого отпустить; въ то время, какъ онъ занимался этимъ, въ комнату вошли унтеръ-офицеры и солдаты и грубо объявили, что имѣютъ приказаніе взять тѣхъ плѣнныхъ, у которыхъ пальцы черны. Не слушая протестацій помощника судьи, они стали смотрѣть руки у плѣнныхъ, рѣшили, что руки у многихъ черны, и вывели всѣхъ этихъ людей,—за тѣмъ, какъ понималъ помощникъ судьи, чтобы разстрѣлять ихъ. Въ томъ, что уведенные дѣйствительно были разстрѣляны, нѣтъ, по его словамъ, никакого сомнѣнія; — но все-таки, онъ не былъ очевидцемъ того, какъ ихъ разстрѣливали.—Впрочемъ, это дополняется другимъ фактомъ: въ ночь съ 4 на 5 декабря. и точно также въ слѣдующую ночь, жители многихъ кварталовъ Парижа слышали ружейные залпы,—залпы цѣлыхъ взводовъ солдатъ; такихъ залповъ никогда не слыхивали они въ такое время, ни прежде, ни послѣ. Звукъ шелъ главнымъ образомъ съ Марсова поля; но также и изъ другихъ мѣстъ, въ особенности изъ Люксбургскаго сада и съ Эспланады дома инвалидовъ; тѣ изъ слышавшихъ, которые были неподалеку отъ этой эспланады, говорятъ, что послѣ каждого залпа слышали также крики и стоны,—что разъ среди этого смутнаго шума они даже разслышали нѣсколько жалобныхъ словъ, кончившихся вдругъ пронзительнымъ стономъ,—имъ казалось, что это былъ голосъ юноши, тяжело раненнаго и потомъ получившаго смертельную рану.

Отчасти по фактамъ такого рода, а еще больше по всеобщей молвѣ, Парижъ убѣдился тогда, и—справедливо ли или ошибочно, отчасти убѣждаетъ, что въ ночь съ 4-го на 5-ое и въ слѣдующую ночь плѣнники были разстрѣливаемы цѣлыми толпами и тѣла ихъ были брошены въ ямы.—Приверженцы императора—напримѣръ, Гранче де Кассаньякъ, — утверждаютъ, напротивъ, что солдаты не были употреблены на должность палачей. Итакъ, на одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ отрицаніе партизановъ императора, имѣющее тотъ вѣсъ, какой найдемъ возможнымъ признавать за нимъ, на другой чашкѣ — убѣжденіе парижавъ, основанное на фактахъ, не составляющихъ полной юридической улики. Но при этомъ не мѣшааетъ подумать и о томъ, почему подобный вопросъ остается сомнителенъ, если онъ сомнителенъ. Вопросъ простъ: правда ли, что въ ночь съ четверга на пятницу 4/5 декабря и съ пятницы на субботу 5/6 декабря, цѣлая толпа людей, набранныхъ изъ парижскаго населенія, были уведены изъ тюремъ и разстрѣляны на мѣстахъ, находящихся тоже въ самой толпѣ,—между прочимъ, на Марсовомъ полѣ и въ Люксбургскомъ саду; это такой вопросъ, который былъ бы до несомнѣнности разъясненъ тогда же въ одни сутки, много въ двое сутокъ, еслибы Парижъ не утратилъ свободы изустнаго слова и печатнаго слова. Да и теперь, хоть прошло уже нѣсколько лѣтъ, когда свобода будетъ восстановлена во Франціи, этотъ вопросъ разрѣшится быстро и правдиво. Но люди, отнявшіе у Парижа свободу изустнаго и печатнаго слова,—тѣ самые люди, о которыхъ утверждаетъ Парижъ, что они въ эти двѣ ночи убивали цѣлыя толпы своихъ соотечественниковъ разстрѣливаніемъ. Итакъ, дѣло сводится къ тому, что обвиняемые въ такомъ дѣйствіи люди отняли у Франціи и Европы вѣрнѣйшее средство дознаться истины по этому предмету. Когда процессъ приводится въ такое положеніе, правосудіе не оказывается столь тупо и беспомощно, чтобы подобная уловка противъ него удавалась.

При подобныхъ случаяхъ, оно, мудро отступая отъ обыкновеннаго своего правила, выслушиваетъ неполную улику противъ утайщика, и потомъ, требуя, чтобы скрывающей истину, возвратилъ ее на свѣтъ, или пріянялъ послѣдствія своего скрыватьства, переноситъ съ обвинителя на обвиненнаго обязанность представить полное доказательство, и если оно не представлено, признаетъ обвиненнаго уличеннымъ. Принцъ Луи-Бонапарте и его компаньоны закрыли обыкновенные пути къ отысканію истины,—потому они останутся призванными за виновныхъ въ томъ, въ чемъ винить ихъ Парижъ, или должны доказать, что они не разстрѣливали толпы парижанъ ночью 4 и ночью 5 декабря.

Число убитых войсками въ теченіе слишкомъ полутора сутокъ (40 часовъ), слѣдовавшихъ за началомъ убійствъ на бульварахъ, навсегда останется неизвѣстно. Тѣла были похоронены почти всѣ въ ночное время. Стараясь хоть приблизительно опредѣлить количество ихъ, мы не можемъ совершенно положиться даже и на показанія офицеровъ, убивавшихъ и хоронившихъ: довольно долгое время они находили выгоды для своей служебной карьеры считаться дѣйствовавшими тутъ со всеусердіемъ. Но все-таки, вотъ одно изъ такихъ показаній,—признаніе командира одного изъ убивавшихъ полковъ, высказанное еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣла. Нельзя принимать его слова ни за совершенно точныя, ни даже за приблизительно точныя; но все-таки онъ тамъ былъ совершителемъ дѣла, о которомъ говорилъ, и говорилъ онъ съ желаніемъ, чтобы ему повѣрили,—потому его свидѣтельство имѣетъ хоть тотъ вѣсъ,—если даже не имѣетъ болѣе важнаго вѣса,—что представляетъ его понятіе о томъ, какъ надобно ему говорить, чтобы его слова показались вѣрными правдѣ. Его слова состояли въ томъ, что его полкъ,—только одинъ его полкъ,—убилъ 2.400 человекъ. Если принять, что эти слова сколько нибудь близки къ истинѣ, и что другіе полки усердствовали не меньше, чѣмъ его полкъ, то для выраженія суммы убитыхъ понадобится очень большая цифра: число полковъ, дѣйствовавшихъ противъ парижанъ, было отъ 30 до 40, възъ нихъ до 20 принимали участіе въ убійствахъ.

Армія, уничтожившая столько враговъ, сама потеряла только 25 человекъ убитыми во время этихъ своихъ подвиговъ (съ 3 до 6 декабря).

Едва ли есть на землѣ городъ съ такимъ воинственнымъ населеніемъ, какъ Парижъ. Его жители менѣе всѣхъ другихъ горожанъ Европы расположены трусливо преувеличивать цѣну жизни, и своей и чужой. У нихъ любовь къ борьбѣ имѣетъ силу брать верхъ надъ боязнью и жалостью, и они люди, привычныя къ великимъ битвамъ на улицахъ. Но она не была привычна видѣть, какъ убиваютъ массу безоружныхъ, беззащитныхъ людей. Видъ того, что совершилось 4 декабря, поразилъ столицу Франціи, какъ появленіе чумы. Англичанинъ, зоркій наблюдатель, бывшій тутъ, говорить, что у людей, удалявшихся съ мѣстъ убійства, лица были мертвенно посинѣлыя, позеленѣлыя, какихъ онъ никогда не видывалъ. Конечно, никогда; потому что кто же когда прежде видывалъ людей, бывшихъ зрителями такихъ убійствъ. Говорятъ, что видъ этой сцены, стоишь убитыхъ потрясли крѣпость нервовъ у многихъ мужчинъ, такъ что они рыдали какъ маленькія дѣти.

Къ разсвѣту 5 декабря вооруженное возстаніе было уже прекращено. Оно и съ самаго начала было слабо. Но нравственное сопротивленіе дѣйствіямъ президента и его сообщниковъ быстро усиливалось въ первые дни и стало уже очень грозно, когда, вечеромъ 4 декабря, начались убійства. Эти убійства навели ужасъ, и вооруженное возстаніе уронило своимъ паденіемъ всѣ надежды людей, думавшихъ, что одною силою общественнаго мнѣнія и смѣха заговорщики будутъ сведены изъ элизейскаго дворца въ тюрьму. Дѣло людей, хотѣвшихъ дѣйствовать этою нравственною силою, не имѣло ничего общаго съ дѣломъ людей, поднявшихъ возстаніе,—но оно могло имѣть успѣхъ только при сохраненіи бодрости народомъ; а народъ, озадаченный предѣломъ 2 декабря, былъ теперь пораженъ ужасомъ.

По красотѣ, по величію, по исторической славѣ, по воинскимъ подвигамъ, по могуществу нравственнаго руководительства цѣлою великою націею, по власти вѣнчать и низлагать ея государей, пѣтъ на землѣ города, равнаго Парижу. Но пораженная, какъ ударомъ паралича убійствомъ 4 декабря, прекрасная, героическая столица Франціи была связанная предана въ руки принца Луи-Бонапарте, и Морни, и Моа или де Моа, и Сентъ-Арно урожденнаго ле Руа, и выгода, извлеченная прицѣмъ изъ этого дѣла, была выгода прочная. Во французской политической теоріи есть аксіома, что не можетъ стать правителемъ Франціи тотъ, надъ кѣмъ смѣются. Съ 1836 до 1848 г., принцъ Луи-Бонапарте высывался изъ темнаго ничтожества лашъ за тѣмъ, чтобы смѣшить; ставъ президентомъ, онъ только сталъ болѣе постояннымъ предметомъ презрительныхъ насмѣшекъ, которыми такъ умѣютъ владѣть французы;—для повѣрки этого, довольно просмотрѣть *Charivari* за 1849, 1850 и первые 11 мѣсяцевъ 1851 года (запрещеніе этого журнала и было однимъ изъ первыхъ актовъ верховной

власти въ рукахъ заговорщиковъ). Даже внезапность и полная успѣшность удара, нанесеннаго закону въ ночь съ 1 на 2 декабря, не заставила Парижъ смотрѣть на президента серьезно. Но съ трехъ часовъ вечера 4 декабря взглядъ на него долженъ былъ измѣниться,—и вышло такъ, что именно тѣ, которые жарче всѣхъ стали говорить противъ президента, болѣе всѣхъ помогли его успѣху: и тутъ, какъ въ другихъ случаяхъ, судьба принца Луи-Бонапарте была оригинальна: чѣмъ усерднѣе противники его доказывали, что онъ, собственно онъ самъ, хитрый и злодѣй, своимъ умомъ придумалъ и устроилъ убійство,—мишнѣе, которое я на слѣдующихъ страницахъ подвергну разбору,—тѣмъ полнѣе снимали они съ него репутацію снѣшной бездарности, репутацію, мѣшавшую ему дѣйствительно упрочить свою власть. Когда настала ночь 4 декабря, онъ былъ уже закрытъ отъ насмѣшекъ горами труповъ, лежащихъ на бульварахъ.

Въ провинціяхъ дѣло шло такъ же, какъ въ столицѣ. Еще до разсвѣта 2 декабря, Морни забрался въ зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, телеграфировалъ оттуда свои приказанія на немедленное и усерднѣйшее исполненіе всѣмъ префектамъ,—приказалъ префектамъ отставить отъ должности всѣхъ тѣхъ меровъ, мировыхъ судей и другихъ начальствующихъ лицъ, которыя не дадутъ немедленной подписки въ томъ что преданы президенту и принимаютъ всѣ его распоряженія. Во Франціи, административный механизмъ устроенъ такъ, что даетъ министру внутреннихъ дѣлъ почти непреодолимую власть надъ провинціями,—а успѣшность средствъ принужденія, которыя имѣлъ Морни, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, усиливалась тѣмъ, что онъ обращался къ провинціямъ съ напоминаніемъ о томъ, какъ ужасна опасность анархіи и какіе злодѣи социаллисты, — анархія и социализмъ уже давно были фантомами, которыми запугивались провинціалы (28). Всѣ 40.000 общинъ Фран-

(28) То есть, Морни просто на просто пожалъ зрѣлый хлѣбъ на почвѣ, вздѣланной и засѣянной монархистами. Тѣ ужъ три съ половиною года твердили провинціаламъ: не разбирая ничего, слушайте всего, что будетъ вамъ говорить правительство,—иначе, анархія и социализмъ, рѣзня и грабежъ.—Когда монархисты достаточно внушили это провинціаламъ и замѣтили (черезъ своихъ министровъ, въ особенности министровъ внутреннихъ дѣлъ, поочередно назначаемыхъ ими къ президенту,—изъ этихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ извѣстнѣйшій—Леонъ Фоше, о которомъ выше упомянулъ Кинглекъ, объясняя карьеру Мора),—когда монархисты замѣстили должности префектовъ и проч. людьми, готовыми исполнять всякое приказаніе министра внутреннихъ дѣлъ.—тогда Морни съ нѣсколькими солдатами и компаньонами пришелъ въ кабинетъ министра внутреннихъ дѣлъ пораньше поутру, когда чиновниковъ еще не было въ канцеляріи, сѣлъ за столъ, отъ котораго шла телеграфическія проволоки и продиктовалъ провинціямъ: „министръ—я,—Морни; итакъ, повинуйтесь миѣ“. Это дѣло было очень не мудрое, благодаря тому, что подготовка сдѣлана была такъ отлично хорошо монархистами.

ціи были извѣщены, что немедленно должны сдѣлать выборъ между социализмомъ, анархіею и грабежомъ съ одной стороны,—съ другой—добродѣтельнымъ диктаторомъ, законодателемъ, рекомендуемымъ и патентованнымъ подлинью господина де Морни. Даже такой человѣкъ, какъ даровитый Монталамберъ (29) такъ отлично попался въ эту ди-

(29) Предводитель того отряда легитимистовъ, который отличался усердіемъ къ католичеству, — ораторъ, дѣйствительно очень краснорѣчивый, авторъ „Житія Св. Елисаветы Венгерской“ и знаменитой рѣчи, имѣвшей въ свое время великолѣпный успѣхъ и слѣдующій смыслъ: „Нѣкогда, были совершаемы кре-

стовые походы противъ иноземныхъ враговъ всякой святыни, мусульманъ; нынѣ должно предпринять столь же священный крестовый походъ противъ внутреннихъ еще злѣйшихъ враговъ всего, чѣмъ дорожатъ люди, противъ социалистовъ“. Новый крестовый походъ длился три года, и когда Флери, Морни, Персины увидѣли, что онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, они распорядились въ ночь съ 1 на 2 декабря упрочить—хоть не въ рукахъ крестовосцевъ, а въ своихъ,—результаты, доставленные счастливымъ походомъ рыцарски благородныхъ,—дѣйствительно, въ сущности благородныхъ и честныхъ,—крестовосцевъ.—Самъ Монталамберъ едва ли человекъ совершенно чистый; но все-таки, гораздо болѣе чистый, нежели тѣ, которые захватили власть въ ночь съ 1 на 2 декабря; а масса монархистовъ, приготовившая это дѣло дѣйствительно состояла изъ людей совершенно чистыхъ и благонамѣренныхъ; они только не понимали, что такое дѣлаютъ.

лемму, что публично высказалъ свое убѣжденіе, что она вѣрна, что Франціи дѣйствительно одинъ выборъ: Луи-Бонапарте, или «погибель Франціи» (30). Въ провинціяхъ,

(30) Легитимисты тогда нашли и теперь продолжаютъ находить, что Монталамберъ выказался тутъ съ дурной стороны, что измѣна его дѣлу короля Генриха V была дѣломъ не одного безкорыстнаго убѣжденія, а въ значительной степени и разчета: онъ надѣялся стать министромъ у Луи Бонапарте. Вѣроятно, легитимисты правы. Но никто другой изъ нихъ не послѣдовалъ этому дурному примѣру одного изъ своихъ предводителей, всѣ остались вѣрны дѣлу того лица, котораго считаютъ законнымъ королемъ Франціи, Генриха V. Они участвовали въ общей ошибкѣ монархистовъ, имѣвшей результатомъ пораженіе; но подобно другимъ отдѣламъ монархистовъ, они приобрѣли право на уваженіе честностью и вѣрностью своимъ убѣжденіямъ, которую выказали подвергнувшись неожиданному пораженію.

какъ въ Парижѣ, были люди, у которыхъ преданность закону была сильнѣе боязни борьбы съ заговорщиками, захватившими власть, и сильнѣе боязни социализма; но департаменты были оставлены во мракѣ распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ, потому не могли такъ быстро, какъ Парижъ, увидѣть, что дѣло 2 декабря совершенно только горстью соумышленниковъ, безъ содѣйствія государственныхъ людей, бывшихъ друзьями закона и порядка; въ первыя минуты по полученіи прокламацій,—провинціи взумались и смугились, но скоро поняли дѣло такъ, что президентъ конечно дѣйствовалъ при помощи знаменитѣйшихъ государственныхъ людей, что поэтому надобно падѣяться, что онъ произведетъ только благотворныя перемѣны въ конституціи, возвратитъ Франціи хоть часть того спокойствія и той свободы, которыми она пользовалась при Луи-Филиппѣ.—Поэтому, если и были кое-гдѣ по провинціямъ возстанія, то они были ничтожны; а всякій департаментъ, въ которомъ можно было ждать ихъ, были провозглашаемъ или уже прежде провозглашенъ находящимся на военномъ положеніи. За каждую попытку возстанія въ провинціяхъ слѣдовали убійства, ссылки, заключеніе въ тюрьму, секвестрація имуществъ,—всѣмъ этимъ съ безграничною властью распоряжались командиры войскъ, назначенные изъ генераловъ, несправившихъ законный порядокъ и націю, его любившую, пылающихъ чувствомъ, которое извѣстно подъ именемъ «усердія». Нѣкоторые изъ нихъ, въ своей ярости, переходили всякія границы политическаго благоразумія, хотя бы и самаго свирѣпаго. Напримѣръ, въ департаментѣ Аллье, было назначено предавать военному суду всѣхъ тѣхъ, о которыхъ «начальство знаетъ, что они брались за оружіе», и отправлять въ ссылку всѣхъ «извѣстныхъ за

людей социалистскаго образа мыслей»—ссылать ихъ просто по административному распоряженію, безъ всякаго суда, и секвестровать ихъ имущество. Такимъ образомъ то, что человекъ имѣетъ въ своихъ мысляхъ извѣстное убѣжденіе по теоретическимъ вопросамъ, уже вмѣнялось въ уголовное преступленіе,—и арестованные были казнимы или вовсе безъ суда или по суду людей, прінявшихъ на себя обязанность палача. Фамилія генерала, издавшаго такое постановленіе—Эваръ; оно было тотчасъ же одобрено и обновлено правительствомъ (въ Мониторѣ, 28 декабря).

Свирѣпость, съ которой дѣйствовала элизейская братія, безъ сомнѣнія происходила оттого, что она трепетала за себя; но когда заговорщики начали опомниться отъ страха, имъ стало управлять другое побужденіе, которое однако же вело ихъ по той-же дорогѣ: теперь они уже придавали своимъ дѣйствіямъ такой колоритъ, которымъ думали пріобрѣсть поддержку и расположеніе огромнаго числа людей,—людей, которые мучились боязнью демократовъ, и желали одного—безопасности. Болѣе трехъ лѣтъ масса жила въ боязни «соціалистовъ»; и хоть сами по себѣ приверженцы социализма никогда не были такъ сильны, чтобы человекъ съ характеромъ могъ опасаться ихъ, но они были болѣе или менѣе связаны съ горячими демократами, которыхъ называли «красными»; а республиканскія учрежденія были новы и слабы, потому нація натурально могла опасаться анархіи; но многіе находятъ, что приверженцы порядка,—эта масса образованнаго общества, чуждая всякимъ партіямъ, одинаково расположенная поддерживать существующій порядокъ, какова бы ни была форма правленія,—что эта масса, опирающаяся на всю массу сельскаго населенія, имѣвшая за себя большинство писателей и владѣющая почти всею недвижимою собственностью, почти всѣми капиталами, могла быть осторожна и безъ трусости. Однако же, какъ бы ни было, основательною боязнью или фантомомъ она была запугана, боязнь привела ее въ разслабленіе, которое нельзя не назвать унизительнымъ. Эти люди, потерявшіе всякую бодрость духа, умиленно смотрѣли на правительство, какъ на своего естественнаго покровителя и готовы были продать свою свободу за безопасность отъ анархіи. И вотъ элизейская братія, оправившись отъ своего страха, увидѣла теперь, если не разсчитывала на это и прежде, что получить себѣ большую выгоду, если увѣрить эту массу, что ея предпріятіе—война противъ социализма. Тѣ горсти людей, которые дрались на баррикадахъ послѣ вночнаго переворота 1/2 декабря, дѣйствительно состояли отчасти изъ социалистовъ,—а отчасти и изъ людей, которые взыались за оружіе безъ всякаго социализма, только потому, что были люди высокаго мужества, неспособные смотрѣть сложа руки на то, что попрается законъ. Но элизейская компанія была владычицею,—единственною владычицею печатнаго станка; преувеличивая вслѣдствіи, происходившія въ нѣкоторыхъ городахъ и соединяя всѣхъ бравшихся за оружіе подъ названіемъ одной ненавистней партіи, она увѣрила тысячи, можетъ быть милліоны людей, что занимается энергическою, отчаянною борьбою противъ социализма. По жѣрѣ того, какъ это увѣреніе было принимаемо за правду, громадныя толпы шли на сторону правительства, и надобно полагать, что даже между высшими классами, гордо оставшимися въ отчужденности отъ элизейскаго двора, было много людей, въ глубинѣ души радовавшихся тому, что избавились отъ страха, внушавшагося имъ демократами, хоть избавленіе и было куплено тою цѣною, что Франція переходила на время въ руки людей, подобныхъ Морюв и Мона.

Да, многимъ казалось, что продѣлка элизейской братіи счастливо выручила ихъ отъ демократическихъ страховъ, вывела на безопасный путь безпечной жизни. Когда арабъ приходитъ къ рѣшенію, что въ бурнусѣ, день и ночь безсѣйно одѣвающимъ его, населеніе уже слишкомъ размножилось, онъ владеть бурнусъ на муравейникъ, чтобы одна порода васѣкомыхъ была изгнана другою, и когда это исполнится, онъ легко стряхиваетъ побѣдителей ударомъ хлыста или зубука. Образованное общество Франція думало поступить по этому способу съ своимъ отечествомъ,—и первая часть дѣла была исполнена успѣшно: красная порода была перебита, передавлена или изгнана; но велѣдъ за тѣмъ оказалось, что голодная безцѣтная порода, порода употребленная на исполненіе этого дѣла, рѣшительно не хочетъ быть страхнута съ бур-

нуса,—прицѣпилась къ нему, и до сихъ поръ, черезъ столько лѣтъ, все еще цѣпко держится за него и вѣтъ очень хорошо.

Войска, дѣйствовавшія въ провинціяхъ, въ точности подражали парижской арміи. Но правительство опасалось, что солдаты, при всей своей горячности, уничтожатъ только наружный слой недовольныхъ, что палаши и пуля не пробьютъ самого сердца націи: армія убивала людей на улицахъ, дорогахъ и поляхъ; стрѣляла и въ окна домовъ,—разстрѣливала толпы пльбныхъ,—все это такъ, но она не имѣла способности отыскивать негодующихъ друзей порядка и закона, не компрометировавшихъ себя наружнымъ образомъ. Потому Морни послалъ по провинціямъ людей черной репутаціи. вооруженныхъ ужасающимъ полпомочіемъ. Эти люди назывались комиссарами правительства; куда ни пріѣзжалъ комиссаръ, населеніе трепетало: по опыту 1848 оно знало, что въ числѣ этихъ уполномоченныхъ грознаго министерства внутреннихъ дѣлъ бываютъ люди, извѣстные полиціи и своими преступленіями, какъ своими услугами, и что иной такой властитель заставляетъ населеніе дорого платиться за охраненіе порядка (31).

(31) Въ числѣ экстраординарныхъ комиссаровъ, разосланныхъ первое время послѣ февральской революціи тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ледрю Ролленомъ, было нѣсколько человѣкъ, выбранныхъ очень неудачно. Они не могли сдѣлать никакого важнаго вреда: при первомъ произвольномъ распоряженіи, жители города объявляли комиссару, чтобъ онъ вѣхалъ назадъ въ Парижъ, и онъ принужденъ былъ вѣхать со стыдомъ. Тогда было такое время, что въ каждомъ городѣ населеніе держало себя очень бодро; а временное правительство не поддерживало Ледрю Роллена,—онъ былъ тогдашній предводитель „красныхъ“ республиканцевъ, а большинство временнаго правительства составляли „умѣренные“ республиканцы,—Ледрю Ролленъ никогда не имѣлъ силы отстоять и такихъ своихъ распоряженій, которыя желалъ бы отстаивать; а комиссаровъ, которые не правились департаментамъ, куда были посланы, онъ и самъ не желалъ отстаивать, понимая, что это было бы вредно для него, при шаткости его положенія. Онъ дѣлалъ много опрометчиваго, потому что былъ человѣкъ, очень быстро дѣйствовавшій и притомъ не успѣвавшій во-время отдать самъ себѣ отчета въ томъ, чего же именно онъ хочетъ, потому поступавшій,—нынѣ, по внушенію Мишеля де Бурже, человѣка пожилого, солиднаго, твердаго; завтра—по внушенію Жана Рено, мечтателя; послѣ-завтра по внушенію Ламартина, который еще меньше его пошмалъ, чего самъ хочетъ, и т. д. Но онъ былъ человѣкъ неглухой, и не имѣлъ упрямаго самолюбія, потому всегда готовъ былъ и поправлять сдѣланную ошибку. Итакъ, 7 или 8 плохихъ или даже безчестныхъ людей, успѣвшихъ тогда попасть въ число 80 или 90 комиссаровъ, разосланныхъ по провинціямъ, не успѣли сдѣлать ничего важнаго,—не только подвергнуть кого нибудь какому нибудь тяжелому лишенію, но и серьезно встревожить хоть кого нибудь. Но шума и скандала изъ-за нихъ было сдѣлано очень много, главнымъ образомъ по расчету умѣренныхъ республиканцевъ, желавшихъ и успѣвшихъ подорвать на этихъ случаяхъ административную депутацію Ледрю-Роллена, чтобы захватить министерство внутреннихъ дѣлъ въ свои руки.

Были времена, когда угасавшая искра національной жизни поддерживалась слугителями вѣры и когда это бывало, то возникала въ народѣ глубокая любовь къ своей церкви, непоколебимо противостоявшая потоку теченію вѣковъ. Такъ было два раза въ Россіи (32). Во Франціи церкви, правда, уже не пользовались силою, ка-

(32) Конечно, во время татарскаго ига и во время смуть, слѣдовавшихъ за смертью Оедора Ивановича. Въ тѣхъ отдѣлахъ своего разсказа, который относится къ Россіи, Кинглекъ подробнѣе говоритъ объ этомъ, а здѣсь только ссылается на свой главный источникъ по предмету отношеній Русской націи къ православной церкви, книгу Артура Стэнли.

кую имѣла прежде; но добродѣтельная жизнь ея смиренныхъ, трудящихся священниковъ все-таки уже возвратила ей болѣе значительное вліяніе на умы французовъ, чѣмъ предполагала Европа. Потому, когда вся свѣтская правительственная власть въ государствѣ была захвачена горстью соумышленниковъ, когда вдругъ были низвергнуты имп и парламентская, и судебная власть, которая могли обуздать ихъ, французская Церковь, уцѣлѣвшая среди этого разрушенія, вдругъ явилась имѣющею очень много силы помочь или повредить націи. Она могла стать между солдатомъ и его безоружною жертвою; могла закрыть народъ отъ его ярости; могла вынудить уступки въ пользу изложенной націи. Или, дѣйствуя еще энергичнѣе, она могла сдѣлать прямой выборъ между добромъ и зломъ,—и она сдѣлала прямой выборъ.

Массу французскаго духовенства составляютъ люди, ревностно преданные церкви, безкорыстные. Но церковь, которой они служили, уже была привлечена на сторону президента тѣмъ, что французская армія при немъ осаждала, взяла, заняла Римъ и восстановила свѣтскую власть папы. Поэтому, хотъ духовенство и видѣло, что Мона, подкравшись ночью, арестовалъ генераловъ и государственныхъ людей Франціи, и закрылъ національное законодательное собраніе, но все-таки оно, изъ-за Римскаго дѣла, захотѣло стать на сторону Мона. Насколько имѣло оно участіе въ политическихъ дѣлахъ этого кризиса, оно превратило французскую церковь въ агентство министра внутреннихъ дѣлъ. Въ елахъ, когда пришло время плебисцита,—подачи голосовъ въ одобреніе или отчужденіе дѣйствій президента и предлагаемой имъ новой конституціи, священники раздавали народу билеты съ словомъ «да», и усердно посылали его вотиловать.

Всѣ учрежденія Франціи были низвергнуты или порабощены, элизейская братія видѣла полную возможность пользоваться своимъ торжествомъ и воспользовалась имъ вполнѣ. Заговорщики рѣшили сдѣлать, чтобы не осталось во Франціи людей, достойныхъ называться мужчнами. По особенностямъ политическаго состоянія Франціи въ теченіе уже многихъ лѣтъ (33), едва ли не большинство энергичныхъ людей Франціи

(33) Постоянно, съ 1814; передъ тѣмъ былъ лишь небольшой перерывъ въ блистательнѣйшую эпоху правленія Наполеона I; а до этой эпохи (приблизительно, 1807—1812 годы) было, приблизительно съ 1760-тыхъ годовъ, тоже же самое, что послѣ нихъ.

принадлежало къ клубамъ, которые по закону считались «тайными обществами» (34). Сѣтъ, накинутая на этихъ людей, должна была захватить десятки и сотни тысячъ

(34) Даже такой формалистъ, такой прямодушный консерваторъ и приверженецъ строгой законности, какъ Гизо, былъ членомъ клуба, открыто называвшагося комитетомъ для веденія выборовъ, а въ сущности составлявшаго подъ этимъ прикрытіемъ тайное общество; Гизо прямо или косвенно дѣйствовалъ въ немъ почти все время Реставраціи, особенно съ 1822—1823 года до іюльской революціи.

честныхъ гражданъ; по приблизительному счету полагали, что въ тогдшнемъ населеніи Франціи было до 2 милліоновъ чловѣкъ, продолжавшихъ участвовать или прежде участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ. А если французъ когда нибудь участвовалъ

въ обществѣ, запрещенномъ по закону, этого было уже достаточно, чтобы къ нему могли быть примѣнены законы, которые онъ тогда нарушалъ. Но правительство 2-го декабря не удовольствовалось ни этимъ, ни чѣмъ либо подобнымъ: оно поступило гораздо рѣшительнѣе.

Принцъ Луи-Бонапарте, по внушенію и одобренію Морни и Мона, издалъ декретъ съ обратнымъ дѣйствіемъ, объявлявшій, что правительство имѣетъ право арестовать всякаго, когда либо принадлежавшаго къ какому нибудь тайному обществу и ссылатъ его безъ суда въ Алжирію, въ мѣста заключенія уголовныхъ преступниковъ, или въ знойныя болота Кайенны, — этотъ декретъ, подписанный 8 числомъ декабря, и обнародованный въ Монитерѣ 9 декабря, прѣмѣнялся къ такому множеству людей, къ какому въ Англіи прилагался бы законъ, который объявлялъ бы подлежащими ссылкѣ всѣхъ, когда либо присутствовавшихъ въ политическомъ митингѣ; но такой законъ былъ бы во сто разъ милостивѣе, изданнаго новымъ французскимъ правительствомъ: быть сосланнымъ въ Кайенну значить бытъ осужденнымъ на медленную, мучительную, ужасную смерть. Морни и Мона настойчиво прѣмѣняли этотъ законъ съ свирѣпостью, которая въ началѣ была производима въ нихъ смертельнымъ страхомъ за самихъ себя, потомъ продолжаема была ими по гнусному разсчету пріобрѣсти популярность у консерваторовъ тѣмъ, чтобы называть толпы людей социалистами и искоренять ихъ подъ этимъ именемъ. Никогда не будетъ съ точностью опредѣлено громадное число всѣхъ людей, которые были во все это время убиты или брошены въ тюрьмы во Франціи, или отосланы на смерть въ Африку и Кайенну. Но панегиристъ Луи-Бонапарте и его соумышленниковъ Гранье-де-Кассаньякъ призывается, что число людей, сосланныхъ въ теченіе немногихъ недѣль новымъ правительствомъ, простирается до ужасной цифры 26.500 человекъ.

Франція могла бы безъ замѣтнаго ослабленія вынести потерю многихъ десятковъ тысячъ обыкновенныхъ солдатъ и работниковъ; но никакая нація на свѣтѣ, — ни даже сама французская, столь избилующая людьми, готовыми рисковать жизнью за свободу и честь родины, — не можетъ вынести потерю слишкомъ 25.000 человекъ, взятыхъ на отборъ изъ самыхъ энергичныхъ и мужественныхъ гражданъ; потерявъ потерю столькихъ такихъ людей въ одинъ мѣсяць, Франція не могла не стать на нѣлые годы странною увядшею, лишенною бодрости духа. Вотъ почему справедливо мое выраженіе: Францію обезлюдили.

Но кромѣ людей убитыхъ и людей сосланныхъ, было нѣсколько тысячъ французовъ, которыхъ новое правительство подвергло страданіямъ, столь ужаснымъ, что нельзя и пересказывать ихъ подробностей. Я говорю о людяхъ, которые были заперты въ казематы крѣпостей и въ трюмы кораблей «Канада» и «Дюгекленъ». Это были, большею частью, республиканцы. Особенно извѣстны страданія одного отдѣла ихъ, состоявшаго изъ 2.000 человекъ. Въ такой большой массѣ, очень большую долю составляли литераторы; это можетъ показаться удивительно: тутъ были писатели, довольно извѣстные, редакторы газетъ, сотрудники газетъ; кромѣ того, было много юристовъ, медиковъ, другихъ людей подобныхъ профессій, — людей, принимающихъ участіе въ политическихъ дѣлахъ законнымъ порядкомъ литературной борьбы, а не мятежами. Они были мучимы отъ 2 до 3 мѣсяцевъ. Многие изъ нихъ были вывущены дышать свѣжимъ воздухомъ не раньше 10 марта. Они были содержимы въ такихъ гнусныхъ страданіяхъ, что, когда они были выпущены, неприятно и страшно было смотрѣть на нихъ. Многие должны были отправиться прямо въ госпитали. Я долженъ указать источники, на которыхъ основываюсь, — это рассказы Ксавье Дюррѣ и Ипполита Мажава, — *Le Coup d'Etat, par Xavier Durrieu, ancien Représentant du peuple; Histoire de la Terreur Bonapartiste, par Hippolyte Magen*. Но у кого нѣтъ специальной надобности изучить въ подробности дѣло 2-го декабря, тотъ пусть лучше не читаетъ этихъ страшныхъ страницъ: всякій, кто читаетъ ихъ, тотъ долго мучится воспоминаніями прочтеннаго; эти видѣнія долго будутъ тяготѣть надъ его мыслями, и нескоро онъ успеетъ отдѣлаться отъ картинъ гнуснаго мученія, которому подвергались люди, наши современники.

Наконецъ, пришелъ срокъ такъ вазываемаго плебисцита, — подачи голосовъ по

вопросу, принимает ли Франція власть Луи-Бонапарте и его конституцію. Дѣло было устроено такъ, что покорность диктатурѣ Луи-Бонапарте была для Франціи единственнымъ средствомъ избѣжать анархіи и полного хаоса. Президентъ объявлялъ въ своей прокламачіи, что если Франція не хочетъ давать ему президентства, то можетъ избрать на его мѣсто другого,—по этотъ выборъ представлялся ей только на словахъ, а не на дѣлѣ: на дѣлѣ, вотированіе состояло только на отвѣтъ «да» или «нѣтъ» на вопросъ, быть ли президентомъ Луи-Бонапарте; голоса, подаваемые за какого нибудь другого кандидата, не должны были приниматься за полавные. Ясно, что «нѣтъ» оставляя бы государство безъ правительства,—анархія,—которую влекло это за собою, уже и сама по себѣ была угрозою, достаточною; чтобы вынудить «да». Потому, если бы собраніе голосовъ и было ведено съ полною честностью, уже самый способъ постановки вопроса отнималъ всякую свободу выбора: та административная централизація, которая въ февралѣ 1848 года заставила націю объявить, что ей нравится республика,—потому что иначе нація подверглась бы анархіи,—теперь заставляла безпомощную націю стать на колѣна и сказать, что ей пріятно имѣть единовластнымъ законодателемъ персону, рекомендуемую господиномъ Морни.

Имѣя въ своемъ распоряженіи армию и всю правительственную власть, и предложивъ націю вопросъ въ такой формѣ, элизейская братія могла бы, кажется, безопасно для себя предоставить дѣлу вотированія идти къ неизбежному результату безъ дальнѣйшаго стѣсненія свободы; если бы она поступила такъ, она придала бы хоть нѣкоторую благовидность своему увѣренію, что плебисцитъ надобно считать за утвержденіе ея дѣяній волею націи. Но эта братія, думая о своихъ дѣяніяхъ и имѣя руки, покрытыя кровью, не рискнула предоставить хоть вида свободы выбору. Она поступила вотъ какимъ способомъ: она объявила 32 департамента находящимися на военномъ положеніи; а чтобы поставить всякій другой изъ остальныхъ департаментовъ въ такое же положеніе, ей нужно было только взять изъ бумаги и перо съ чернилами; потому можно по полной справедливости сказать, что вся Франція была подъ тяготиномъ военнаго положенія.

Итакъ, каждый избиратель вотировалъ подъ палашомъ. Но палашъ, занесенный надъ нимъ, далеко не единственное обстоятельство, которымъ этотъ плебисцитъ à la Bonaparte отличается отъ свободнаго вотированія. Чтобы масса могла выразить какое нибудь мнѣніе, людямъ, ее составляющимъ, надобно соглашаться между собою. Заговорщики 2 декабря давали ей приглашеніе согласиться съ ними,—дѣйствовали въ этомъ смыслѣ всѣми правительственными средствами; противники ихъ не имѣли никакой возможности переговорить, чтобы согласиться между собою. Выли безусловно запрещены не только всякія публичныя собранія для совѣщаній о вотированіи,—были невозможны даже и небольшія собранія въ домахъ частныхъ людей для этихъ совѣщаній. Газеты—главнѣйшее средство согласиться въ томъ, какъ надобно вотировать. Но кромѣ газетъ, издаваемыхъ элизейскими компаніонами, не было тогда никакихъ газетъ: всѣ, нерасположенные въ пользу заговорщиковъ, замолкли. Нельзя было напечатать ни одного слова, неблагопріятнаго кандидату господина Морни. Ставилось въ преступленіе даже то, если кто сталъ бы печатать или раздавать билеты для вотированія противъ Луи-Бонапарте, и во время церемоніи, называвшейся «выборомъ», дѣйствительно было арестовано нѣсколько лицъ за то преступленіе, что раздавали отрицательные билеты или убѣждали другихъ вотировать противъ президента. Скоро всѣ увидѣли, что каждый противникъ элизейскаго правительства былъ на выборахъ такъ безпомощенъ и одинокъ, какъ слѣпой и глухой.

Въ Шерскомъ департаментѣ генераль д'Альфонсъ декретировалъ, что всякій, распространяющій слухи или внушающій опасенія, безпокоющія народъ, будетъ немедленно арестованъ и преданъ военному суду. Префектъ департамента Верхней Гаронны формально запретилъ всякія собранія, «какъ бы малочислены они ни были», и объявилъ, что всякій, кто нарушитъ это приказаніе, будетъ сочтенъ за члена тайнаго общества и, сообразно страшному декрету 8 декабря, будетъ сосланъ; что всякая раздача печатныхъ или даже писанныхъ билетовъ для вотированія, не одобренныхъ меромъ или мировымъ судьей, будетъ сочтена за преступленіе; что будетъ почтенъ ви-

новнымъ въ возбужденіи междоусобной войны и немедленно преданъ суду всякій, кто будетъ распространять какое либо мѣніе»—это буквально такъ сказано въ декретѣ префекта, доходившаго почти до помѣшательства въ своей ярости противъ свободы. Въ третьемъ департаментѣ помощникъ префекта объявилъ, что будетъ арестованъ всякій, кто «усомнится» въ добросовѣстности дѣйствій правительства.

Вотъ какія средства были приняты генералами, префектами и помощниками префектовъ для обезпеченія выбора. Но едва ли даже и нужно было такое усердствованіе, потому что при самомъ началѣ своего дѣла элизейская братія приняла мѣру, которая и одна была бы уже достаточна для вынужденія согласія. Общее вотированіе было назначено 20 и 21 декабря; а арміи было приказано вотировать гораздо раньше—въ теченіе 48 часовъ отъ полученія депеши о томъ, разсылавшейся 3 декабря. Такимъ образомъ всѣ военныя силы Франціи вотировали, можно сказать, подъ ружьемъ, въ строю, и результатъ ихъ вотированія былъ уже обнародованъ задолго до того времени, когда стала вотировать остальная нація. Итакъ, если бы Франція осмѣлилась вотировать противъ президента, она бы поставила себя въ немедленное и прямое столкновеніе съ своею арміею,—и при томъ въ такое время, когда была отдана на ея произволъ военнымъ положеніемъ.

Застигнутая врасплохъ, смущенная, запуганная, совершенно безоружная и безпомощная Франція должна была или рѣшиться на поднятіе безнадежной войны противъ своего могущественнаго правительственнаго механизма и своей огромной арміи, наступившей ей на горло, или разомъ поддаться Луи-Бонапарте, и Морни, и Мопя, и господину ле-Руа, по прозванію Сентъ-Арно. Она поддалась. Элизейскіе комманданты потребовали у Франціи или «да», или «нѣтъ» на вопросъ: поручаетъ ли она Луи-Бонапарте собственнаго его волею сочинить новую конституцію для управленія Франціею,—и когда, уже извѣстною намъ методою, сгоняя людей вотировать бессмысленными стадами, они получили отъ нихъ билеты съ «да», число которыхъ благоразсудили показать въ 8 милліоновъ, то Парижу было объявлено, что особа, такъ долго бывшая любимымъ предметомъ его насмѣшекъ, стала теперь единовластнымъ законодателемъ его, Парижа, и всей Франціи. Въ сочинительствѣ законовъ, какимъ желалъ онъ подтянуть страну, принцъ Луи-Бонапарте былъ искусникъ: онъ издавна учился тому, какъ облекать азиатское самовластіе терминологіею, заимствованною изъ устройства свободныхъ европейскихъ государствъ. При совѣтахъ и содѣйствіи Морни, и безъ сомнѣнія съ полнымъ одобреніемъ остальныхъ заговорщиковъ, онъ составилъ актъ, по названію бывшій «конституціею», а по дѣйствительному смыслу—установленіемъ о томъ, что онъ долженъ повелѣвать, а Франція должна платить ему дань и повиноваться.

Мы видѣли, что успѣхъ заговора 2 декабря основался на убійствѣ, которое было совершено надъ множествомъ людей на бульварахъ 4 декабря; и такъ какъ это странное происшествіе стало причиною важной перемѣны въ государственномъ устройствѣ и политикѣ Франціи и даже въ судьбѣ Европы, то надобно по возможности разобрать, какъ и отчего это произошло. Къ началу вечера 4 декабря дѣло заговорщиковъ казалось почти безнадежно упавшимъ отъ одиночества, въ которомъ безпомощно оставались принцъ Луи-Бонапарте и его сообщники. Но въ это время, въ 3 часа пополудни, началось убиваніе толпы, и когда трупы были убраны съ бульвара, Парижъ и Франція были уже подъ полною властью элизейскаго дворца. Пострадавшіе и оскорбленные французы, видя такую причину такого результата, натурально были расположены думать, что бульварное убійство было обдуманно устроено по злодѣйскому расчету для достиженія цѣли, къ которой привело. Какъ по мнѣнію Кембрижскаго теолога, человекъ, смотрящій на часы, необходимо долженъ получить убѣжденіе въ существованіи часовщика, такъ люди, видѣвшіе адское убійство, убѣдились, что тутъ дѣйствовали демоны. Они видѣли, что оно дало богатство и благоденствіе элизейскому товариществу, и нашли, что безошибочно могутъ вывести изъ этого: люди, собравшіе жатву, какъ свою, и посѣяли ее. Но насколько дѣло извѣстно теперь, это заключеніе не имѣетъ въ свою опору убѣдительныхъ доказательствъ; и, быть можетъ, сообразнѣе будетъ съ общими нашими понятіями о человѣческой натурѣ,

если мы примемъ такой взглядъ, что бульварное убійство произошло отъ множества разнообразныхъ обстоятельствъ, а не произведено холоднымъ расчетомъ президента, сообразившаго, что ему нужно убить множество мирныхъ мужчинъ и женщинъ, чтобы ужасъ этой сцены отнялъ всякую бодрость духа у парижанъ. Можно объяснить дѣло, и не прибѣгая къ ужасной гипотезѣ такого расчета.

Армія, какъ мы видѣли, кишѣла ненавистью ко всѣмъ не военнымъ, и ея ожесточеніе было заботливо раздуваемо президентомъ и Сентъ-Арно (35). Это чувство.

35) Проще сказать, какъ было замѣчено выше: большинство французскихъ солдатъ и офицеровъ презирало невоенныхъ людей, по тщеславію считало себя первымъ, лучшимъ сословіемъ націи,—тщеславію, которое свойственно всякому сословію, всякой націи, сознающей свою силу: такъ въ Англіи большинство коммерческихъ людей презираетъ остальную націю, въ томъ числѣ аристократію; большинство аристократовъ—тоже призираетъ всю націю, въ томъ числѣ коммерческіе классы; большинство англійскихъ моряковъ тоже презираетъ всю націю, въ томъ числѣ и аристократію, и купцовъ. Армія въ Англіи очень слаба сравнительно съ каждымъ изъ этихъ трехъ классовъ, но все-таки и она не совсѣмъ лишена того же чувства. Тоже во всякой другой націи, въ томъ числѣ и во французской; сильные классы до 1852 года тамъ были: аристократы, юристы, чиновники, публицисты (литераторы), негоціанты, военные; каждый изъ этихъ классовъ очень свысока смотрѣлъ на всѣ остальные. Въ военныхъ это чувство было особенно сильно, потому что ихъ сословіе было дѣйствительно очень сильно.

еслибы не подкрѣпилось другими побужденіями, не довело бы храбрую французскую армію до того, чтобы стрѣлать въ упоръ въ толпу беззащитныхъ мужчинъ и женщинъ; но въ душѣ элизейской братіи и командовавшихъ генераловъ было другое чувство, болѣе сильное, и отъ нихъ заразило оно солдатъ и офицеровъ.

Когда живымъ существомъ,—человѣкомъ, или животнымъ, овладѣваетъ ужасъ, это существо, смотря по различію темперамента и обстоятельствъ, или подвергается въ безильное, недвижное оцѣпенѣніе, или мечется съ истерическою энергіею,—въ послѣднемъ случаѣ, ужасъ бываетъ самую пламенную и слѣпою изъ всѣхъ страстей. Во французахъ нервическая впечатлительность южныхъ племенъ соединяется съ очень большимъ количествомъ энергіи, принадлежащей сѣвернымъ племенамъ,—потому они очень способны увлекаться въ обѣ формы ужаса: и тотъ ужасъ, отъ котораго люди начинаютъ сильно убивать другихъ, и въ тотъ, отъ котораго люди повергаются въ оцѣпенѣніе. 4 декабря въ Парижѣ были обѣ эти формы ужаса: армія свирѣствовала, народъ повергся въ оцѣпенѣніе,—но и армія и народъ одинаково были подъ властью ужаса. Правда, между зрителями на бульварахъ не было людей вооруженныхъ, которые могли бы довести солдатъ до свирѣпаго паническаго ужаса матеріальнымъ образомъ; если и было два-три выстрѣла изъ оковъ,—вещь сомнительная,—два-три выстрѣла на улицѣ, покрытой людьми, очевидно сошедшимися только смотрѣть на парадъ, а вовсе не сражаться, не могли бы испугать отлпчныхъ солдатъ, каковы французскіе,—это для нихъ пустяки. Но дѣло въ томъ, что президентъ и его сообщники, хоть получили полный уснѣхъ въ мапивальной части дѣла, не получили поддержки отъ людей съ репутацией и авторитетомъ. Потому они очевидно были въ опасности; и если Морни и Флери еще сохраняли мужество и 4 декабря по-утру, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что президентъ, его дядя Геронимъ, сынъ Геронима Шерь, Мопа, Сентъ-Арно, Маньянъ трусили, видя опасность положенія, въ которое поставили себя.

Душевное состояніе президента было, судя по всему, очень похоже на то, какое

овладѣвало имъ прежде, въ Страсбургѣ и Булонн, и опять потомъ, подъ Маджентою и Сольферино. Какъ онъ былъ оцѣпенѣвшимъ отъ страха во все время маджентской битвы, это видѣли всѣ, потому что онъ имѣлъ необдуманность не спрятаться отъ своего вейска. Но въ день сольферинской битвы были приняты мѣры, чтобы посторонніе глаза не могли видѣть, каково онъ чувствуетъ себя, а потому его сотоварищи стали очень усердно увѣрять Европу, что во время этого сраженія онъ не только былъ въ состояніи дѣлать распоряженія, но даже находился на такихъ пунктахъ, гдѣ была очень большая опасность. «Тутъ императоръ Наполеонъ»,—по словамъ Монптера,—«превозмогъ, можно сказать, самого себя; его видѣли повсюду, повсюду руководящаго битвою; всѣ окружавшіе его содрогались, видя, какимъ опасностямъ онъ подвергаетъ себя; онъ одинъ казался не выдающимъ опасности». Такое усердіе хвалителей заставляло англичанъ на половину повѣрять, что онъ держалъ тутъ себя мужественно. Но во Фравинн хлопоты объ этомъ не удалось по несприятному обстоятельству, произошедшему отъ того, что французскій императоръ не кетати поддался и тутъ своему пристрастію къ блеску и театральнѣй парадности: кромѣ многочисленнаго штаба, онъ имѣлъ при себѣ кавалерійскій отрядъ въ прекрасныхъ новыхъ, очень нарядныхъ мундирахъ, в извѣстную «конвойную сотню». Cent gardes, штабъ и этотъ отрядъ составляли очень большую и видную массу, плотно занимавшую цѣлыя сотни футовъ по фронту и въ глубинѣ; если бы такая масса людей дѣйствительно подѣзжала хоть близко къ такимъ пунктамъ, гдѣ шло сраженіе, то нѣтъ никакой человѣческой возможности, чтобы многіе изъ нея не были ранены и убиты. Но изъ всего этого полчища никто не былъ убитъ,—никто даже не былъ и раненъ,—кромѣ одного солдата изъ конвойной сотни, о которомъ Монптеръ утверждаетъ, будто бы у него дѣйствительно была оцарапана пулею кожа,—это Монптеръ говоритъ въ опроверженіе слуха, что раненый не былъ и оцарапанъ, а только мундиръ его былъ въ одномъ мѣстѣ порванъ,—порванъ, быть можетъ, и дѣйствительно пулею. При такомъ обстоятельствѣ какъ же могла Франція повѣрять словамъ хвалителей? Возможно ли было, чтобы огромный отрядъ людей—и притомъ же конныхъ людей, двигался весь день подъ убійственнымъ огнемъ и остался до такой степени неприкосновененъ для пуль и ядеръ? Но Монптеръ не смутился этимъ затрудненіемъ: онъ призвалъ на помощь себѣ небесное провидѣніе, и объявилъ, что «покровъ Божественный», охраняющій императора Наполеона, «распростеръ шире и на его свиту»: *la protection dont Dieu l'a couvert s'est étendue à son état major.* Moniteur, 29 іюня 1859.—Парижъ хохоталъ; потому умѣяшіе изъ имперіалистовъ разсудили, что вопросъ о томъ, какъ держалъ себя ихъ государь при Сольферино—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ лучше всего молчать.

Предназначенно распускаемая ложь часто порождаетъ мнѣніе, такое же невѣрное, но прямо противоположное тому, въ которомъ хотѣли увѣрять. Я долженъ предостеречь и противъ этого. Какъ при Сольферино, такъ и при Маджентѣ, прежде того въ Страсбургѣ и Булонн, и теперь во время декабрьскаго кризиса, Луи Бонапартъ растерялся, уналь духомъ; но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ его трусость не должно считать ничѣмъ, кромѣ той потери присутствія духа, которой подвергается въ опасныя минуты большинство обыкновенныхъ людей невоеннаго званія. Но должно сказать, что во всѣхъ этихъ пяти случаяхъ, онъ самъ же вздумалъ ставить себя въ положенія, требующія мужества,—хотѣлъ разыграть роль героя, несогласную съ его темпераментомъ. Она была для него невозможна: мало того, что онъ, подобно большинству обыкновенныхъ людей, совершенно терялъ способность соображать и дѣйствовать, когда видѣлъ передъ собою опасность,—кромѣ того, онъ не могъ и скрывать этой потери всякой бодрости: его лицо, его взглядъ выдавали его. Когда онъ встревоженъ, то, быть можетъ, по какому нибудь болѣзненному физическому недостатку въ сердцѣ или артеріальной системѣ, лицо его мертвѣетъ, зеленѣетъ. Если бы блѣдность и зеленѣя онъ сохранялъ присутствіе духа, блѣдность бы только свидѣтельствовала бы силу его характера, побѣждающаго физическую слабость; но когда душа дрожитъ вмѣстѣ съ тѣломъ, человѣкъ не годится въ распорядители овсныхъ дѣлъ, и наводитъ уныніе, трусость на тѣхъ, которымъ долженъ давать приказанія. Натурально, что трусость президента

должна была убивать бодрость и въ его помощникахъ. А мы знаемъ много фактовъ, показывающихъ, что съ ночи 1 декабря до вечера 4 декабря президентъ дѣйствительно очень боялся за себя и не зналъ, что ему дѣлать. У него былъ давно обдуманнѣйшій планъ выборовъ; 2 декабря онъ обнарудовалъ его какъ законъ, а 3 декабря отмѣнилъ, уступая предполагаемому имъ недовольству парижанъ этими правилами. Онъ ежеминутно заботился о томъ, чтобы подлѣ него былъ сильный кавалерійскій корпусъ, — чтобы служить ему конвоемъ, когда вздумается ему, что пора бѣжать; почти все время кризиса стояли на дворѣ элизейскаго дворца экипажи и верховыя лошади для его бѣгства. Въ это же время онъ прибѣгъ и къ отчаянному средству — обнаружить фальшивый списокъ членовъ совѣщательной комиссiи. Но всего лучше можно судить о состоянiи его даже по той позатурѣ, въ какой застаешь его исторiя, когда ловить его при попыткѣ прiобрѣсти милость солдатъ.

Когда человѣкъ не храброго десятка видитъ себя въ опасности, видитъ свою жизнь зависящею отъ каприза солдатъ, — онъ по инстинктивному движенiю хватается всѣ деньги, какія есть у него, и отдаетъ ихъ солдатамъ, съ увѣренiями, что любить ихъ и благоговѣть передъ ними. Точно такъ поступилъ и Луи-Бонапарте. Эту вещь нельзя было утаить, и его историкъ, Гранье де-Кассаньякъ, разсудилъ, что ужъ все-таки лучше всего будетъ, если разсказать ее величественнымъ слогомъ классической древности, — назвать солдатъ побѣдителями эффектнаго греческаго слова, а французскiя 5-франковыя монеты назвать «оболами». — «У президента оставалось, изъ всего фамильнаго его богатства, полученнаго по наслѣдству, 50.000 франковъ. Онъ зналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ прежнихъ смутъ войско поддавалось инсургентамъ не столько потому, что было побѣждено, сколько потому, что было изнурено отъ голода. Потому онъ взялъ всѣ деньги, какія оставались у него изъ прежняго богатства, — всѣ, до послѣдняго 5-франковика и поручилъ полковнику Флери идти и раздать солдатамъ, побѣдителямъ демагогiи, — раздать имъ по-ротно, повзводно, этотъ его послѣднiй оболъ». Президентъ, въ одно изъ своихъ прежнихъ воззванiй къ парижской армiи, говорилъ, что не скажетъ солдатамъ «посылаю васъ впередъ», — а станетъ самъ впереди ихъ и скажетъ: «слѣдуйте за мною». Едва ли пристойно было обращаться съ пустыми актерскими словами подобнаго рода къ настоящимъ солдатамъ; а во всякомъ случаѣ, президентъ не имѣлъ обязанности исполнять ихъ; потому что на улицахъ Парижа едва ли могла когда нибудь произойти такая битва, чтобы литератору, хотя бы онъ и былъ президентомъ, нужно было съ аффектацiею становиться впереди солдатъ, закаленныхъ въ войнѣ; но все-таки между хвастовствомъ президента и характеромъ, какой выказалъ онъ на дѣлѣ, такая развѣдка, что нельзя не усмѣхнуться при встрѣчѣ съ нимъ. Президентъ клялся, что поведетъ солдатъ на врага, а вмѣсто того высмалъ имъ денегъ. По всей вѣроятности, такая измѣна не была огорчительна для солдатъ; и я упоминаю объ этой взяткѣ, которою подкупалъ онъ людей, пугавшихъ его своимъ оружиемъ, только потому, что она выказываетъ намъ въ какомъ настроенiи духа находился онъ и тѣмъ открываетъ причину убiйства 4 декабря.

Другой ключъ къ той же тайнѣ мы находимъ въ декретѣ 5 декабря, которымъ президентъ постановилъ, что сраженiя съ внутренними врагами, инсургентами, должны считаться въ такую же честь и давать такiя же награды войскамъ, какъ битвы съ иноземными непрiятелями. Правда, этотъ декретъ былъ изданъ не до убiйства, а уже послѣ нахъ; но настроенiе духа, въ какомъ человѣкъ встрѣчаетъ опасность отгадывать изъ того, что онъ дѣлаетъ въ первое время по минованiи опаснѣйшей минуты. Находя, что глава гордой и могущественной нацiи былъ способенъ подписать 5 декабря такой декретъ, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятiе о томъ, каковы были его ощущенiя наканунѣ по утру, когда агонiя ужаса еще не смѣнялась непрстойнымъ восхищенiемъ о минованiи бѣды.

Въ то время, какъ принцъ Луи-Бонапарте чуть не клаялся въ ноги солдатамъ, его дядя Иеронимъ находился въ такомъ трепетѣ, что не способенъ былъ сдерживаться и напечаталъ письмо, въ которомъ обнаруживалъ свою трусость и даже выказывалъ намѣренiе отступить отъ племянника. Онъ говорилъ, — и быть можетъ говорилъ вправду, — что хотя подвергалъ себя опасности, сопровождая президента въ

его поѣздкѣ по улицамъ 2 декабря, но не виновенъ въ заговорѣ и былъ чуждъ умысловъ элизейскаго дворца (это письмо было отправлено въ печать вечеромъ 4 декабря, когда Иеронимъ еще не зналъ, что возстаніе уже почти подавлено). Сынъ Иеронима, Пьеръ, дѣйствительно порицалъ, какъ увѣряютъ, дѣйствія президента, и порицалъ сильно; потому, натурально было ему не желать класть голову на плаху или подвергаться какимъ нибудь бѣдамъ изъ-за того только, что онъ двоюродный братъ принцу Луи-Бонапарте. Всякій, и самый храбрый человѣкъ, всегда будетъ принимать мѣры противъ того, чтобы его не казнили по ошибкѣ, и нельзя осуждать принца Пьера Наполеона за то, что онъ отдѣлялъ свою судьбу отъ опасной судьбы элизейской компаніи, въ умыслахъ которой не участвовалъ. Такъ; но видя, что даже его родственники отрываются отъ него, президентъ долженъ былъ еще болѣе трусить и наводить трусость на своихъ собесѣдниковъ.

Мона, или де Мона, былъ человѣкъ крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія, съ румяными щеками; но бываетъ, что обширное и прочное вмѣстилище не вмѣщаетъ въ себя крѣпкаго духа, и само не выдерживаетъ опасности. Говорятъ, что цвѣтущее здоровье измѣнилось господину Мона въ критическое время отъ ночи 2-го декабря до вечера 4-го декабря: онъ имѣлъ несчастіе страдать немощью во весь этотъ періодъ страха.

Надобно также повторить, что 4 декабря парижская армія была удерживаема въ бездѣйствіи всю большую лучшую для дѣйствія часть дня отъ утра до 2 часовъ пополудни.

Есть и другіе факты, показывающіе, что элизейская братія въ это время трепетала того, что уже вадѣлала, трепетала и того, что приходилось ей дѣлать. Очевидное дѣло, что Маньянъ и двадцать генераловъ, обнижавшихся 27 ноября, видѣли теперь себя запугавшимися въ такую опасность, какой не предполагали: одиночество, въ которомъ покинута былъ президентъ, пренебрегаемый всѣми людьми съ хорошею репутаціею и почтеннымъ положеніемъ въ обществѣ, это одиночество и пренебреженіе показывало всѣмъ помогавшимъ ему генераламъ, что непроницаемая по ихъ прежнему мнѣнію броня «письменное приказаніе военнаго министра» — стала очень плохимъ прикрытіемъ ихъ тѣлу.

Французы расположены думать и дѣйствовать гуртомъ; въ ихъ арміи вѣтъ между солдатами и офицерами той разницы по общественному положенію, которая въ англійской арміи считается лучшею преградой распространенію паническаго страха и другихъ опротивительныхъ увлеченій. Во французской арміи порывъ отваги или ужаса часто пробѣгаетъ какъ электрическій ударъ по всему войску, овладѣваетъ всю массу и солдатъ, и офицеровъ, и генераловъ. Чаще всего, порывъ начинается снизу, отъ рядовыхъ солдатъ распространяется на командировъ. Тутъ было наоборотъ: онъ шелъ отъ главныхъ командировъ черезъ офицеровъ на солдатъ. Шесть часовъ войско стояло и стояло въ строю, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ баррикады, — и все не атакowało ихъ, — оно все ждало и все не получало приказанія атаковать ихъ. Ясно было, что правительство колеблется, а генералы понимали, что даже недолгое колебаніе въ такое время — и признакъ, и причина опасности; когда же они увидѣли, что въ колебаніи проведена уже большая часть дня, они не могли не понять, что элизейскій заговоръ проваливается оттого, что не нашелъ себѣ поддержки, и не могли не знать, что если онъ провалится, то судьба ихъ будетъ очень дурна.

По своему темпераменту, французы болѣе способны выдерживать долгіе часы въ битвѣ, чѣмъ въ бездѣйственномъ ожиданіи подобнаго рода, тяжело дѣйствующемъ на нервы. А смущающее ожиданіе опасной борьбы когда длится много времени, легко перерождается у нихъ въ ту форму разстройства мыслей, которая внушаетъ человѣку свирѣпость; 4 декабря войско было подвергнуто такому раздражающему тяготѣвію страха. А у Маньяна и командовавшихъ подъ его начальствомъ генераловъ мучительность ожиданія опасной битвы въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ третей дня усиливалось ожиданіемъ страшнаго отвѣтственности передъ закономъ: они создавали, что элизейскій заговоръ рухнетъ, они же будутъ преданы суду за свое совѣщаніе 27 ноября. Кто сообразитъ ощущенія этихъ двадцати одного генерала и сколько нибудь знаетъ французскую армію, у того яв-

ственно зазвенять въ ушахъ рѣзкія восклицанія, скрежетъ зубовъ и ругательства, какія слышатся отъ раздраженнаго французскаго генерала. Но если генералы,—противъ обыкновенія французскихъ генераловъ, и молчали, то ихъ лица и жесты, выражавшіе ужасъ, не могли не быть быстро поняты зоркими французскими солдатами и офицерами. Офицеры и солдаты не могли съ точностью опредѣлить, чѣмъ именно смущены и раздражены генералы,—но такая неизвѣстность только увеличивала тревогу, заражавшую этихъ наблюдателей. А мы знаемъ, что были даны инструкціи, приказывавшія войско безпощадно убивать всѣхъ, кто будетъ противиться или мѣшать ему; въ нихъ конечно не говорилось, что надобно или позволительно убивать мирныхъ зрителей, не мѣшающихъ войску; но онѣ своею свирѣlostью дѣйствовали на умы солдатъ такъ, что подъ вліяніемъ ихъ всякое опасеніе должно было принять въ солдатахъ свирѣлый характеръ.

По всему этому я понимаю ходъ дѣла такъ: натуральный и очень основательный трепетъ президента и нѣкоторыхъ его сообщниковъ за свою судьбу обратился въ яростную тревогу, перешедши отъ нихъ на генераловъ, отъ генераловъ этотъ ожесточающій страхъ за себя спукался все чиже и ниже въ войско и охватилъ солдатъ съ такою одуряющею силою, что они, не дожидаясь команды, вдругъ повернулись фронтъ къ безоружной толпѣ и стали стрѣлять.

Если принять такое объясненіе, то надобно будетъ бросить теорію, приписывающую принцу Луи-Бонапарте злодѣйское умышенное устройство убійствъ на бульварахъ для наведенія страха на Парижъ и для подавленія оппозиціи; но хоть и можно будетъ въ такомъ случаѣ сказать, что онъ не давалъ точныхъ и подробныхъ приказаній о томъ, что надобно убивать мирную толпу, все-таки нельзя отвергнуть того, что убійство это было произведено имъ съ Мориа, Мона и Сентъ-Арно, при соучастіи и одобреніи Флери и Персины. Эта компанія придумала и совершила дѣло 2 декабря; она же, для поддержки своего ночного дѣла, поставила армію на парижскихъ улицахъ; она своими внушеніями направила мысли солдатъ къ убиванію парижанъ; наконецъ, по ея колебанію и колебанію Маньяна, бывшаго ея орудіемъ, армія, поставленная въ виду баррикады, была удерживаема въ бездѣйственномъ ожиданіи до того, что генералы разразились въ измѣнчивой формѣ ужасомъ, сообщавшія имъ изъ элизейскаго дворца, отъ генераловъ онъ сообщился солдатамъ въ видѣ свирѣлаго паническаго одурванія, бывшаго непосредственно причиною убійства. Я долженъ также просить не забывать, что сомнѣніе, которое я стараюсь разъяснить, относится только къ убійству мирной толпы на бульварѣ.—То, что убиваніе плѣнныхъ, взятыхъ въ баррикадированныхъ кварталахъ, было дѣломъ предумышленнымъ, исполнявшимся вслѣдствіе точныхъ приказаній изъ элизейскаго дворца,—это положительный фактъ, о которомъ невозможно спорить. Надобно прибавить и то, люди, руки которыхъ облились кровью этихъ убійствъ, взяли и добычу, приобретенную убійствами. Сентъ-Арно уже нѣтъ въ живыхъ. Но Луи-Наполеонъ Бонапарте, Мориа, Флери, Мона, Маньянъ, Персини—эти господа всѣ еще живы и въ ихъ шкатулкахъ продолжаютъ накапливаться деньги, собираемыя съ французской націи.

Вещь извѣстная, что самые напрактиковавшіеся игроки иногда утомляются своими продолжительными усиліями впередъ разсчитывать шансы игры, и тогда, въ своей взволнованной неизвѣстности будущаго, охотно принимаютъ даваемый на авось совѣтъ гораздо менѣе опытнаго, но твердаго духомъ молодого сотоварища,—и когда этотъ горячій юноша, смѣло восклицая: «счастіе повинуется моему волѣ», говоритъ: «ставь вотъ эту карту»,—выхватываетъ карты изъ опытнѣйшей руки и самъ бодро становится на мѣсто изнуреннаго разсчета и мнительности, блѣдный старый игрокъ покоряется силѣ крѣпкихъ нервовъ юноши,—и если юноша выигрываетъ, старикъ проникается благодарностью къ нему за удачу страшнаго риска, въ который былъ введенъ имъ.—Подковникъ Флери велъ впередъ элизейскихъ своихъ сотоварищей, властвовалъ надъ ними въ періодъ кризиса пламенностью и твердостью своего характера, и колеблющіеся подчинялись его руководству. Прибавляютъ, что не разъ ему приходилось не ограничиваться убѣжденіями, приходилось прибѣгать къ угрозамъ, силою вынуждать остальныхъ идти по его указанію; было ли это, или довольно было и мягкихъ средствъ убѣжденія, но положительный фактъ то, что онъ заслужилъ ихъ

благодарность, приказывая имъ продолжать и продолжать игру,—онъ сорвалъ банкъ и выигралъ имъ—Францію. Они поступили круто съ выигранною въ банкъ страню: отняли у нея свободу, запустили лапы въ ея кошелекъ, стали обогащаться ея богатствомъ. Они возсѣли съ царями и повелителями, предъ лицомъ всей Европы насилывали ее, какъ угодно было ихъ душѣ. Ненавистники свободы и недоброжелатели Франціи во всѣхъ странахъ Европы увеселялись этимъ зрѣлищемъ.

Таковы были дѣла, совершенныя принцемъ Луи Бонапарте. То, что клятвю обязался онъ сдѣлать, извѣстно всѣмъ,—онъ публично далъ эту клятву 20 декабря 1848 года,—онъ стоялъ въ Национальномъ собраніи, поднявъ руку къ нему, и произносилъ слова президентской присяги: «Предъ лицомъ Бога и предъ французскимъ народомъ, въ собраніи его представителей, клянусь оставаться вѣренъ единой и нераздѣльной демократической республикѣ и исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя на меня конституціею». Онъ далъ эту присягу, какъ правитель: какъ частный человѣкъ, онъ поручился за ея исполненіе своею личною честью въ тѣхъ словахъ, которыми добровольно дополнилъ ее тутъ же: по запискѣ, обдуманно написанной, онъ прочелъ собранію: «Воля націй и присяга, данная теперь мною, опредѣляютъ мои обязанности. Онѣ ясны; я буду исполнять ихъ, какъ честный человѣкъ. Я буду считать врагомъ Франціи всякаго, кто захотѣлъ бы незаконными средствами измѣнить учрежденія, которыя установила для себя Франція».

Въ Европѣ были тогда сотни тысячъ мужичиъ и милліоны женщинъ, искренно убѣжденныхъ, что опредѣлять границу, раздѣляющую доброе отъ злого—дѣло духовенства, что дѣло хорошо, если духовенство благословляетъ его. Теперь утромъ, на 30-тый день послѣ 2 декабря, лучи 12.000 восковыхъ свѣчъ пробивались сквозь густой зимній туманъ, висѣвшій въ воздухѣ, и разливали потускивлый свѣтъ своей по громадному пространству церкви, служащей памятникомъ вѣковъ, памятникомъ странно разнохарактерныхъ переворотовъ французской исторіи. Въ этой церкви собрался сонмъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ римскаго отдѣла церкви Христовой. Этотъ сонмъ епископовъ, священниковъ, діаконовъ, собрался, стоялъ и ждалъ прибытія человѣка, дававшего присягу 20 декабря 1848 года: имъ, по ихъ мнѣнію, принадлежало право устанавливать отношенія между человѣкомъ и Богомъ, и человѣкъ, дававшій тогда ту присягу, благоволилъ теперь увѣдомить ихъ, что вновь явится предъ лицо Божіе, и на этотъ разъ при ихъ содѣйствіи. И вотъ онъ прибылъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ преклоняли колѣна короли Франціи, стоялъ теперь непремѣнный режиссеръ труппы, дававшій спектакли въ Страсбургѣ и Булони, а подлѣ него, какъ и слѣдуетъ, Моринъ, съ пріятностью размышляющій о величьи выигранной ставки, и Маньянъ, основательно претендующій теперь на суммы уже гораздо побольше 100.000 франковъ, и Мопа, уже исцѣлѣвшій отъ недуга, и Сентъ-Арно, урожденный ле-Руа, и Фіалевъ, принявшій имя Персиньи, и двигатель всего дѣла Флери, которому, вѣроятно, хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ скучной церемоніи, чтобы заняться кутежомъ на нынѣшнія богатые средства, а пока, во время скучной церемоніи, вѣроятно размышлявшій, съ зѣвотою, о томъ, какъ странно это случилось, что онъ сталъ владыкою судьбы великой націи благодаря своему пламенному пристрастію къ кутежу. Когда духовенство увидѣло, что присягатель и его компаніоны готовы, оно начало обрядъ. Надѣвъ ризы, во всю длину обшитаы знаками креста Господня, и принявъ чрезъ это видъ возвысившихся надъ всякою землею тщетою и боязною, епископы и священники пошли къ алтарю, воскурили кадила оміама Господу Богу и колѣнопреклонялись предъ нимъ, и воздвигались отъ колѣнопреклоненія, и слова преклонялись и воздвиглись, наконецъ, и въ слухъ тысячей воспѣли гимнъ славословія, издревле служащій выраженіемъ благодарной хвалы Всесильному Богу за высшія милости, оказываемыя его десницею: хвала Богу воспѣвалась теперь въ Notre Dame за то, что совершенно было принцемъ Луи Бонапарте въ эти тридцать дней, начиная съ ночи 1-2 декабря. И пропѣвъ «Тебе Бога хвалимъ», епископы и весь сонмъ духовенства возвысили голоса и воскликнули *Domine salvum fac Ludovicum Napoleonem*, — Боже, да сохраняеши Луи Наполеона».

Что же такое зло, что добро? и кто заслуживаетъ того, чтобы за него моли-

лась вся нація? Если совѣстливые и набожные люди во Франціи, возмущенные декабрьскими дѣяніями, обращались съ этими вопросами къ французской церкви, она имъ дала отвѣтъ въ этотъ день въ кафедральномъ соборѣ столицы.

Въ слѣдующемъ декабрѣ форма государственной системы была приведена въ отвѣтствіе съ ея сущностью, и президентъ республики сталъ тѣмъ, что вазываютъ «императоръ французовъ»; онъ благоизволилъ принять титулъ: «Наполеонъ III, милостію Божіею и волею народа, императоръ французовъ».

Когда думаешь о событіяхъ декабря 1851 г., вниманіе естественно влечется сосредоточиваться на людяхъ, которые были дѣятелями въ нихъ, и на другихъ лицахъ, которыя хотѣли дѣйствовать,—конечно не въ томъ духѣ, но не могли, потому что упали въ ямы, выкопанныя для нихъ злоумышленниками. Но все таки, нельзя же не видѣть, что главный фактъ этого времени—не дѣйствія или судьба отдѣльныхъ лицъ, а покорная уступка массы людямъ, захватившимъ власть. Странно кажется, что въ это критическое время нація, давно уже бывшая свободною и всегда бывшая храброю, бездѣйствовала. Причиною бездѣйствія была пелавистъ, внушенная ей къ демократамъ. Чистая демократія тогда была выставлена французамъ столь враждебною личною свободѣ, столь опасною и тяжелою, что не только люди, имѣвшіе политическій образъ мыслей, несогласный съ демократами, но и вся масса, вообще не вмѣщавшаяся въ политическіе споры, была возстановлена противъ демократовъ; поэтому демократическія учрежденія должны были лишиться своей хилой жизни, какъ только будетъ обращено противъ нихъ оружіе солдатъ. Подобные случаи многочисленны въ исторіи. Но обыкновенно, солдаты были двигаемы прѣтивъ демократическихъ учрежденій вождемъ, получившимъ славу въ войнѣ. Теперь примѣръ Франціи доказалъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, лицу, распоряжающемуся арміею, не нужно имѣть и военной славы,—довольно имѣть немного хитрости,—этого уже достаточно: человекъ, до той поры предводительствовавшій только актерами въ поддѣльныхъ мундирахъ, сталъ диктаторомъ, законодателемъ, абсолютнымъ монархомъ. Примѣръ этотъ научаетъ и другой истинѣ. Обыкновенно, переходъ отъ свободы къ деспотизму совершался постепенно; декабрьскія событія доказали, что онъ можетъ совершиться мгновенно, когда нація, возненавидѣвшая демократическія учрежденія, имѣетъ сильную административную централизацию и большую армію.

Франція потеряла свободу; но мы совершенно ошиблись бы, если бы вообразили, что абсолютная монархія, основанная во Франціи, была похожа на тѣ абсолютныя монархіи, въ которыхъ правительская попойкою за себя, потому что масса управляемой націи расположена довольствоваться этою формою государственнаго устройства. Нѣтъ, во Франціи вся масса порядочныхъ людей отвергнулась отъ новаго правительства, и осталась тверда въ этомъ: она не только не удостоила своимъ содѣйствіемъ компанію, занявшую Тюильри, но презрительно смотрѣла и смотритъ на тѣхъ немногихъ изъ своей среды, которые дали заманить себя въ Тюильри деньгами. Она осталась при своемъ рѣшеніи—ждать удобнаго времени, а въ ожиданіи его не дѣлать ничего несогласнаго съ ея намѣреніемъ подвергнуть элизейскую компанію безпощадной отвѣтственности, какъ только настанетъ возможность. Ясно, какой результатъ долженъ былъ произойти изъ этого положенія вещей. Наполеонъ III стоялъ на краю бездны,—ежеминуто ему угрожала казнь по закону; а между тѣмъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ всю правительственную силу; инстинктъ самосохраненія, руководящій всякимъ живымъ существомъ, направлялъ его къ тому, чтобы употреблять эту силу,—на устраненіе погибели отъ себя и своихъ сообщниковъ. Ясно, что это должно было сдѣлаться основаніемъ всей его политики, и по внутреннимъ, и по вѣншимъ дѣламъ. Итакъ, съ 2 декабря 1851 г., всѣ дѣйствія французскаго правительства по иностранной политикѣ были направляемы къ тому, чтобы поддерживать престоль, воздвигнутый г-номъ Морни и его сотоварищами.

Итакъ, если я подробно рассказывалъ переворотъ, происшедшій въ государственномъ устройствѣ Франціи, я только дѣлалъ то, что необходимо для настоящаго предмета моей книги. Возникновеніе авгло-французской войны съ Россіею не можетъ быть понятно, если не будемъ подробно знать, въ чемъ состояла сущность иностран-

ной политики новаго французскаго правительства; эта политика была тогда еще незнакома европейскимъ народамъ,—они еще не сообразили, что она безусловно руководитъ личными необходимостями людей, захватившихъ власть, и мы теперь не могли бы вѣрно понять ея цѣлей, если бы не составили себѣ довольно подробнаго понятія о событіяхъ, посредствомъ которыхъ ходъ европейскихъ дѣлъ сталъ зависѣть отъ надеждъ и опасеній компани, состоящей изъ принца Луи Бонапарте, Морни, Флери, Маньяна, Персиньи, Мопа и Сентъ-Арно, урожденнаго ле-Руа.

Почти тотчасъ же послѣ декабрьскаго переворота, результаты его начали отзываться на европейскихъ дѣлахъ. Элизейскіе компаніоны понимали, что имъ удалось поработить Францію и попрасть ея законы только потому, что французскій народъ не желалъ возобновленія смуты; изъ этого ясно было имъ, что имъ надобно заняться и занять Францію чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ своей полицейской системы,—иначе ихъ власть упадетъ, какъ только пройдетъ мимолетная боязнь анархіи, фантастически запугавшая народъ. По внутреннимъ дѣламъ они стояли въ такомъ положеніи, что не могли дѣлать ничего, кромѣ стѣснительнаго и неблаговиднаго; и такъ, надобно было отвлечь вниманіе Франціи отъ внутреннихъ постыдныхъ дѣлъ шумомъ иностранной политики. Надобно было спѣшить поднять этотъ шумъ, потому что иначе головы элизейскихъ заговорщиковъ слетѣли бы съ плечъ; надобно было имъ быстро наваливать новые факты иностранной политики между собою и своими прежними дѣянїями, чтобы этими новыми предметами закрыться отъ опасности, которою грозило имъ воспоминаніе французовъ о продѣлкѣ 2 декабря и убійствахъ 4 декабря. Колебаться имъ было невозможно. Тутъ дѣло шло не о славу, не о честолюбіи,—дѣло шло о спасеніи своихъ головъ. Чтобы принцу Луи Бонапарте, Морни и Флери, Мопа, Сентъ-Арно и Маньяну не быть отведенными въ тюрьму и преданными суду, а продолжать пользоваться своею добычею, имъ необходимо было нарушить тишину въ Европѣ, поднять смуты въ ней. Мѣры къ этому тотчасъ же были приняты. Предлогомъ былъ избранъ восточный вопросъ, ближайшимъ поводомъ къ поднятію тревоги изъ-за этого вопроса—такъ называемое дѣло о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ. Недалеко, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ переворота 2 декабря французскому посланнику въ Константинополь Лавалетту были посланы инструкціи, имѣвшія цѣлью поднять шумъ изъ-за этого дѣла и посорить Турцію съ Россією. Въ чемъ же состояло дѣло о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ?

Греческая и Римская церковь пользуются извѣстными правами по завѣдыванію святыми мѣстами Палестинскими; иногда между духовенствомъ бывали споры изъ-за этихъ правъ; но въ концѣ 1851 года, ничего такого не было; въ Палестинѣ давно существовалъ миръ между духовенствомъ греческимъ и римскимъ; они не вели споровъ ни о чемъ.

Однако же французское правительство нашло возможность поднять споръ. Въ 1740 года Порта заключила съ Францією конвенцію, по которой признавала за французскимъ правительствомъ право охранять интересы римской церкви въ Палестинѣ, и обязалась оставить неприкосновенными все права, которыми тогда пользовалось римское духовенство по завѣдыванію св. мѣстами. Но французское правительство не имѣло существеннаго интереса на-

блюдать за исполненіемъ этой конвенціи: вообще у католиковъ вовсе нѣтъ обычая паломничества къ св. мѣстамъ Палестинскимъ, нѣтъ его и у французовъ. Изъ французовъ посѣщаютъ Іерусалимъ только туристы, какъ посѣщаютъ Египетъ и Константинополь, не для паломничества, а изъ любознательности или для развлечения; и туристы эти очень малочисленны. Потому, конвенція 1740 была забыта и французскимъ и турецкимъ правительствами.

Между тѣмъ, съ 1740 года, могущество Россіи росло. Въ Россіи довольно распространены обычай хожденія ко св. мѣстамъ Палестинскимъ; поэтому, русское правительство было отчасти заинтересовано дѣйствовать на пользу греческой церкви въ Палестинѣ, и при удобныхъ обстоятельствахъ склоняло Порту предоставлять греческому духовенству въ Палестинѣ разныя преимущества по завѣдыванію св. мѣстами. Нѣкоторыя изъ новыхъ льготъ противорѣчили забытой конвенціи 1740 года. Но никто объ этомъ не думалъ въ теченіе долгихъ годовъ или десятковъ годовъ,—даже римское духовенство въ Палестинѣ, какъ мы говорили, перестало обижаться новыми правами греческаго, привыкло къ нимъ, и споровъ не было никакихъ.

Эта мирная уступка со стороны римскаго духовенства очень понятна: привилегіи, уступленныя Портою греческому духовенству на счетъ прежнихъ правъ римскаго, относились къ предметамъ очень второстепеннымъ. Важнѣйшее изъ правъ, утраченныхъ римскимъ духовенствомъ, было право имѣть ключъ отъ главной двери церкви Рождества въ Виледемѣ,—теперь этотъ ключъ находился у грековъ, католики могли входить въ церковь только боковыми дверями; остальные утраченныя привилегіи имѣли еще гораздо менѣе важности,—напримѣръ, право поставить серебряную звѣзду въ алтарѣ этой церкви. Ясно, что даже при сильномъ взаимномъ соперничествѣ греческое и латинское духовенство не могли серьезно поссориться изъ за такихъ вопросовъ, обѣ стороны должны были скоро предать ихъ забвенію,—и дѣйствительно, предали. Вспомнимъ, что Виледемская церковь Рождества—только одно изъ многихъ европейскихъ мѣстъ поклоненія, далеко не имѣющихъ такой важности, какъ іерусалимская церковь Гроба Господня; что и по завѣдыванію этимъ второстепеннымъ мѣстомъ поклоненія, уступка относилась лишь къ маловажной подробности, чисто формальной. И вотъ такой-то вопросъ, не имѣвшій силы возбудить непріязни даже между духовенствомъ въ Палестинѣ, былъ обращенъ новымъ французскимъ правительствомъ въ средство взволновать Европу.

Французскій посланникъ въ Константинополь, Лавалеттъ, получилъ, какъ мы видѣли, приказаніе напомнить Портѣ забытую конвенцію 1740 года и потребовать восстановленія правъ, гарантированныхъ ею римскому духовенству. Очень скоро онъ получилъ приказаніе угрожать Портѣ вооруженною силою, если его требованіе не будетъ исполнено. Для турецкаго правительства было рѣшительно все равно, которое духовенство будетъ имѣть ключъ отъ той или другой двери Виледемской церкви; но ключъ былъ отданъ греческому духовенству по желанію Россіи; возвратитъ его латинскому духовенству, которое до той поры и не претендовало на эту передачу, значило оскорбить русское правительство. Порта была въ затрудненіи, но Лавалеттъ грозилъ флотомъ и пушками; Порта уступила и вотю 9 февраля

объщала удовлетворить претензію французскаго правительства. Это общаніе было противно фирманамъ, даннымъ греческому духовенству въ Палестинѣ по желанію русскаго правительства; русскій посланникъ выразилъ неудовольствіе,—и Порта черезъ нѣсколько дней издала въ удовлетвореніе ему фирманъ, подтверждавшій прежніе фирманы о правахъ греческаго духовенства въ Палестинѣ,—то есть, нарушавшій общаніе, уже данное французскому правительству. Отъ этого трусливаго двоедушія дѣло запуталось: французскій посланникъ требовалъ исполненія общанія, даннаго нотою 9 февраля, русскій посланникъ—исполненія фирмана, изданнаго черезъ нѣсколько дней послѣ того.—Какъ было выпутаться Портѣ изъ затрудненія?—Она въ своемъ желаніи не оскорбить ни то, ни другое правительство, придумало новую хитрость. Для исполненія дѣла на мѣстѣ, она послала въ Іерусалимъ Аффифъ-Бея,—и онъ хотѣлъ уладить непріятность такимъ образомъ: объявилъ на словахъ греческому и римскому духовенству, что сохраняются привилегіи греческаго духовенства, но скрылъ фирманъ и не согласился обнародовать его по требованію представителей Россіи въ Палестинѣ. Потомъ, молча, ключъ отъ главныхъ дверей Вилеємской церкви былъ отданъ римскому духовенству и дано ему позволеніе поставить серебряную звѣзду въ ея алтарѣ. Такимъ образомъ, на словахъ Порта, польстила греческому духовенству въ Палестинѣ, на дѣлѣ исполнила требованія Франціи. Черезъ это, русское правительство было поставлено въ споръ съ Турціею и Франціею, турецкое правительство—въ непріятное положеніе между противоположными требованіями французскаго и русскаго *).

Шли споры между французскимъ и русскимъ правительствами черезъ турецкое; турецкое, запугиваемое французскимъ, постоянно поддавалось ему,—русское правительство постепенно было доведено до сильнаго негодованія, и русскій императоръ приказалъ 5-му корпусу придвинуться къ турецкимъ границамъ, 4-му корпусу быть въ готовности идти также на югъ.

Эти движенія войскъ показались Западной Европѣ довольно опасными,—чтобы понять, въ чемъ она видѣла опасность, надобно ближе познакомиться

*) Если бы мы не видѣли настоящаго мотива, двигавшаго ходомъ событій, мы могли бы вообразить, что во всей бѣдѣ виновато трусливое двоедушіе Порты. Дѣйствительно, эта ошибка Порты много помогла успѣху замысла французскаго правительства. Если бы Порта твердо сказала Лавалетту: «Конвенція была забыта самою Франціею; фирманъ новѣе ея; мы не хотимъ ссориться съ Россіею; для насъ все равно какому изъ христіанскихъ духовенствъ владѣть ключами,—ведите переговоры съ Россіею,—на чемъ Вы поладите съ нею, такъ мы и сдѣлаемъ» — если бы Порта отвѣчала въ этомъ духѣ, во всей вѣроятности дѣло изъ-за конвенціи 1740 года было бы брошено Франціею. Такъ; но это не избавляло ни стъ чего ни Порту, ни Россію, ни Европу. Французскому правительству надобно было поднять шумъ изъ-за чего бы то ни было; оно разсудило,—и очень разсчетливо, какъ увидимъ ниже, что выгоднѣе всего для него поднять шумъ по такъ называемому восточному вопросу, и поднять его въ такомъ видѣ, чтобы Турція поссорилась съ Россіею. Придиркою къ этому была взята конвенція 1740 года; но если бы Турція своею прямою и честностью отдѣлалась отъ этой придирки, нашлись бы другія,—всякая драка между какими нибудь русскимъ и какимъ нибудь французскимъ пьяными матросами могла бы послужить такимъ же предлогомъ вынуждать Порту къ дѣйствіямъ, оскорбительнымъ для Россіи.

съ понятіями Западной Европы о чувствахъ русскаго народа и намѣреніяхъ русскаго правительства по такъ называемому „восточному вопросу“. Читатель и безъ помощи длинныхъ примѣчаній можетъ разобрать, насколько правды въ этихъ понятіяхъ, насколько въ нихъ преувеличенія, уже похожаго на пустяки, и насколько совершеннаго вздора. Но все-таки я въ нѣкоторыхъ случаяхъ буду дѣлать оговорки, чтобы видно было зачѣмъ я привожу изложеніе Кинглека: оно кажется мнѣ важно не потому, что я вижу въ немъ совершенно точное изложеніе дѣйствительныхъ стремленій русскаго народа и политики русскаго правительства, а только потому, что не зная этого взгляда Западной Европы на „восточный вопросъ“, нельзя понять, какимъ образомъ успѣло французское правительство надѣлать столько бѣдъ самой Франціи, Англіи, Турціи, Сардиніи, Австріи, не только Россіи, — нельзя понять и разсчета, по которому именно восточный вопросъ былъ выбранъ французскимъ правительствомъ для поднятія необходимаго ему шума. Итакъ, опять начинаю дѣлать извлеченіе изъ Кинглека.

«Люди, живущіе въ снѣгахъ Россіи, отъ природы расположены чувствовать склонность захвата, когда слышатъ о болѣе счастливыхъ земляхъ, гдѣ круглый годъ цвѣтутъ розы и сияетъ теплое солнце» (36). «А съ той поры, какъ русская нація при-

36) Съ чего это взято? Житель Архангельской или Олонеккой губерніи не хочетъ переселяться въ Херсонскую или Самарскую, своя родная мѣстность, какова бы ни была, гораздо милѣе ему. Кто въ русскомъ народѣ имѣлъ когда (послѣ—временъ Святослава, хотѣвшаго, дѣйствительно, переселяться изъ Кіева на Дунай) влеченіе идти изъ предѣловъ Россіи жить дальше на югъ? — Мы завоевывали южныя степи, потому что принуждены были взять ихъ подъ свою власть для обузданія набѣговъ дикихъ татарскихъ ордъ на нашу старую землю. Но это было дѣломъ тяжелой для насъ необходимости, а не слѣдствіемъ несуществовавшаго въ насъ влеченія на югъ. Съ самаго начала русской исторіи русское племя, — когда и насколько шло куда нибудь изъ родной мѣстности, — шло на сѣверо-востокъ, а не на югъ. Причина ясна: у насъ привычки сѣверныхъ жителей; южный климатъ намъ не привыченъ, и съ непривычки, кажется даже хуже нашего, тяжелъ. Въ нашемъ не только простомъ, но и среднемъ классѣ до сихъ поръ остается (напримѣръ) твердое мнѣніе, что Закавказье — страна неприятная и убійственная по климату. Паломники, побывавшіе въ Константинополѣ, съ удовольствіемъ вспоминая дешевизну винограда и другихъ фруктовъ, всегда прибавляютъ, что, однако же, русскому человѣку невозможно жить тамъ: слишкомъ душно, зной изнурителенъ и повергаетъ въ болѣзнь. Дѣло не въ томъ, основательно ли мнѣніе русскаго народа о климатѣ южныхъ земель, а въ томъ, что оно именно таково. Но точно также дѣло и не въ томъ, что Западная Европа ошибается, предполагая въ насъ несуществующее въ насъ влеченіе на югъ, а въ томъ, что она предполагаетъ его, и на этомъ строитъ свои соображенія, и по этимъ соображеніямъ готова дѣйствовать въ случаѣ — дѣйствительной или мнимой — надобности. Такъ и случилось на общую бѣду

нашу и цѣлой половины Западной Европы въ 1853—1855. Большая часть международных бѣдъ происходитъ точно такъ же, какъ эта, оттого, что народы слишкомъ мало знаютъ другъ друга.

обрѣла берегъ и гавани на Черномъ морѣ, она прннуждена постоянно думать о завладѣніи проливами, ведущими черезъ средину Турецкой имперіи въ Средиземное море (37).

37) Болѣе или менѣе дальновидные государственные люди на Западѣ и у насъ могли находить, что владѣніе Черноморскимъ берегомъ возбуждаетъ мысль о завладѣніи Босфоромъ и Дарданеллами; но русская нація была столь же чужда этой мысли, какъ итальянцы или греки мысли овладѣть Гибралтаромъ, который относительно ихъ прибрежнаго моря то же самое, что Босфоръ и Дарданеллы относительно Чернаго. Это различіе дальновиднаго желанія одинхъ, дальновиднаго опасенія другихъ правителей отъ національнаго стремленія важно сдѣлать здѣсь потому, что ниже мы увидимъ, какая важная и вредная ошибка была сдѣлана англійскою націею изъ-за того, что она, подобно Кинглеку, смѣшивала эти двѣ совершенно разнородныхъ вещи. Русская нація имѣла на Черномъ морѣ только одинъ интересъ—торговой; а для черноморской торговли рѣшительно не нужно владѣніе выводящими въ Средиземное море проливами, какъ ни нужно ни Россіи, ни Пруссіи для ихъ балтійской торговли владѣніе проливами, ведущими изъ Балтійскаго моря въ Нѣмецкое. Для торговли нуженъ миръ; при немъ, кто бы ни владѣлъ проливами, торговля идетъ; безъ него, кто бы ни владѣлъ проливами, торговля прекращается. Насколько русскіе интересовались своею черноморскою торговлею, настолько они желали мира съ Турціею, — это очень понятно; но англичане тогда забыли это, и въ этой забывчивости поддались внушеніямъ французскаго правительства, на бѣду себѣ, французамъ и намъ. Мы увидимъ, что ихъ ошибка произошла отъ предположенія, которое повторяетъ здѣсь Кинглекъ,—будто вся русская нація имѣла желаніе овладѣть Босфоромъ и Дарданеллами, и будто это стремленіе было такъ сильно, что русское правительство не могло устоять противъ пламеннаго желанія націи.

Русская аристократія также была проникнута этимъ стремленіемъ. Она издавна любить заниматься дѣлами внѣшней политики, и русское правительство, благопріятствуя этой склонности, увеличивало число дипломатическихъ занятій. Почти всякій даровитый и просвѣщенный русскій, отправлявшійся путешествовать за границу, получалъ какія нибудь дипломатическія порученія и вѣхалъ съ увѣренностью, что онъ ѣдетъ служить государству (38), что соприаніемъ свѣдѣній или другимъ, еще болѣе

38) Удивительное преувеличеніе. Дипломатическая служба конечно считалась у насъ одною изъ почетныхъ,—но военная всегда считалась самою почетною, и на одного человѣка хорошей фамиліи, посвящавшаго себя дипломатіи, навѣрное всегда приходилось у насъ 50 человѣкъ такпхъ фамилій, шедшихъ по другимъ отраслямъ гражданской службы безъ всякихъ заботъ объ иностранной политикѣ, и 100 человѣкъ, шедшихъ по военной службѣ—у насъ есть обычай, что если служащему человѣку надобно или хочется съѣздить куда нибудь по своимъ дѣламъ или для развлеченія, онъ старается, для формы, достать какую нибудь командировку,—чтобы не считаться въ

отпуску, чтобы формуляръ не пестрилъ отпусками, чтобы время не пропадало для счета службы. Кто имѣеть связи, почти всегда — если хочеть — получаетъ такое порученіе, отправляясь отдыхать въ свою деревню на лѣто. Командировка состоитъ только въ формѣ, безъ всякаго дѣйствительнаго порученія, — иначе, онъ и не взялъ бы ее. Очень возможно, что многіе, по знакомству, получали такую же формальную командировку и когда ѣзжали отдохнуть въ Парижъ или Бадень-Бадень. А западные наблюдатели, не зная нашего обычая, воображали, будто эти туристы дѣйствительно ѣзжаютъ съ порученіями и инструкціями, и приписывали важность формѣ, основанной лишь на правилѣ обозначать въ формулярныхъ спискахъ время отпусковъ вычетомъ изъ дѣйствительной службы. Вотъ изъ-за какихъ вещей могутъ иногда возникать недоразумѣнія и подозрѣнія у одной націи противъ другой. Намъ очень легко смѣяться надъ Кинглекомъ и англичанами, читая соображенія, важно излагаемые имъ; но вспомнимъ, что у насъ самихъ точно такія же дикія понятія объ англичанахъ, французахъ, нѣмцахъ. Будемъ менѣе сообразительны и болѣе заботиться о приобрѣтеніи дѣйствительныхъ свѣдѣній, — тогда будетъ спокойнѣе и для насъ и для другихъ. И изъ-за такихъ то вещей погубило болѣе милліона людей, разорены милліоны людей и въ Англии, и у насъ, и во Франціи — урокъ хороший. И масса образованныхъ русскихъ тутъ отличалась не хуже англичанъ своею сообразительностью, какъ увидимъ ниже: если англичане очень умно сообразили, что мы — изверги, враги рода человѣческаго, то и мы, образованные русскіе, сообразили то же самое объ англичанахъ. При такой догадливости можно ли было не начать англичанамъ и намъ угощать другъ друга ядрами, бомбами, картечью, пулями и палашами, въ удовольствіе г. Морни и г. Персины.

прямымъ содѣйствіемъ. Исполняя порученія, люди эти естественно становились приверженцами политики, болѣе предпримчивой, чѣмъ открытая политика ихъ правительства, и результатомъ этого было, что стремленіе овладѣть землями на югъ отъ Россіи, вложенное самою природою въ русскую націю, было поддерживаемо и развиваемо русскою аристократіею (39).

(39). Безъ сомнѣнія, результатъ долженъ былъ быть таковъ, если было то, что воображаетъ о насъ Кинглекъ, заодно со своими соотечественниками и остальными европейцами; но вѣдь въ томъ то и сила, что не было ничего такого, что они воображали. А изъ этой празднофантазіи, — подобно многимъ нашимъ фантазіямъ (напримѣръ: англичане — сухіе эгоисты; французы — народъ легкомысленный; нѣмцы — теоретики; испанцы — фанатики, и проч.) — изъ за этой празднофантазіи вышелъ тотъ результатъ, что пролились рѣки крови и расточены были нашими тогдашними неприятелими и нами двѣ, если не три или не больше тысячи милліоновъ рублей.

Честолюбивое стремленіе правителей (40) и аристократіи усиливалось набожнымъ

(40). Вотъ, уже „правители“ вмѣсто „нація“ — Кинглекъ самъ не видитъ, что разсуждаетъ вовсе не о томъ, что выходитъ у него теперь. Но мы увидимъ, что онъ же самъ опять говоритъ потомъ: нѣтъ честолюбіе было

не въ правителяхъ русской націи, а въ ней самой. Эта путаница очень понятна. Фантазія всегда бываетъ сбивчива.

желаніемъ престололюдиновъ. Около 50 миллионѣвъ людей въ Россіи исповѣдуютъ одну вѣру и исповѣдуютъ ее съ горячностью, какаѣ уже давно не существуетъ въ Западной Европѣ (41). Всѣ войны, которыя приходилось вести русскимъ, были войны

(41). Это также любопытная мысль: мы привыкли думать, что въ насъ, въ русскомъ народѣ, гораздо меньше религіознаго фанатизма, чѣмъ въ западныхъ народахъ; справедлива ли такая сравнительная наша оцѣнка, я не знаю; но по всей вѣроятности мы не очень далеки отъ истины, думая, что мы, русскіе, народъ, очень мало расположенный быть нетерпимымъ къ ино-вѣрцамъ. Однако же, Западная Европа думаетъ иначе, — и посмотрите, какими убѣдительными фактами Кинглекъ подкрѣпляетъ мнѣніе о насъ, что въ насъ, русскихъ, еще существуетъ фанатизмъ, какой Западная Европа знала только въ средніе вѣка. Факты его такъ сильны, что если бы рѣчь шла не о насъ самихъ, мы не могли бы не согласиться, что выводъ вполне доказанъ. Это дѣйствительно любопытно. Дѣло извѣстно намъ по непосредственному ежедневному опыту, — и мы видимъ, что выводъ несообразенъ съ дѣйствительностью. Но согласимся же, что Западной Европѣ извинительно было ошибиться въ этомъ вопросѣ, если можно когда нибудь признать извинительность ошибки, несообразной съ здравымъ смысломъ; если же такія ошибки неизвинительны, то продолженіе разсужденій и разсказа Кинглека покажетъ намъ, что и русское общество дѣлало въ это время ошибки, такія же грубыя.

съ ино-вѣрцами (42); два раза, если не больше, русская національная жизнь совер-

(42). Правда, мы, какъ нація, не вели ни одной національной войны съ православными, послѣ временъ Ярославъ; да и междуособія кончились уже очень давно; до Іоанна III мы и много дрались между собою, но эти драки были маловажны сравнительно съ войнами противъ другихъ народовъ, европейскіхъ и азіатскіхъ, которыя всѣ были не нашей вѣры; а съ Іоанна III мы исключительно воевали только противъ ино-вѣрцевъ; даже смуты временъ самозванцевъ казались намъ тогда войною, затѣяною противъ насъ ино-вѣрцами, для обращенія насъ въ католическую вѣру.

шенно погибавшая, была спасаема воинственною ревностью русскаго духовенства (43).

(43). У всѣхъ русскихъ историковъ написано и доказано это. Въ первый разъ, русская церковь спасла нашу народность при татарскомъ игѣ; во второй разъ, возстановила русское царство, погибавшее при самозванцахъ. Кинглекъ знаетъ русскую исторію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ единодушно представляютъ ее всѣ наши историки, отъ Карамзина до г. Соловьева и даже болѣе новыхъ, чѣмъ г. Соловьевъ.

По этимъ причинамъ, любовь къ отечеству и усердіе къ православію слились у русскихъ въ одно всеобъемлющее чувство, такъ что они не могутъ отдѣлять патриотизма

отъ православія; и хотя они по природѣ народъ добрый и кроткій, но когда дѣло коснется ихъ вѣры, они пылки. Они слышали о невѣрныхъ, сломавшихъ кресты съ церквей Христовыхъ, овладѣвшихъ великимъ городомъ, столицею православія (44) и

(44). То есть Константинополь,—слышали, но далеко не всѣ: большинство русскихъ и до сихъ поръ не знаетъ, что существуетъ на свѣтѣ Константинополь или хоть Царьградъ, имя болѣе знакомое; а изъ меньшинства, слышавшаго имя „Царьградъ“, чуть ли не большая половина едва ли не воображаетъ, что это сказочный городъ, котораго нѣтъ на свѣтѣ. А „столица православія“ русскихъ скорѣе всего—Кіевъ, или Москва. Между этими двумя городами выборъ труденъ; впрочемъ, одни больше уважаютъ Москву, другіе Кіевъ; но никто не поставитъ въ сравненіе съ ними какой-то невѣдомый Царьградъ.

насколько они могли судить, они полагали, что было бы дѣломъ богоугоднымъ, съ дозволенія царя, истребить и искоренить турокъ (45). Но этого мало. Русскіе знали, что

(45). Когда турки воюютъ съ русскими, русскіе дѣйствительно восхищаются, слыша отъ возвращающихся солдатъ рассказы о нашихъ побѣдахъ. Всякому народу пріятно слышать о своихъ побѣдахъ надъ врагами, какими бы то ни было. Но насколько русскіе простолюдины имѣютъ понятіе о туркахъ, они воображаютъ ихъ людьми необыкновенно солидной честности, говорятъ: „вотъ, они невѣрные, а въ нихъ больше правды, чѣмъ въ насъ“, выставляютъ ихъ за это другъ другу примѣромъ подражанія и вообще очень уважаютъ. Это извѣстно всякому, слушавшему бесѣды простолюдиновъ или читавшему книжонки, составляющія литературу грамотной части ихъ.

въ турецкихъ владѣніяхъ находятся 14—15 милліоновъ людей, исповѣдующихъ ту же вѣру, какъ русскіе, находящихся въ порабощеніи у мусульманъ, и слышали рассказы о страдающихъ этихъ братьевъ своихъ, — рассказы, вопіющіе объ отмщеніи (46). Рус-

(46). Русскіе слыхивали объ этомъ ровно столько же, сколько объ Америкѣ. Образованное общество имѣетъ кое-какое понятіе о сербахъ, болгаряхъ, какъ и о чехахъ и лужичанахъ. Но вѣдь Кинглекъ тутъ говоритъ о массѣ простолюдиновъ. Она знаетъ только, что гдѣ то въ земляхъ турецкаго султана есть Аѳонскій монастырь, и что въ немъ живутъ греки, и что этимъ греческимъ монахамъ дана отъ ихъ царя всякая воля.

скій народъ не могъ представить себѣ предпріятія, дѣлающаго болѣе чести ему и его церкви, чѣмъ поднять знамя креста, изгнать невѣрныхъ изъ Европы и соединить съ «святою Русью» обширныя провинціи, въ которыхъ живутъ и страдаютъ его братья (47). Правда, что русскіе поселяне—народъ непредпріимчивый, и что очень трудно

(47). Когда уже шла война на Дунаѣ, и въ особенности, когда союзный флотъ явился у Кронштадта, большинство образованнаго русскаго общества,—какъ и всегда бываетъ съ большинствомъ образованнаго общества всякой честной и немалодушной націи въ подобныхъ обстоятельствахъ, прониклось воинственностью; г-жа Павлова, г. А. Майковъ и даже истинный

поэтъ г. Тютчевъ стали писать стихи въ томъ духѣ, какой Кинглекъ предполагаетъ постоянно существовавшимъ въ массѣ русской націи; но эти стихи были не для народа, остались неизвѣстны ему; а публика, тогда хвалившая ихъ, не думала ни о чемъ подобномъ до начала войны, точно такъ же, какъ и сами авторы стиховъ не занимались тогда подобными сочиненіями.

встрѣтить между ними человѣка, который по доброй волѣ пошелъ бы въ крестовосцы,—всякій предпочелъ бы остаться въ своемъ селѣ. Но народъ зналъ, что и въ мирное, и въ военное время одинаково бываютъ рекрутскіе наборы; одинаково берутся подати на содержаніе арміи; потому онъ желалъ въ простотѣ сердца, чтобы ужъ если такъ, то пусть по крайней мѣрѣ армія будетъ обращена на дѣло, казавшееся ему святымъ и правымъ (48). Эти желанія были освящены голосомъ предсказавій: прори-

(48). Нѣтъ, народъ зналъ вовсе не то: онъ зналъ, что въ военное время рекрутскіе наборы бываютъ чаще и въ увеличенномъ размѣрѣ, что села и деревни бѣднѣютъ отъ войны, хотя бы она шла далеко отъ нихъ,—что война всегда бываетъ тяжела мужикамъ, какъ и всѣмъ; поэтому народъ желалъ сохраненія мира,—ниже мы увидимъ, что и русское правительство желало того же. Правительство было огорчено, когда увидѣло, что не можетъ избѣжать войны съ Англією и Францією,—оно съ самаго начала видѣло, что турки—не больше, какъ авангардъ союзной арміи; народъ застоналъ, когда услышалъ: „началась война“. Въ чувствахъ, съ которыми смотрѣлъ на войну, народъ былъ согласенъ съ правительствомъ,—разница была только въ нѣкоторыхъ изъ мотивовъ одинаковаго прискорбія и въ способѣ его выраженія.

патери даво предвозвѣщали, что турецкое царство будетъ сокрушено русоволосыми людьми (49).

(49). Эти предсказанія дѣйствительно приводятся въ книгахъ г. Муравьева, извѣстнаго путешественника ко св. мѣстамъ. Но книги его неизвѣстны народу; духовенство вообще всегда находило ихъ книгами, написанными съ незнаемъ дѣла, исполненными грубыхъ бшибокъ противъ православія,—ошибокъ, очень натуральныхъ у человѣка, не имѣющаго понятія о предметѣ, за который берется. Это мнѣніе духовенства я могу засвидѣтельствовать, потому что выросъ въ кругу духовенства. Подобныя книги читаются только людьми, которыхъ большинство нашихъ епископовъ и священниковъ считаетъ,—и справедливо,—пустыми людьми, только прикидывающимися за усердныхъ къ церкви, а въ самомъ дѣлѣ бесполезѣйшимъ для нея изъ всѣхъ ея сыновъ и дочерей. Народъ не имѣетъ ничего общаго съ этою частью публики, состоящею преимущественно изъ праздныхъ вдовыхъ и бездѣтныхъ пожилыхъ барынь и праздныхъ отставныхъ чиновниковъ пожилыхъ лѣтъ. Это классъ, не имѣющій никакого значенія ни въ правительствѣ, ни въ администраціи, ни въ церкви, ни въ образованномъ обществѣ, ни въ національной массѣ.

Но какъ ни сильно было въ своей коллективной силѣ это задушевное желаніе цѣлой націи (50), оно оставалось бы смутно и неопредѣленно, если бы не нашло цѣ-

(50). То есть націи, выдуманной Западною Европою съ тою же основательностью, съ какою нами выдумана легкомысленная французская или без-

душно-разсчетливая англійская нація, какъ честь изобрѣтенія такой французской націи мы раздѣляемъ съ англичанами, нѣмцами и проч.,—такъ англійской націи—съ французами, нѣмцами и проч., такъ честь изобрѣтенія такой русской націи англичане раздѣляютъ съ французами, нѣмцами и проч.

люю себѣ какого нибудь знаменитаго города и символа, на который могли бы устремляться взоры массы. И городъ, и символъ давно были найдены: городъ—это былъ Царьградъ, нѣкогда столица вселенной; символъ—это былъ крестъ, видѣнный имъ на небесахъ основателемъ Царьграда,—видѣнный имъ на небесахъ, осѣненный небесною надписью: «этимъ знаменіемъ ты побѣдишь» (51). Люди, смотрѣвшіе на дѣло

(51). Все это прекрасно; но не дурно также вспомнить, что русскій народъ ровно ничего не зналъ объ этомъ видѣніи Императора, основавшаго Царьградъ; какія мнѣнія имѣлъ онъ о самомъ Царьградѣ,—насколько имѣлъ о немъ какое нибудь мнѣніе,—мы уже говорили.

съ политической точки зрѣнія, видѣли мысь Золотой Рогъ, владычествующій надъ Босфоромъ и Дарданеллами, залогъ богатства и могущества для государства. На горизонтѣ набожной толпы возвышался куполь Св. Софіи (52).

(52). Видъ его на горизонтѣ набожной толпы конечно будетъ еще эффектнѣе, если мы сообразимъ, что она и не слыхивала о существованіи церкви св. Софіи въ Царьградѣ. О св. Софіи писалъ г. Муравьевъ; но его книги написаны съ такимъ мудреннымъ краснорѣчіемъ, что народъ ровно ничего не понималъ бы, если бы и читалъ ихъ; а даже и грамотная часть народа не могла познакомиться съ этими книгами,—между прочимъ ужъ и потому, что цѣна имъ была не по карману народу.

Такимъ образомъ, стремленіе набожности придавало силу честолюбію государственнѣе людей. Императоръ Александръ I, когда противился этому стремленію русскаго честолюбія, сознавался, что «онъ единственный человѣкъ въ Россіи, противоборствующій желанію русскіихъ воевать съ турками» (53).

(53). Императоръ Александръ I дѣйствительно сказалъ это, и сказалъ справедливо, только слова его относились къ обстоятельствамъ, совершенно не тѣмъ, къ какимъ Кинглекъ по примѣру большинства ораторовъ и публицистовъ Западной Европы вздумалъ примѣнить ихъ, спутавши факты, совершенно разнородные. Геройская борьба грековъ противъ турокъ возбуждала сочувствіе всѣхъ благородныхъ людей въ Европѣ,—и въ Англии, и во Франціи (вспомнилъ Байрона). Образованные русскіе, узнавъ о ней и о ея благородствѣ изъ европейскихъ книгъ и газетъ, тоже одушевились сочувствіемъ къ подвигамъ и страданіямъ героевъ и героинь, мучениковъ и мученицъ,—и, на примѣръ, даже смиренный Гнѣдичъ, авторъ идилліи „Рыбаки“, написалъ знаменитый гимнъ вождя, зовущаго своихъ соотечественниковъ на войну:

Къ оружію, о греки, къ бою!
Впередъ, за правыхъ Богъ!
И пусть тирановъ кровь рѣкою
Течетъ у вашихъ ногъ!

Безъ всякаго сомнѣнія, императоръ Александръ плакалъ отъ глубокаго сочувствія этому гимну; по всей вѣроятности, и самъ Гнѣдичъ, знаменитый мастеръ читать стихи, читалъ Государю этотъ гимнъ; а положительный фактъ то, что императоръ очень сочувствовалъ грекамъ. Но по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ, онъ находилъ, — подобно тогдашнимъ правительствамъ всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ державъ, что не должно начинать войны съ Турціею для помощи грекамъ. Онъ боролся тутъ не съ желаніемъ массы русскаго простонародья, которая не слыхивала о Байронѣ, не читала ни Гнѣдича, ни газетъ, — онъ боролся съ желаніемъ русскаго образованнаго общества, съ просьбами всѣхъ благородныхъ людей Западной Европы, умолявшихъ его вступить за грековъ, а главное, съ влеченіемъ собственнаго сердца, желавшаго помочь несчастнымъ героямъ. Тутъ нѣтъ ровно ничего, относящагося къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь у Кинглека.

Царь былъ глава церкви. Ему необходимо было исполнять обязанности, возлагаемыя на него этимъ положеніемъ. Религіозное чувство націи было бы опаснымъ образомъ оскорблено, если бы духовенство принуждено было сознаться, что царь не раздѣляетъ набожнаго желанія націи (54). Но каковъ же будетъ результатъ, если осуществится

(54) Это можно уже было бы оставить даже и безъ замѣчаній. Каждый изъ насъ помнитъ, что русское духовенство столько же участвовало въ возбужденіи войны съ Турціею, сколько въ парижскихъ событіяхъ 2 декабря. Но вотъ, попробуйте же скоро переубѣдить людей, набившихъ себѣ голову соображеніями, лежащими на бумагу очень складно, и грѣшащими только однимъ недостаткомъ — незнакомствомъ съ дѣйствительною жизнью русской націи. Но книжныхъ свѣдѣній о ней у Кинглека — очень много. — Вѣроятно, лишь меньшинство изъ русскнхъ читателей имѣетъ о своемъ отечествѣ столько историческихъ, статистическихъ, географическихъ знаній, какъ онъ. Прибавимъ: натурально и простительно, что онъ раздѣляетъ грубыя ошибки, издавна повторяемыя въ книгахъ; онъ не жилъ среди насъ. Но странно видѣть русскнхъ, которые разсуждаютъ, хотъ и не въ такомъ же удивительномъ духѣ, какъ онъ, о жизни своего отечества. Перечитайте то, что писалось у насъ о Крымской войнѣ: большая часть написана также фантастично. Впрочемъ, пора прекратить замѣчанія: читатель уже самъ легко продолжитъ замѣчать ошибки Кинглека по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ встрѣчаться, потому что ошибки эти будутъ лишь повтореніемъ или развитіемъ основныхъ, уже отмѣченныхъ нами.

стремленіе русской націи овладѣть Константинополемъ?—русскіе сами смущались этимъ вопросомъ. Присоединеніе Европейской Турціи къ владѣніямъ царя очевидно влекло за собою распаденіе организма русской имперіи. Явно было, что невозможно было бы управлять Россіею правительству, переселившемуся на Босфоръ; а по самому положенію своему Константинополь необходимо долженъ быть столицею государства, въ составъ котораго входитъ. Потому, если бы онъ сталъ владѣніемъ русскаго императора, то надобно было полагать, что русская правительственная власть перенесется туда, и Царьградъ сдѣлается столицею новаго государства, а не будетъ провинціальнымъ городомъ прежняго русскаго царства. Русскіе государственные люди всегда предвидѣли, что завладѣніе Константинополемъ повело бы къ очень большому перемѣнамъ

во всемъ; а, надобно полагать, что это соображеніе подкрѣпляло собою тѣ причины нежеланія завоеванія Царьграда, которыя находили они въ матеріальной трудности похода на него, въ упрямой храбрости турокъ, въ неудовольствіи, которое стали бы питать за подобное предпріятіе остальныя великія державы. Но все-таки, добыча была такъ заманчива для аристократіи, одушевленной національнымъ честолюбіемъ, и для народа, пламеннѣющаго релігиознымъ чувствомъ, что русскому царю необходимо казалось дѣлать видъ, будто онъ постоянно думаетъ объ осуществленіи завоевательной мысли, столь драгоцѣнной для націи. Она почла бы его плохимъ ревнителемъ вѣры, если бы нашла, что онъ не хочетъ стараться о возстановленіи креста на поруганной мусульманами церкви Св. Софіи царьградской; онъ охладилъ бы преданность престолу въ лучшихъ своихъ сановникахъ, если бы ничего не дѣлалъ для подготовки завладѣнія Босфоромъ.

Изъ этой разнохарактерности побужденій и соображеній, управлявшихъ русскою политикою, происходилъ тотъ общій результатъ, что въ русскихъ императорахъ была честолюбивая мысль овладѣть Константинополемъ, что она постоянно была жива и бдительна, по временамъ дѣятельна, но всегда—нерѣшительна. Въ началѣ нынѣшняго вѣка Наполеонъ I сказалъ: Россія такъ давно угрожаетъ Константинополю и не беречь его, что пора перестать ждать, что она возьметъ его—*la Russie a trop menacé Constantinople sans le prendre*; его слова очень долго оставались истиною, которая уже давно существовала, когда они были произнесены: на цѣлые полвѣка послѣ того, русская политика продолжала соответствовать характеристикѣ, которую онъ далъ ей ими. Царямъ была очевидная надобность въ томъ, чтобы русская нація полагала, что они постоянно подбираются къ овладѣнію Константинополемъ, но побужденія, заставлявшія отложить это дѣло, постоянно перевѣшивали. Мысли русскихъ царей по этому дѣлу были переменныя. Имъ и хотѣлось, и не хотѣлось приниматься за него; эта борьба мыслей заставляла ихъ колебаться. Передъ русскими, они, натурально выставляли честолюбивую сторону своихъ желаній; передъ Европою, тоже натурально, болѣе выставляли расчеты благоразумія, удерживавшіе ихъ отъ завоеванія: эта двойственность, судя по всему, была не слѣдствіемъ желанія обманывать, а слѣдствіемъ нерѣшительности. Завоеваніе Константинополя было проектомъ, исполненіе котораго постоянно отлагалось, но который самъ не былъ вовсе покидаемъ.—Честолюбіе при подобной нерѣшительности получаетъ сильное ободреніе къ дѣйствию, когда устраивается какое нибудь изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ ему; главнымъ препятствіемъ ему было опасеніе, что великія европейскія державы вступятъ въ союзъ противъ Россіи, если она вздумаетъ приводить свою мысль въ исполненіе. Когда такой союзъ кажется невозможнымъ, Россія дѣйствуетъ рѣшительнѣе.

Императоръ Николай былъ правителемъ съ неограниченною властью, человѣкъ настойчиваго характера. Мысли его были очень постоянны: онъ такъ усердно занимался дѣлами, что министры постепенно стали только секретарями, исполнявшими его рѣшенія, и онъ гордился тѣмъ, что самъ ведетъ всѣ важныя дѣла, что въ немъ по одному имени, а дѣйствительно сосредоточивается правительственная власть. Онъ гордился и тѣмъ, что онъ истинно національный царь. Онъ любилъ быть правдивымъ и говорилъ, что по попятіямъ и чести онъ «джентельменъ»—онъ любилъ употреблять это выраженіе и европейскіе дипломаты привыкли полагаться на его слово.

Но его дѣйствія по восточному вопросу съ начала 1853 года показались Европѣ несоответствующими прежнему характеру его политики. Иногда онъ говорилъ съ откровенностью, отнимавшею всякое подозрѣніе у самыхъ педовѣрчивыхъ правителей; потому онъ дѣлалъ совершенно не то, что говорилъ съ такою прямою. Это казалось хитростью; но хитрость эта высказывалась въ вещахъ, не имѣвшихъ обдуманности, въ дѣйствіяхъ нерасчетливыхъ. Такимъ увидѣла его Европа въ 1853 и 1854 годахъ, по дѣлу о восточномъ вопросѣ; но она увидѣла это ужь поздно, а когда рѣшалось дѣло, въ началѣ 1853 года она считала его такимъ, какимъ привыкла знать: человѣкомъ твердымъ и правдивымъ, человѣкомъ мужественнымъ и гордымъ, который не могъ унизиться до жи (55).

(55) Читатель увидитъ, что лжи и не было, что Русскій императоръ и въ 1853—1854 году оставался такимъ же человѣкомъ, какимъ былъ прежде, что дѣло объясняется обстоятельствами, устраняющими всякую надобность предполагать перемену въ немъ: онъ только встрѣтилъ своими противниками людей, какихъ еще не бывало между европейскими правителями его времени, — людей, у которыхъ не было никакихъ правилъ и никакихъ убѣжденій и никакихъ цѣлей, кромѣ злонамѣреннаго интриганства. Онъ не понялъ съ перваго раза, что за господа элизейскіе компаніоны, которые захватили власть во Франціи, какъ не поняли тогда этого и англійскіе правители—ни Абердинъ, ни Россель, ни даже Пальмерстонъ, вообразившій, что понялъ ихъ, ни самъ Ратклиффъ Стратфордъ, которымъ безусловно восхищается Кинглекъ: всѣ надѣлали ошибокъ, потому что не догадались съ перваго раза, что имѣютъ противниками (нашъ государь) и товарищами (англичапе) людей, у которыхъ только одна цѣль—одинаково обманывать всѣхъ безъ разбора, и одинъ принципъ: безъ всякаго колебанія губить милліоны людей, если можно черезъ это имъ самимъ добыть нѣсколько милліоновъ франковъ. Не понять такихъ людей съ перваго раза—ошибка страшная; но въ ней были виноваты почти всѣ правители и другихъ великихъ державъ, и особенно неизвинительна была она англичанамъ, которыхъ и не щадитъ Кинглекъ: мы увидимъ, что онъ винитъ своихъ соотечественниковъ гораздо больше, чѣмъ русскаго императора.

Императоръ Николай былъ человѣкъ рѣзкаго характера, любилъ заниматься войскомъ и былъ неутомимымъ генераль-инспекторомъ своей арміи; но онъ не любилъ войны. Онъ не былъ чуждъ стремленіямъ своей націи по турецкому вопросу; но въ тогдашнее время (1852—1853) онъ давно уже не думалъ воевать съ нею. Онъ воевалъ съ нею вскорѣ по своемъ воцареніи. Но опытъ этой войны не понравился ему: она была очень тяжела для войска, сильно страдавшаго отъ болѣзней и недостатка; и хоть у султана еще не было тогда новой арміи послѣ уничтоженія старой янычарской, походъ былъ затруднителенъ для русскихъ. Дибичъ успѣлъ кончить войну блистательнымъ образомъ; но императоръ Николай все-таки увидѣлъ, что завоевать Турцію безъ содѣйствія или одобренія другихъ великихъ державъ—дѣло слишкомъ тяжелое, оставилъ эту мысль, если имѣлъ ее прежде.—Но онъ зналъ, что гордость его націи будетъ глубоко оскорблена, если турецкая имперія распадется безъ участія Россіи и безъ выгоды для стремленія русской націи войти въ Константинополь. Потому, видя, что при существующихъ обстоятельствахъ русскіе не могутъ овладѣть Константинополемъ, онъ рѣшилъ, что долженъ, въ ожиданіи выгоднѣйшаго для него времени, охранять турецкую имперію отъ распадешя. Болѣе 20 лѣтъ и дѣйствія, и слова его соотвѣтствовали этому принципу, который вовсе и не былъ только маскою. Предполагая, что когда нибудь Турція можетъ достаться въ добычу Россіи, императоръ Николай считалъ полезнымъ сохранять ее въ цѣлости для будущей выгоды Россіи. Въ 1833, онъ спасъ султана и его династію отъ гибели, остановивъ побѣдоносную армію паши египетскаго.—Въ 1840, онъ также показалъ себя вѣрнымъ покровителемъ султана, искренно соединившись съ Англіею и нѣмецкими великими державами для предотвращенія погябели, которою вновь угрожалъ Турціи Мехметъ-Али.

Въ 1844, русскій царь былъ въ Англіи и внимательно всматривался, не найдетъ ли между нашими государственнымъ людьми такихъ, которымъ надоѣло поддерживать существованіе Турецкой имперіи. Онъ откровенно высказался Веллингтону, лорду Абердину и Роберту Шилу. Но,—очевиднымъ образомъ потому, что не нашелъ сочувствія, прекратилъ эти разговоры, сказавъ, что впрочемъ онъ и самъ держится такой же политики, какъ Англія,—охраняетъ существованіе Турціи, и чтобы это увѣреніе дѣйстви-

вало сильнѣе, онъ оставилъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ формальное изложеніе своей системы, въ которой ручался и за Австрію, что она согласна съ нимъ. Наше правительство выразило полное свое согласіе съ тою частью записки царя, въ которой онъ говорилъ, каковы его принципы по турецкому вопросу при существующемъ положеніи дѣлъ; сказало, что согласна и съ очевидною истиною, при случаѣ распаденія Турецкой имперіи, очень полезно будетъ, если великія державы будутъ дѣйствовать по соглашенію между собою; но главные люди тогдашняго министерства, — Веллингтонъ, Пиль и Абердинъ, — всѣ трое одинаково прибавили, что не могутъ входить ни въ какія обязательства на случай обстоятельствъ, еще не кажущихся близкими. Вотъ существенное содержаніе записки царя: «Россія и Англія обѣ проникнуты убѣжденіемъ, что общій ихъ интересъ требуетъ, чтобы Турція сохранила свою независимость и вынѣшнія свои владѣнія. Согласно въ этомъ принципѣ, Россія и Англія имѣютъ одинаковый интересъ соединять свои усилія для охраненія Турецкой имперіи и для обращенія всѣхъ опасностей, могущихъ угрожать ея существованію. Поэтому, главная забота ихъ — предоставить Портѣ жить спокойно, не тревожа ее ненужными дипломатическими придирками, и не виѣшиваясь безъ крайней надобности, въ ея внутреннія дѣла». Объяснивъ, что наклонность Порты притѣснять ея подданныхъ — христіанъ должна быть останавливаема соединенными и дружескими увѣщаніями всѣхъ высшихъ державъ, а не одинокими дѣйствіями какой нибудь изъ нихъ, записка продолжаетъ: «Если всѣ великія державы открыто и искренно примутъ это за принципъ своей политики, то онѣ могутъ съ основательностью надѣяться, что сохранять существованіе Турціи. Но они не должны скрывать отъ себя, что она заключаетъ въ себѣ очень много элементовъ распаденія. Притомъ, оно можетъ быть ускорено непредвидѣнными обстоятельствами. При безвѣстности будущаго, можно кажется найти только одну основную мысль, дѣйствительно имѣющую практическое значеніе; она такова: опасность, могущая произойти отъ катастрофы въ Турціи, будетъ много уменьшена, если въ подобномъ случаѣ Россія и Англія успѣютъ дойти до соглашенія о томъ, чтобы дѣйствовать за-одно. Это соглашеніе будетъ тѣмъ полезнѣе, что съ нимъ будетъ вполне согласна и Австрія: между ею и Россією уже существуетъ полное согласіе».

Вообще, судя по всѣмъ дѣйствіямъ царя, можно сказать, что до 1853 года его политика относительно Турціи была выжидательная. Онъ имѣлъ свои планы о томъ, какъ воспользоваться ея распаденіемъ, но не желалъ видѣть этого распаденія прежде, чѣмъ успѣетъ войти въ соглашеніе съ Англією. Если бы онъ успѣлъ устроить это соглашеніе, онъ бы могъ стараться съ ускоритъ раздробленіе владѣній султана. Но Англія постоянно отказывалась входить въ обязательства, основанныя на предположеніи катастрофы, которую желала она отворотить; потому русский императоръ вѣроятно привыкъ къ мысли, что судьба не предназначила Турецкой имперіи пасть при его жизни и что ему не придется управлять ея разрушеніемъ. Поэтому онъ взялъ другую сторону дилеммы, и не только на словахъ, но и на дѣлѣ былъ усерднымъ охранителемъ государства, которое нельзя было ему разрушить. Но натурально было, что принужденный обстоятельствами держаться такой политики, онъ былъ недоволенъ ими, и когда Турція сердилась на него, онъ нѣсколько поддавался раздраженію противъ нея. Въ такія минуты его дѣйствія колебались между влеченіемъ разрушить ее и основательнымъ рѣшеніемъ его, что ему не слѣдуетъ дѣлать этого; изъ борьбы этихъ двухъ мотивовъ выходило направленіе, которое англійская дипломатія характеризуетъ словомъ: «стремленіе пріобрѣсти господствующее вліяніе на политику Порты, для этого устранить вліяніе всѣхъ другихъ державъ на нее; дѣйствовать такъ, чтобы если не ускоритъ паденіе Турціи, то хотя мѣшать ея упроченію и подготовить въ будущемъ для Россіи возможность обратить въ свою пользу паденіе этого государства, когда обстоятельства будутъ благоприятны такому дѣлу».

Около того же времени, какъ Русскій императоръ былъ разсерженъ торжествомъ французскаго правительства по дѣлу о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ, была у ту-

рокъ война съ черногорцами. Это тревожило Австрію, тѣмъ болѣе, что она знала о сочувствіи русскаго императора черногорцамъ. Чтобы предупредить его вмѣшательство, австрійскій кабинетъ рѣшилъ послать Портѣ безусловное требованіе немедленно вывести войска изъ Черногорья, русскій царь одобрилъ это рѣшеніе; по всей вѣроятности, онъ узналъ его уже только когда Австрія уже рѣшила выразить свое требованіе; но по совѣщанію ли или безъ совѣщанія съ нимъ она сдѣлала такъ, онъ рѣшилъ дѣйствовать за-одно съ нею. Изъ Вѣны отправлялся съ австрійскимъ требованіемъ въ Константинополь графъ Лейнингенъ; императоръ рѣшилъ одновременно съ нимъ отправить и отъ себя чрезвычайнаго посла, съ порученіемъ объявить Портѣ, что отказъ султана вывести войска изъ Черногорья будетъ принятъ Россіею за объявленіе войны ей Турціею и съ порученіемъ потребовать удовлетворенія по дѣлу о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ. Такимъ образомъ, говоря, что вступить въ войну съ Турціею, если требованіе Австріи будетъ отвергнуто, царь долженъ былъ обозрѣть, въ какое положеніе относительно другихъ великихъ державъ станетъ Россія въ подобномъ случаѣ.

Больше всѣхъ другихъ державъ была заинтересована тутъ Австрія. Ея правительство постоянно держалось и теперь намѣрено было держаться той системы, что распаденіе Турецкой имперіи—вредно для Австріи, потому что поставитъ южную границу ея въ сосѣдство съ русскою. Но ова уже послала султану угрозу войною, и ей трудно было выпутаться изъ этой угрозы, еслибы султанъ отвергъ ея требованіе. Императоръ Николай долженъ былъ ждать, что Австрія будетъ его союзницею,—и будетъ именно съ тою цѣлью, чтобы удержать его отъ разрушенія Турціи.

Это было бы стѣснительно для него. Но за то, дѣйствуя въ союзѣ съ Австріею, русскій императоръ могъ быть увѣренъ, что Пруссія не станетъ мѣшать войнѣ, участіе Австріи служило бы для Пруссіи и всей Германіи вѣрнымъ ручательствомъ, что интересы вѣмечкой торговли на нижнемъ Дунаѣ будутъ охранены.

Какъ приметъ это дѣло новое французское правительство,—бонапартистское правительство?—это было неизвѣстно. Даже и предположеніе, что оно станетъ подражать политикѣ Наполеона перваго, не разъясняло вопроса: Наполеонъ I бывалъ и другомъ, и врагомъ Турціи. Впрочемъ, казалось, что нѣтъ особенныхъ причинъ думать, что новый императоръ французовъ откажется участвовать въ раздробленіи Турціи. А еслибы и отказался, онъ представлялся не страшнѣе: русскій императоръ твердо рѣшилъ не ссориться съ Англіею; а безъ Англіи Франція не могла ничего сдѣлать въ странѣ, отдѣленной отъ нея всѣмъ протяженіемъ Средиземнаго моря,—такая война была бы слишкомъ опасна для Франціи: «Если я и Англія согласны (по турецкимъ дѣламъ), говорилъ императоръ,—то, маѣнѣе другихъ западныхъ державъ неважно.

Такимъ образомъ, для русскаго императора важнѣе былъ только вопросъ объ Англіи. Если онъ успѣетъ согласиться съ нею о томъ, какъ распорядиться кусками Турецкой имперіи, то онъ не будетъ введенъ въ опасность распадѣніемъ этой имперіи, но даже можетъ сдѣлать что нибудь для ускоренія этой катастрофы. Но онъ самъ говорилъ, что знаетъ, что союзъ съ Англіею зависитъ отъ расположенія не столько правительства Англіи, сколько массы англійской націи,—и онъ заботливо старался узнать ея расположеніе.

Англія издавна была загадкою для континентальныхъ государственныхъ людей и публицистовъ; но въ тогдашнее время,—съ дѣта 1851 года, имъ стало казаться, что они разгадали ее. Имъ показалось, что она палаетъ съ своего мѣста въ ряду державъ; и были факты, которые дѣйствительно могли быть поняты въ этомъ смыслѣ поверхностными наблюдателями. Англія уже давно пренебрегала заботою о силѣ своей арміи—иностранны сочли это признакомъ разслабленія націи. Правда, Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Штаты показывали, что народъ можетъ быть воинственъ, хотя не содержитъ многочисленной арміи въ мирное время; но въ Англіи было явленіе, представлявшее націю въ другомъ видѣ. Множество людей честныхъ и уважаемыхъ ораторствовали противъ всякой воинственности. Серьезнымъ ихъ желаніемъ было только—продлить миръ, предостерегать націю отъ бесполезныхъ войнъ; но они въ своемъ

одушевленіи заходили гораздо дальше, и наконецъ составили партію, доказывавшую нелѣпость всякихъ войнъ вообще,—Peace Party, партія, безусловно превозносящая миръ. Былъ третій симптомъ: экзальтированное восхищеніе дивнымъ развитіемъ промышленности и техническихъ наукъ; а въ довершеніе впечатлѣнія, лѣтомъ 1851, англичане обратились ко всѣмъ націямъ съ проповѣдью этого поклоненія промышленности и механикѣ, устроили всесвѣтныи храмъ для него—Хрустальный дворецъ всемірной выставки. Сущность дѣла была практическая и разсудительная: англичане хотѣли дать себѣ и другимъ случай видѣть новыя изобрѣтенія, сравнить разныя издѣлія, устроить большой промышленный митингъ. Но континентальные наблюдатели вздумали приписывать выставкѣ болѣе глубокомысленное значеніе: торжественное отреченіе отъ всякаго господства, основаннаго на силѣ. И точно, въ Англии говорилось и писалось тогда много горячихъ рѣчей и статей, имѣвшихъ подобный смыслъ. Самымъ англичанамъ показалось бы тогда неправдоподобно предсказаніе, что не дальше, какъ черезъ три года, они будутъ громко требовать войны изъ-за дѣла, далекаго отъ прямыхъ авліійскихъ интересовъ; тѣмъ легче было ошибиться иностранцу, и нельзя строго порицать посланиниковъ великихъ державъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, если они тогда писали своимъ правительствамъ, что Англія совершенно погрузилась въ занятія, которыя должны мѣшать ей заботиться о внушеніи уваженія къ ея голосу въ европейскихъ политическихъ распряхъ.

Все это привело иностранцевъ къ мнѣнію, что натура англійскаго народа измѣнилась, что отнынѣ онъ будетъ держать себя смиренно въ иностранной политикѣ; а въ началѣ 1853 случилось, что первымъ министромъ сталъ человекъ, имя котораго казалось ручательствомъ за миролюбіе Англии,—лордъ Абердинъ. Императоръ Николай услышалъ объ этомъ съ особенной радостью: когда, въ прежнее время, лордъ Абердинъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Англія не согласилась на просьбы Австріи вступить съ нею въ союзъ на защиту Турціи. А между тѣмъ, именно то обстоятельство, что лордъ Абердинъ былъ первымъ министромъ, повело теперь къ войнѣ.

Было и другое обстоятельство, подкрѣплявшее надежду, что возстановленіе династіи Бонапарте поведетъ къ возобновенію хищническихъ плаповъ Наполеона I, по этому не желали разрыва между державами, изъ которыхъ состоялъ великій союзъ, низвергнувшій Наполеона I, и были бы противъ того, чтобы они перессорились лишь изъ-за желанія Англии продолжать прежнюю ея политику по турецкимъ дѣламъ. Да и сама по себѣ эта политика, хотя была принимаема вождями обѣихъ партій, чередующихся въ управленіи, была одобряема далеко не всѣми въ Англии: люди, замѣчательные по своему вліянію на публику, не считали противнымъ интересу Англии то, чтобы она спокойно допустила совершиться изгнанію турокъ изъ Европы. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, русскій императоръ находилъ, что если когда, то именно теперь Англии можетъ допустить его раздробить Турецкую имперію, быть можетъ даже помогать ему въ этомъ.

Представителемъ Англии при его дворѣ былъ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ; еще до своего пріѣзда въ Россію онъ былъ извѣстенъ, какъ человекъ очень уважающій императора Николая и потому былъ принятъ имъ съ удовольствіемъ. Онъ не былъ человекомъ раболѣпнымъ къ царю,—но изъ депешъ его видно, что онъ находилъ большое удовольствіе, когда русскій самодержецъ бесѣдовалъ съ нимъ. Надобно прибавить, что онъ былъ человекъ, умѣвшій понимать смыслъ словъ, съ которыми обращаются къ нему и отвѣчать кстати, умно, такъ, что разговоръ съ нимъ шелъ легко и дѣлался пріадушнымъ.

9 января 1853, онъ былъ на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны; императоръ подошелъ къ нему и завелъ съ нимъ разговоръ.

«Вы знаете, сказалъ онъ, мои желанія относительно Англии; то, что я говорилъ вамъ прежде, я повторю и теперь: я всегда желалъ быть въ тѣсной дружбѣ съ Англіею, и увѣренъ, что эти мои отношенія къ ней останутся прочны. Повторю вамъ: важнѣйшая для меня и для англійскаго правительства вещь—то, чтобы мы,—я и оно,—были въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ между собою.

И никогда не было больше надобности въ этомъ, чѣмъ теперь. Прошу васъ передать эти мои слова лорду Джону Росселю (56). Когда мы согласны между собою, я со-

(56) Бывшему тогда министру иностранныхъ дѣлъ.

вершенно не беспокоюсь объ остальной Западной Европѣ,—ни мнѣнія, ни намѣренія ея другихъ державъ, кромѣ вашей, не важны. Турція—это другое дѣло; она въ критическомъ состояніи, и можетъ ввести въ хлопоты всѣхъ насъ. До свиданія».

Императоръ пожалъ руку Сеймуру, думая, что этимъ и кончится разговоръ; но опытный дипломатъ увидѣлъ и тутъ благоприятную минуту для объясненія и уловилъ ее; когда императоръ вzialъ его руку чтобы проститься, онъ сказалъ: «Государь, если вы позволите, я желалъ бы быть съ вами очень снѣлъ». «Пожалуйста, будьте; что такое», отвѣчалъ императоръ. «Мнѣ было бы большимъ удовольствіемъ, если бы ваше величество прибавили два-три слова, которыми успокоилась бы тревога изъ-за турецкихъ дѣлъ, возбуждаемая въ нашемъ правительствѣ текущими событіями. Быть можетъ вамъ угодно будетъ прибавить къ вашему порученію мнѣ какое нибудь увѣреніе въ этомъ смыслѣ». Видъ и голосъ императора были добры и ласковы, но показывали, что онъ не имѣлъ намѣренія говорить съ сэромъ Гамильтономъ о демонстраціи, которую думалъ тогда сдѣлать движеніемъ войскъ къ турецкой границѣ. Однако же,—вначалѣ какъ будто неохотно, потомъ воодушевляясь, прямодушно и рѣшительно, онъ сказалъ: «Дѣла Турціи въ большомъ разстройствѣ; кажется, что она распадается; ея паденіе будетъ фактомъ очень неприятнымъ; но необходимо, чтобы Англія и Россія согласились по этому вопросу, и чтобы ни одна изъ нихъ не дѣлала въ немъ ничего важнаго, не увѣдомивъ о томъ другую». Сеймуръ отвѣчалъ, что, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поступать такъ; но императоръ, продолжая безъ перерыва, сказалъ: «Да, у насъ на рукахъ большой (57),—очень трудно большой; я говорю вамъ: будетъ очень

(57) Вотъ оно, знаменитое выраженіе „большой“, — „который умереть“ — выраженіе, которое твердилось потомъ нѣсколько лѣтъ въ Европѣ; я попробую разобрать его и всѣ эти разговоры съ той точки зрѣнія, которая кажется мнѣ болѣе основательною, чѣмъ тогдашніе, да и нынѣшніе толки.

большимъ несчастіемъ, если онъ, —нынѣ, завтра, —исчезнетъ изъ числа живыхъ, —а въ особенности, если онъ исчезнетъ прежде, чѣмъ успѣютъ быть улажены всѣ необходимыя по этому случаю мѣры. Но теперь не время говорить объ этомъ».

22 января императоръ и англійскій посланникъ опять имѣли разговоръ. «Я засталъ государя одного; онъ принялъ меня очень ласково,—писалъ тогда Сеймуръ,—встрѣтилъ меня словами, что я, какъ ему тогда (9 января) показалось, имѣю желаніе говорить съ нимъ о восточныхъ дѣлахъ; что онъ не имѣетъ причинъ уклоняться отъ такого разговора, но долженъ начать съ времени, довольно отдаленнаго. «Вы знаете, сказалъ онъ, мечты и проекты, которымъ любила предаваться императрица Екатерина (58); они переда-

(58) Императоръ говоритъ объ извѣстномъ планѣ Екатерины II завоевать Константинополь. Она дѣйствительно имѣла такую мысль; но не должно забывать, что когда окончательно очаровалась она этою надеждою, — около 1770 года, если не раньше, отношенія высшихъ державъ были совершенно иныя: Австрія еще была постоянною союзницею Россіи въ войнахъ съ Турціею; тогда можно было надѣяться на устройство такой коалиціи, въ которой всѣ державы, кромѣ Франціи, были бы согласны отдать Россіи Константинополь. Впослѣдствіи, когда границы Россіи раздвинулись на западъ, Германія, Франція, Англія уже получили наклонность поддержи-

вать Турцію какъ орду, связывающую дѣйствія сосѣда, котораго онѣ стали опасаться; нѣтъ никакого сомнѣнія, что планъ завоевать Константинополь сформировался прежде, чѣмъ началось это опасеніе. Правда, что громкую извѣстность получилъ онъ уже послѣ этой перемѣны въ расположеніи Западной Европы къ намъ; но принять онъ былъ гораздо раньше, и Фридрихъ II уже въ 1770 году велъ съ Австріею и Россіею переговоры, основанные на твердой его увѣренности, что Екатерина II желаетъ владѣть Константинополемъ.—Съ той поры, какъ отношенія Россіи къ Западной Европѣ измѣнились,—а они измѣнились въ томъ смыслѣ задолго до второй турецкой войны императрицы Екатерины,—сама Екатерина могла мечтать и вѣроятно мечтала о прежнемъ своемъ планѣ быть владычицею Босфора; но едва ли сама она придавала тогда серьезное практическое значеніе этимъ мечтамъ; могъ увлекаться этимъ планомъ Потемкинъ; но едва ли съ 1775 года завоеваніе Константинополя было серьезнымъ практическимъ стремленіемъ русской политики. Обстоятельства были уже не тѣ. Поэтому, надобно полагать, что императоръ Николай говорилъ и совершенно прямодушно и совершенно вѣрно, выражаясь объ этомъ проектѣ словомъ „мечта“. И въ политикѣ, какъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ, предубѣжденіе долго переживаетъ причину, его породившую, и очень часто овладѣваетъ настроеніемъ большинства только уже тогда, когда эта причина давно исчезла. Подробный разборъ фактовъ, по всей вѣроятности, доказалъ бы, что въ первой половинѣ XIX вѣка Западная Европа напрасно тревожилась тѣмъ, что покойный государь называлъ теперь „мечтою“. Но—это великое несчастіе—русскихъ публицистовъ не было въ первой половинѣ XIX вѣка; да и западные публицисты не имѣли средствъ достаточно познаться съ фактами нашей исторіи. Отъ этого и Россія, и Западная Европа много страдали, не понимая другъ друга: предубѣжденія, по восточному вопросу укоренявшіяся въ публикѣ, привели, наконецъ, къ такому прискорбному результату, какъ та напрасная война, о которой рассказываетъ Кинглекъ. Западная Европа не повѣрила и не могла повѣрить императору Николаю, потому что 70 лѣтъ твердила противное его словамъ. А твердила потому, что не имѣла средствъ узнать истину о Россіи заблаговременно. Англійскіе и нѣмецкіе правители увлечены были общою ошибкою обществъ, въ которыхъ жили.

ны преданіемъ и нашему времени. Но наслѣдовавъ громадныя территоріальныя владѣнія, я не наслѣдовалъ этихъ иллюзій,—или этихъ намѣреній, если вамъ угодно такъ называть ихъ. Нѣтъ; мое государство такъ обширно, такъ хорошо обставлено во всѣхъ отношеніяхъ, что неосновательно было бы мнѣ желать увеличенія моихъ владѣній или моего могущества, что напротивъ, я самъ первый скажу вамъ: наша главная, быть можетъ, наша единственная опасность—опасность, которая возникла бы изъ того, если бы увеличилось наше государство, и безъ того уже слишкомъ обширное.

Одно изъ пограничныхъ намъ государствъ—Турція; и при нашемъ нынѣшнемъ положеніи, мы должны быть очень довольны такимъ сосѣдствомъ. Прошли времена, когда намъ былъ сколько нибудь грозенъ воинственный фанатизмъ турокъ; а между тѣмъ, эта имперія еще настолько сильна,—или до сихъ поръ была сильна, что могла сохранять свою независимость и пользоваться уваженіемъ отъ другихъ державъ.

«Но въ Турецкой имперіи есть много милліоновъ христіанъ; я долженъ охранять ихъ интересы; и право на то даю мнѣ трактатомъ. Я могу сказать, что пользуюсь этимъ правомъ съ умѣренностью; и охотно признаю, что иногда оно имѣетъ значи-

тельные неудобства; но я не могу уклониться отъ исполненія долга, формально лежащаго на мнѣ. Наше русское исповѣданіе принято нами отъ востока, и есть чувства, есть обязанности, которыхъ я не могу забывать.

«Теперь: Турція, находясь въ томъ состояніи, которое я характеризовалъ, постепенно впала въ такое ослабленіе, что при всемъ нашемъ желаніи продлить жизнь больного, какъ я говорилъ вамъ надѣясь,—и прошу васъ вѣрить, что я не менѣе васъ желаю продленія его жизни,—онъ можетъ вдругъ умереть на вашихъ рукахъ. Мы не въ силахъ воскрешать мертвыхъ: Если Турецкая имперія падетъ, она падетъ безвозвратно. И потому спрашиваю васъ: не лучше ли впередъ обдумать случай, очень вѣроятный, чѣмъ подвергаться хаосу, путаницѣ и неизбѣжной всеобщей войнѣ,—вещамъ, которыя будутъ необходимыми слѣдствіями катастрофы, если она случится неожиданно и прежде, чѣмъ будетъ составлено соглашеніе на этотъ случай.—Вотъ предметъ, на который я прошу васъ обратить вниманіе вашего правительства».

Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ отвѣчалъ объясненіемъ, что англійское правительство вообще имѣетъ правиломъ не принимать на себя обязательствъ по фактамъ, еще не наступившимъ и что англійская нація вѣроятно была бы не расположена къ плану впередъ распорядиться наслѣдствомъ стараго друга и союзника.—«Правило вашего правительства — и вообще всегда хорошо,—возразилъ императоръ, а въ особенности хорошо во времена шаткія, переменчивыя, подобныя нынѣшнему; но все-таки, очень важно и полезно то, чтобы мы поняли друга друга и не дали событіямъ захватить насъ врасплохъ. И вотъ, я желаю сказать вамъ, какъ другъ Англійи и какъ *джентльменъ*: если Англія и я, мы согласимся по этому дѣлу, то мнѣнія и намѣренія остальныхъ державъ не важны для меня,—для меня будетъ все равно, что захотятъ дѣлать и говорить другія державы. И такъ, я прямо скажу вамъ, что если Англія думаетъ нынѣ-завтра взять въ свое владѣніе Константинополь, я не допущу этого. Я не приписываю ей этого намѣренія, но въ подобныхъ случаяхъ лучше договаривать все до конца. Она не хочетъ захватить Константинополь; я точно также расположенъ дать обязательство не входить въ него,—государемъ, не входить; временно занять его моими войсками, это другое дѣло: можетъ случиться, что если все будетъ предоставлено игрѣ случая, если не будетъ сдѣлано предварительнаго соглашенія, то обстоятельства поставятъ меня въ надобность временно занять Константинополь моими войсками».

20 февраля императоръ подошелъ къ сэру Гамильтону на вечерѣ у Великой княгини, супруги наслѣдника престола (нынѣшней императрицы) съ самою любезною ласкою отвелъ его въ сторону, со словами, что хочетъ поговорить съ нимъ, и сказалъ: «Если ваше правительство приведено къ убѣжденію, что Турція сохраняетъ какіе нибудь элементы жизни, это значитъ, что ваше правительство получало невѣрные свѣдѣнія. Повторяю вамъ, что большой умираетъ, и мы никакъ не должны допускать, чтобы такое событіе застигло насъ врасплохъ. Мы должны прийти къ какому нибудь соглашенію».

Сэръ Гамильтонъ почелъ себя въ правѣ заключить изъ этого, что въ мысляхъ царя распаденіе Турецкой имперіи совершенно признаво дѣломъ близкимъ.

На другой день императоръ опять пригласилъ къ себѣ сэра Гамильтона, сталъ доказывать ошибочность такого взгляда англійскаго правительства, что оно хочетъ продолжать смотрѣть на Турцію какъ на державу, которая можетъ остаться и вѣроятно останется въ своемъ прежнемъ видѣ,—и наконецъ, высказалъ свою столь долго умалчивавшуюся мысль, которую надѣялся привлечь Англію въ союзъ съ собою. Быть можетъ не такъ трудно, какъ вообще полагаютъ, прийти къ удовлетворительному соглашенію о распредѣленіи турецкихъ владѣній, въ случаѣ распаденія Турецкой имперіи, сказалъ онъ, и продолжалъ: «Молдавія и Валахія, на фактъ, уже и теперь независимыя государства, находящіяся подъ моимъ покровительствомъ; это можно бы оставить безъ переменъ: Сербія могла бы получить такую же форму правленія; Булгарія—тоже: я не вижу причинъ, почему бы эта земля не могла стать независимымъ государствомъ. Теперь, о Египтѣ. Я вполне понимаю важность этой страны для Англійи. Потому скажу только: если, въ случаѣ распредѣленія наслѣдства султана, вы возьмете себѣ Египетъ, я не имѣю возраженій противъ этого. Тоже самое могу я сказать о

Канди: этого островъ быть можетъ годится для васъ; и я не вижу причинъ, почему бы не стать ему англійскимъ владѣніемъ».

«Я не желалъ,—писалъ министерству сэръ Гамильтонъ,—чтобы императоръ подумалъ, будто представитель англійскаго правительства соблазнился этимъ предложениемъ; потому я отвѣчалъ только, что, сколько мнѣ извѣстно, желанія Англіи относительно Египта не простираются дальше того, чтобы установить прочное и удобное сообщеніе съ Индіею.—«Хорошо»,—сказалъ императоръ:—«дайте вашему правительству случай высказаться вновь по этому дѣлу полнѣе и рѣшительнѣе. Я имѣю довѣріе къ англійскому правительству. Я желаю отъ него не обязательства, не формальной конвенціи: я хочу только откровеннаго общенія мыслями, и въ случаѣ надобности, попрошу у англійскаго правительства джентельменскаго слова,—этого будетъ достаточно между нами».

Въ отвѣтъ на это, англійское правительство сказало, что не имѣетъ никакой мысли стремиться къ овладѣнію ни Константинополемъ, ни какою другою частью Турецкой имперіи; выразило свое довольство увѣреніемъ царя, что и онъ также чуждъ всякаго подобнаго желанія, и въ заключеніе, очень любезно, но совершенно ясно и безусловно, отказалось вступить въ какое бы то ни было тайное соглашеніе съ Россіею для рѣшенія восточнаго вопроса.

Эти переговоры, происшедшіе въ январѣ и февралѣ 1853, были ведены между русскимъ императоромъ и англійскимъ правительствомъ на томъ подразумеваемомся условіи, что должны остаться строгою тайною; и болѣе года дѣйствительно оставались. Ниже мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ тайна была обнародована и какое вліяніе имѣло это открытіе на расположеніе умовъ въ Европѣ и Англіи.

И мы тогда посмотримъ внимательно, въ самомъ ли дѣлѣ эти разговоры имѣли такое сильное вліяніе на ходъ событій, какое обыкновенно приписываютъ имъ; дѣйствительно ли они, или какія нибудь другія вещи возстали противъ Россіи Европу. А теперь мы займемся не вѣдшимъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, а самымъ ихъ содержаніемъ.

Скажу прямо: и Западная Европа и русская публика находятъ въ нихъ предметы для сильнаго порицанія. Оно кажется мнѣ неосновательно.— Въ мысляхъ, которыя сообщалъ покойный государь Сеймуру, дѣйствительно есть важная ошибка: она состояла въ непониманіи истиннаго характера и положенія новаго французскаго правительства. Покойный государь въ 1853 году сказалъ, какъ говорилъ въ 1844 году: „Если я и Англія согласны, остальные правительства не важны для меня въ этомъ дѣлѣ“. Въ 1844 году это, по всей вѣроятности, было основательно: Франція не имѣла особенной надобности горячиться на дѣйствія Россіи по турецкимъ дѣламъ, когда Англія не находила бы въ этихъ дѣйствіяхъ причинъ для войны. Но теперь было обстоятельство совершенно другого рода. Люди, которые сами по себѣ не были важны, видѣли себя въ такомъ положеніи, что завтра будутъ казнены по законному суду, если нынѣ не надѣлаютъ новыхъ преступленій и бѣды. А когда люди видятъ себя въ такомъ положеніи, они очень способны надѣлать огромныхъ бѣдъ: отчаяніе даетъ и силу, и хитрость, и храбрость. Потому и англійское правительство и русскій государь скоро были впутаны въ бѣды новымъ французскимъ правительствомъ,—и впутаны именно потому, что не предполагали съ какими пѣлями, по какимъ своимъ надобностямъ оно должно дѣйствовать. Не предвидѣть этого была большая ошибка.

Но покойный государь раздѣлялъ ее съ огромнымъ большинствомъ правителей и дипломатовъ всѣхъ европейскихъ державъ и въ томъ числѣ Ан-

гли. Порицать его за нее было невозможно; да порицатели сами еще оставались совершенно не замѣчающими ее, запутанными въ ней, когда стали порицать. Осужденіе привязалось къ другимъ сторонамъ разговоровъ. Посмотримъ, основательно ли привязалось.

Западная Европа нашла проектъ покойнаго государя слишкомъ увеличивающимъ могущество Россіи, потому вреднымъ для всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ. Потому вознегодовала. Русская публика тоже нашла, что проектъ необыкновенно расширяетъ могущество Россіи, но изволила усмотрѣть въ своей мудрости, что такія мысли не должны быть высказываемы передъ иностранцами, что подобные проекты слѣдуетъ держать въ секретѣ, потому тоже вознегодовала. Посмотримъ, умно ли поступила Западная Европа и возлюбленная мудрая російская публика. Конечно, я говорю не о всѣхъ людяхъ въ Западной Европѣ и въ русской публикѣ: и тамъ, и у насъ было меньшинство, разсуждавшее, по моему мнѣнію, справедливо; но я говорю про огромное большинство и тамъ, и у насъ. Оно дѣйствительно разсудило такъ, какъ я описалъ,—правильно ли разсудило, я попробую разобрать.

Разсужденія начинались какъ съ факта очевиднаго, съ того, что въ этихъ разговорахъ выражено намѣреніе Россіи овладѣть Константинополемъ и другими частями Европейской Турціи. Это намѣреніе показалось Западной Европѣ очень вреднымъ. Но если бы оно дѣйствительно исполнилось, точно ли принесло бы оно вредъ Западной Европѣ. — Это зависѣло бы отъ того, какъ приняла бы Западная Европа такой фактъ. Если бы она взглянула на него съ разсудительной точки зрѣнія, которую я постараюсь разъяснить, то она осталась бы спокойною, холодною, только сожалѣющею о Россіи зрительницею факта, и дѣло обошлось бы безъ малѣйшаго вреда для Западной Европы, безъ потери одного крейцера или сантима для нея, не только безъ потери одного человѣка,—напротивъ, дѣло послужило въ большую выгоду ея торговлѣ и вообще матеріальному прогрессу: смѣна турецкой власти какою бы то ни было другою,—не только русскою, но хоть бы даже и не лучшею, чѣмъ тогдашняя (и нынѣшняя) французская, все-таки была бы выгодна для развитія международной коммерціи.—Но, безъ всякаго сомнѣнія, у Западной Европы не достало бы благоразумія и разсчетливости оставить фактъ завладѣнія развиваться безъ ея вмѣшательства, по его внутреннему закону: она перетрусилась бы, раскричалась бы, вооружилась бы и пошла бы совокупными силами всѣхъ четырехъ великихъ своихъ державъ со всею ихъ свитою воевать противъ русскихъ. (Изъ послѣдующаго хода переговоровъ мы увидимъ, что эта коалиція уже и составлялась). Тогда, конечно, война была бы еще гораздо громаднѣе, продолжительнѣе, гибельнѣе для Европы и Россіи, чѣмъ Дунайско-Крымская. Занявъ такія позиціи, какъ Босфоръ и Дарданеллы, Россія могла бы бороться на крайнемъ югѣ еще несравненно упорнѣе, чѣмъ въ Севастопольской позиціи, гдѣ у нашего войска не было подвоза съ моря, и на многія сотни верстъ сухого пути не было плодородныхъ и населенныхъ областей: тамъ подвозъ по Черному морю былъ бы свободенъ, богатые хлѣбомъ и всякимъ провіантомъ области были бы подъ бокомъ у насъ. Но тогда былъ бы лишь второстепенный, — хотя еще болѣе севастопольскаго убійственный театръ войны: война шла бы по всей западной границѣ; на-

ученныя 1812 годомъ, западно-европейскія арміи не побѣжали бы, сломя голову въ одну кампанію до Москвы, но въ нѣсколько походовъ прочно отѣснили бы русскія войска до Смоленска и Кіева, утвердились бы на всей Днѣпровской линіи. Едва ли бы удержалась за нами и линія Невы. Императоръ Николай даже и не думалъ о возможности подвергать себя и Россію такому страданію,—мы увидимъ ниже, что онъ вовсе не расположенъ былъ къ разрыву со всѣми четырьмя великими державами, дѣйствующими за-одно. Онъ именно хотѣлъ предотвратить всякій шансъ подобнаго положенія, когда настойчиво говорилъ Сеймуру: надобно условиться, поладить, чтобы не попасть всѣмъ намъ, противъ нашего желанія, въ общую Европейскую войну.

Но пора ли была говорить объ этомъ? дѣйствительно ли кризисъ по восточному вопросу приближался? — Западная Европа тогда твердила: „нѣтъ“, — мы, русскіе, мало привычныя разсуждать о политикѣ, на половину вѣрили своимъ газетамъ и журналамъ, говорившимъ „да“, на половину—авторитету Западной Европы. Теперь и Западная Европа почти соглашалась, что кризисъ былъ близокъ.

Въ Малой Азійи турки населяютъ внутреннее пространство, между тѣмъ, какъ всѣ три берега (кромѣ небольшой доли сѣвернаго между устьемъ Кызыль-Ирмака и Трапезунтомъ) заняты сплошною каймою греческаго населенія, врѣзывающагося довольно глубоко и внутрь страны по долинамъ рѣкъ Мендересъ-Чая и Сакарин (*); трудно сказать, каково близкое будущее въ этой странѣ, гдѣ образованнѣйшее меньшинство занимаетъ болѣе выгодную позицію, но турки составляютъ большинство. Судьба Мало-Азіатской части Турецкой имперіи—дѣло, зависящее отъ постороннихъ вмѣшательствъ и случайностей. Но вопросъ о ближайшемъ будущемъ турецкаго племени въ Европѣ—вещь, не подлежащая никакому сомнѣнію: дѣло быстро идетъ къ тому, что съ турками, въ ихъ городахъ-лагеряхъ, Стамбулѣ, Адрианополѣ, и другихъ произойдетъ то же, что въ половинѣ XVI вѣка произошло съ ихъ одноплеменниками въ Казани и Астрахани: сами по себѣ европейскіе турки, какъ наши казанскіе татары, племя очень хорошее, съ которымъ легко могутъ ужиться славяне,—даже водить знакомство и дружбу; но вѣдь невозможная же была вещь, чтобы Поволжье оставалось татарскою землею, когда эта земля стала имѣть больше славянскаго населенія, чѣмъ татарскаго. А Поволжье, съ Казани и ниже, еще и теперь, не только въ XVI вѣкѣ, имѣло бы меньше натуральной невозможности сохранять своихъ прежнихъ хановъ, чѣмъ Европейская Турція. Взгляните на большую этнографическую карту Европы въ томъ же атласѣ: широкое пространство около Казани и на югъ, и на западъ, и на сѣверъ населено татарами. Этотъ широкій выступъ ихъ на оба берега Волги примыкаетъ съ востока къ огромному татарскому пространству; русское населеніе около самой Казани—оазисъ; кругомъ ея также, даже и теперь только оазисы русскихъ. Объ Астрахани и говорить нечего: на сотни верстъ кругомъ сплошная калмыцкая и татарская краска. А въ Европейской Турціи не только нѣтъ этого—нѣтъ даже и той путаницы племенъ, которая затруд-

(*) По картѣ № 8 Этнографическаго отдѣла атласа Берггауза.

няеть развязку дѣла въ восточной половинѣ собственной Австрійской имперіи, гдѣ славяне перепутаны съ нѣмцами, и въ королевствѣ Венгерскомъ съ его вассальными землями, гдѣ перепутаны съ славянами (и на юго-востокъ съ румынами) венгры и отчасти нѣмцы. Нѣтъ, въ Европейской Турціи каждое племя плотно, округленно, неразрывною массою занимаетъ сплошь свою землю. На сѣверъ отъ Дуная—одни валахи; на югъ отъ Дуная на западъ—одни сербы, на востокъ—одни болгары; южнѣе сербовъ—одни арнауцы, южнѣе болгаръ—одни греки. Всѣ края и грани разлома такъ ясны и чисты, какъ нельзя желать лучше. Турки въ Европѣ чисто то же, что Дештъ-Кыпчацкая власть надъ Москвою, Тверью, Рязанью въ началѣ царствованія Іоанна III. Она не можетъ продержаться двухъ лѣтъ безъ охраненія запретительнымъ голосомъ другихъ европейскихъ властей. Въ XVII вѣкѣ было не то: большинство племенъ, подвластныхъ Турціи, столько же заботилось о независимости, сколько теперь заботятся о ней гиндусы въ Остъ-Индіи. Да и до конца прошлаго вѣка было мало переменъ. Но съ начала, а въ особенности съ 20-тыхъ годовъ нынѣшняго вѣка стало уже совершенно не то, и въ 1848 году было ясно, что безъ австрійскаго и русскаго охраненія султанъ переѣхалъ бы жить въ Эрзерумъ или Брюссу. Теперь это на время отвращено результатомъ Севастопольской войны; но въ 1851, 1852 еще не было опекуства великихъ державъ надъ Турціею; она могла развалиться и невзначай, и разваливалась; уже лѣтъ за десять, пятнадцать до Крымской войны турецкій вопросъ былъ въ дѣйствительности, а съ 1848 даже и оказался для многихъ правителей, въ томъ числѣ для русскихъ, находящимся въ положеніи, очень похожемъ на знаменитый испанскій вопросъ послѣднихъ годовъ XVII вѣка: императоръ Николай теперь, какъ тогда Людовикъ XIV, чувствовалъ, что не нынѣ-завтра къ нему въ руки повалится держава, склеенная изъ разныхъ кусковъ, что остальная Европа не допуститъ его безъ упорнѣйшей борьбы вступить во владѣніе этимъ богатымъ наслѣдствомъ, такъ что, при всемъ своемъ богатствѣ, оно будетъ для него раззорительно.

Мы знаемъ, на что рѣшался Людовикъ, чтобы отвратить отъ себя это раззореніе: онъ согласился на любовную сдѣлку съ державами, которыя иначе должны были стать главными дѣятельницами въ союзѣ противъ него. На эту попытку склонилъ его Вильгельмъ III, величайшій дипломатъ того вѣка и можетъ всей новой исторіи, безусловный распорядитель иностранной политики двухъ державъ изъ числа трехъ, которыя должны были въ случаѣ неудачи сдѣлки составить коалицію противъ Людовика. Благодаря искусству, твердости и безпристрастію Вильгельма III были составлены условія, мирно разрѣшавшія страшный вопросъ.—Въ теченіе полутора ста лѣтъ почти всѣ историки находили отвратительными, безнравственными эти условія Вильгельма съ Людовикомъ о раздѣлѣ испанской монархіи. Но они осуждали ихъ потому только, что останавливались на словахъ „раздѣлъ чужихъ владѣній“—„раздробленіе государства“—„тайная конвенція“ и т. д. Наконецъ, Маколей, изъ уваженія къ своему герою, рѣшился вникнуть въ сущность дѣла, не конфузясь неблагозвучія словъ, подъ которыми оно было извѣстно.—Вообще я не очень-то расположенъ соглашаться съ Маколеемъ: почти постоянно онъ бродитъ довольно мелко. Но тутъ любовь къ Вильгельму дала ему силу стать

на точку зрѣнія, дѣйствительно высокую. Прочтите въ изданномъ послѣ его смерти томѣ „Исторіи Англіи“ разборъ вопроса о проэктѣ раздѣла испанской монархіи, составленномъ Вильгельмомъ и принятомъ Людовикомъ,—это очень честныя и хорошія, не только хорошо написанныя страницы. Обдумавъ ихъ, невозможно оставаться въ сомнѣніи: проэктированное рѣшеніе вопроса полюбовною сдѣлкой о раздробленіи испанской монархіи не было дурнымъ дѣломъ.

Сдѣлка эта рушилась. У Людовика не достало ума и твердости устоять противъ соблазна, когда представился удобный случай отступить отъ нея. Но то, что онъ хоть на время жертвовалъ своею суетностью истинному интересу своей династіи, своей націи и всей Европы,—это одно изъ немногихъ его дѣйствій, смягчающихъ приговоръ исторіи надъ нимъ, какъ правителемъ и человѣкомъ.

Возьмемъ изъ того же Маколей другой случай. Вильгельмъ хотѣлъ поскорѣе кончить войну съ Людовикомъ, мѣшавшую заняться переговорами о полюбовной сдѣлкѣ по испанскому вопросу. Въ Рейсвейнѣ собрался конгрессъ изъ лучшихъ дипломатовъ того времени. Они толковали, спорили, и у нихъ не выходило ничего путнаго, потому что дѣло было страшно многосложное и запутанное. Маколей довольно мелочно приписываетъ неудачность ихъ занятій только ихъ педантству и формализму. Тогдашнія дипломатическія формы дѣйствительно были смѣшны и вялы. Но въ сущности, проволочка происходила не отъ нихъ. Вопросы, которые надобно было рѣшить, дѣйствительно были щекотливы и запутаны. Вильгельмъ рѣшилъ пойти на проломъ, повести переговоры съ Людовикомъ и его интимнѣйшими совѣтниками мимо конгресса и толпы дипломатовъ, черезъ—кого же?—у него былъ Портландъ; но кого же взять посредникомъ со стороны Людовика?—Вильгельмъ выбралъ маршала Буффлера, который навѣрное имѣлъ меньше дипломатическаго искусства и меньше свѣдѣній въ политическихъ дѣлахъ, нежели—не только покойный русскій государь, правитель во всякомъ случаѣ солидный, но даже и Людовикъ XIV, правитель пустой, вздорный. Буффлеръ имѣлъ одно качество, которое Вильгельмъ нашелъ уже достаточно обезпечивающимъ способность французскаго маршала къ этому дѣлу: маршалъ былъ человѣкъ прямодушный, и именно его прямодушіе, по мнѣнію Вильгельма, должно было дать ему силу викинуть въ сущность дѣла, понять ее очень ясно. И точно, Буффлеръ отлично понималъ сущность дѣла, и благодаря этому обстоятельству, зависѣвшему единственно отъ его прямодушія, дѣло уладилось очень гладко и быстро, съ такою выгодною для Франціи (какъ и Англіи) и для Людовика (какъ и для Вильгельма), какихъ не приобрѣли бы Франція и Людовикъ черезъ Рейсвейнскій конгрессъ. Кто подумаетъ, что Буффлеръ не велъ дѣло своего государя и націи очень хорошо, или что Вильгельмъ неудачно выбралъ Буффлера, не дипломата, для очень важныхъ переговоровъ, тотъ пусть справится у Маколей.

Императоръ Николай въ 1852—1853 годахъ былъ по турецкому вопросу въ такомъ же положеніи, какъ Людовикъ въ 1695—1700 годахъ по испанскому. Онъ самъ рѣшился искать того выхода, который былъ принятъ Людовикомъ только по настоятельнымъ разъясненіямъ Вильгельма; уви-

дѣвъ надобность обратиться къ тому крайнему средству для отвращенія войны, которое принялъ Вильгельмъ для прекращенія войны,—къ прямымъ, совершенно прямодушнымъ объясненіямъ, и самъ себя выбралъ для дѣла, для котораго Вильгельмъ выбралъ Буффлера.

Я скажу, что не могу пайти тутъ ничево дурного или неразумительнаго. Но, — читатель, покойный государь дѣйствительно сдѣлалъ напрасно то, что сдѣлалъ. Если я не ошибаюсь, почти всѣ русскіе дипломаты находили, что онъ поступаетъ неосновательно. Я не знаю, по какимъ соображеніямъ они думали такъ, — но если по одному, — которое одно заставляетъ меня говорить „напрасно онъ дѣлалъ это“, — если по этому соображенію они порицали рѣшительность покойнаго государя, то дѣйствительно они были правы въ своемъ порицаніи. Видите ли, читатель, въ чемъ разница: когда на одной сторонѣ былъ Буффлеръ, на другой былъ Вильгельмъ III, а не Дерби, или Д'Израэли, или лордъ Абердинъ, или лордъ Пальмерстонъ. Дѣло Буффлера не было напрасно потому, что онъ имѣлъ дѣло съ великимъ дипломатомъ, а не съ мелкотравчатымъ мастеромъ, — съ человѣкомъ, способнымъ обнимать мыслью ходъ событій на цѣлыя десятилѣтія, дѣйствовать для прочнаго разрѣшенія великихъ вопросовъ надолго,—а между тогдашними англійскими правителями не было дипломата, подобнаго Вильгельму. Человѣкъ, не имѣющій технической спаровки, можетъ успѣшно вести дѣло только съ такимъ гениальнымъ специалистомъ, который умѣетъ возвышаться надъ мелочною техникою, когда того требуютъ обстоятельства. Великій полководецъ, хоть бы Наполеонъ I, находить, что Карно имѣлъ очень дѣльныя мысли по стратегическимъ планамъ; а обыкновенный порядочный генераль скажетъ: „вздоръ, Карно не умѣетъ командовать ротой; какъ же можно имѣть съ нимъ разсужденіе о военныхъ дѣлахъ? онъ все говоритъ вздоръ“ — такъ и говорили, читатель, французскіе генералы, когда Карно былъ военнымъ министромъ. Да если бы не то, что въ Англии, а хоть въ какой нибудь изъ великихъ западно-европейскихъ державъ былъ,—не то что въ 1852—1853, а вообще начиная съ 1847 года правитель, котораго можно было бы назвать великимъ,—тогда исторія Западной Европы была бы очень различна отъ той, которую мы съ вами пережили. Отношенія націй и державъ въ 1848 и слѣдующихъ за нимъ годахъ такъ встряхивались, что какая бы изъ великихъ западныхъ державъ ни имѣла гениальнаго правителя, — хоть бы даже слабѣйшая изъ нихъ, Турція, эта держава въ 1848 году взяла бы первенство не то, что надъ каждою изъ остальныхъ, — взяла бы патронатство надъ всѣмъ континентомъ Западной Европы, стала бы въ Западной Европѣ то, что была въ 1807—1811 годахъ Франція въ Рейнекомъ союзѣ или Македонія при Александрѣ Великомъ въ греческомъ мирѣ, — все, все. Кто этого не знаетъ, читатель, тотъ не знаетъ исторію послѣдняго пятнадцатилѣтія, и я не намѣренъ спорить съ такимъ человѣкомъ. А такъ какъ этого не случилось, и ни одна изъ великихъ западныхъ державъ не была возвышена своимъ правительствомъ къ 1852 году на степень могущества, гораздо большаго, чѣмъ какое имѣла въ 1847, то изъ этого и ясно каждому умѣющему понимать исторію, что въ эти годы, 1848—1851, не было ни въ одной изъ нихъ гениальнаго правителя. Подъ этотъ выводъ подходитъ и Англія. Въ тѣ годы

она могла приобрести протекторатъ. — не на словахъ, а на дѣлѣ: 1, надъ Пиринейскимъ полуостровомъ; 2, Италію; 3, Германію; 4, Венгрію; 5, всѣми странами, составляющими Европейскую Турцію, и кромѣ этихъ пяти порядочныхъ кусковъ еще надъ нѣсколькими другими, — а ничего такого не произошло, потому я и думаю, что Англія въ это время не имѣла ни одного великаго правителя между своими сильнѣйшими государственными людьми. Но у меня, читатель, есть рьяные литературные противники, которые все сомнѣваются, имѣю ли я понятіе о чемъ нибудь, или круглый невѣжда. И теперь, напримѣръ, они навѣрное думаютъ схватиться за слово „великій правитель“, да и вообразить, что, дескать, онъ все вреть, онъ не знаетъ, что такое великій правитель, — я, пожалуй, и объясню моимъ рьянымъ противникамъ, что не я не имѣю, а они не имѣютъ понятія объ этомъ. Начну съ того, что приведу хоть десять именъ, — и попрошу моихъ рьяныхъ литературныхъ противниковъ сказать, ошибся ли я, ставя какое нибудь имя въ этотъ списокъ геніальныхъ правителей, — начнемъ его хоть со времени Ришльё, и для избѣжанія споровъ изъ за національныхъ нашихъ симпатій или антипатій, русскую исторію оставимъ въ сторонѣ. Вотъ я и скажу: Въ великихъ державахъ Западной Европы въ 1840 — 1860 годахъ не было ни одного такого правителя, какъ Ришльё, Кромвелль, Вильгельмъ III, Помбаль, Питтъ старшій, лордъ Клайвъ, Фридрихъ II, Франклинъ, Вашингтонъ, Гошъ. Тутъ, какъ видите, съ именами самыми громкими переименованы имена, мало кѣмъ произносимыя, какъ имена великихъ правителей, — навѣрное, напримѣръ, представится моимъ рьянымъ противникамъ, что меня можно предать поруганію за имя Гоша, о которомъ половина ихъ и не слыхивали, — или за Франклина, или за Клайва, — а пусть попробуютъ, и вы увидите, какое выйдетъ увеселеніе для васъ изъ за этого: вѣдь штука-то въ томъ, что, напримѣръ, Франклинъ, какъ правитель и въ частности дипломатъ, былъ едва ли не выше Ришльё, — а Гошъ навѣрное выше одного французскаго очень знаменитаго человѣка, о которомъ мы тоже будемъ говорить, — кто этотъ французъ, — мы тогда и увидимъ. Но это мимоходомъ, а главное дѣло вотъ въ чемъ: въ десяткѣ именъ, приведенныхъ мною, есть и абсолютисты (Ришльё, Помбаль), и конституціоналисты, и республиканцы, и военные деспоты (Кромвелль, Клайвъ); — есть и такъ называемые консерваторы и такъ называемые революціонеры, — есть и люди, имѣющіе власть самостоятельно (Кромвелль, Вильгельмъ III, Фридрихъ II, въ сущности и Ришльё) и люди, имѣющіе ее только по порученію отъ другихъ, — есть и люди, получившіе власть обыкновеннымъ, правильнымъ путемъ (Ришльё, Помбаль, Питтъ, Фридрихъ II) и люди, захватившіе ее путемъ насилія (Кромвелль, Вильгельмъ III), — есть и такіе люди, какъ Вашингтонъ, которыхъ признаютъ чистыми даже ихъ противники, и такіе люди, какъ Клайвъ, которыхъ признаютъ очень грязными даже ихъ панегиристы, — видите, какія разницы, и какія многочисленныя. А серьезные историкки, дипломаты, правители говорятъ: всѣ эти разницы между великими правителями, какъ ни громадны сами по себѣ, ничтожны для государственныхъ людей и историковъ сравнительно со сходствомъ между великими правителями по силѣ ума и воли. Возьмемъ, напримѣръ, громадную нравственную разницу между ними отъ Клайва внизъ

до — кого вы находите лучшимъ, того и поставьте вверху, — хотите, Гоша, — хотите, Вашингтона, — хотите, Вильгельма, — хотите Фридриха, я пожалуй пропущу всякое имя безъ спора, — а то, пожалуй, чтобы ужъ вовсе не было споровъ, — отъ Клайва до Людовика Святаго, дѣйствительно превосходнаго человѣка (и великаго правителя, не смотря на его ребяческій походъ съ арміею, составленною изъ дѣтей, — буквально: дѣтей, маленькихъ мальчиковъ, — противъ мусульманъ). Разница очень большая между Клайвомъ и Людовикомъ Святымъ, какъ людьми; но, — это страшно, читатель, а все-таки правда: гениальный правитель съ дурнымъ сердцемъ хорошъ, какъ правитель. Онъ насилуетъ, грабитъ или обижаетъ немногихъ, съ которыми имѣетъ личныя, частныя дѣла, — но съ націею онъ поступаетъ честно и хорошо, потому что поступать съ нею иначе и ненужно, и глупо, и ему самому вредно. Таковъ мой взглядъ, читатель; правиленъ ли онъ, или нѣтъ, вы можете судить, какъ вамъ угодно; но онъ таковъ, — поэтому, если, напримеръ, я человѣкъ благородной души, я все-таки не могу не признать Клайва хорошимъ правителемъ, хоть гнушаюсь имъ, какъ человѣкомъ; — или, когда я раздѣляю мнѣніе Кинглека, что Мопя и Маньянъ плохіе правители, то все-таки раздѣляю не изъ за того, что гнушаюсь ими какъ людьми, а просто только потому, что они плохіе правители. Наоборотъ: если я человѣкъ очень дурной души, я все-таки не могу признать великимъ правителемъ того, который нечестно поступаетъ съ своею націею. — быть можетъ, я восхищаюсь его продѣлками мошенничества и грабежа и насилванія, когда онъ относится къ его дѣламъ съ отдѣльными лицами, — но когда я вижу, что онъ относится къ націи, я принужденъ находить ихъ неумѣстными и глупыми. Поэтому, читатель, — какой бы души, — хорошей или дурной, — ни былъ я, я признаю великимъ правителемъ ужаснаго злодѣя надъ отдѣльными лицами, Цезаря Борджію и не признаю другого такого же мастера на злодѣйства, Тиберія. Беремъ другую разницу, — разницу по личному расположенію къ той или другой формѣ правленія, — великіе правители выше и этой мѣрки. Кто былъ Вашингтонъ, — главнокомандующій инсургентовъ, президентъ демократической республики; что жъ за человѣкъ былъ онъ по личнымъ своимъ склонностямъ? — Положительно извѣстно, что онъ былъ аристократъ по личному своему расположенію; — несомнѣнно, хоть на это и нѣтъ такихъ формальныхъ документовъ, какъ о его аристократизмѣ, но все-таки несомнѣнно по тысячамъ неоспоримыхъ доказательствъ, что онъ былъ монархистъ въ душѣ. Если бы могъ онъ быть тѣмъ, чѣмъ лучше всего ему правилось бы, онъ былъ графомъ Моунтъ-Вернономъ, лордомъ Вашингтономъ, президентомъ сѣверо-американскаго совѣта министровъ его величества короля великобританскаго и сѣверо-американскаго. Кто былъ Помбаль? — министръ португальскаго короля, истреблявшій все, что оставалось скольконибудь похожего на конституціонныя ограниченія. Кто онъ былъ въ душѣ? — безъ всякаго сомнѣнія, республиканецъ, одной породы съ Дантономъ, или еще ближайшее родство, родной братъ Катону, убившему себя, чтобы не видѣть вѣнца на головѣ цезаря, — это покажется странно, читатель, тому, кто не вникалъ въ характеръ Помбала; кто вникнетъ, не усомнится въ томъ. Кто былъ Вильгельмъ III? — президентъ республики семи соединенныхъ провинцій и конституціонный король Англій; вотъ уже порядочная разно-

шерстность; но она еще очень одноцвѣтна передъ тою третьею разностью, что онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ абсолютистъ въ душѣ, желалъ бы быть такимъ неограниченнымъ самодержцемъ, что подобнаго самодержца и во снѣ не снилось Людовику XIV, — и былъ по характеру военнымъ деспотомъ въ родѣ Кромвелля, т. е. много посолондѣе Наполеона I, — у Наполеона I была любовь къ эффекту, — это уже нѣкоторое уваженіе къ общественному мнѣнію, нѣкоторое мягкосердочіе. Кромвелль и Вильгельмъ изъ-за величайшаго эффекта великодушіемъ не щадили никогда ни одного человѣка, за то и не обижали не только человѣка, даже мухи не обижали безъ разсчета. Маколей ступаетъ эту сторону, — страшную деспотичность Вильгельма III, но и въ его разсказѣ она видна, а въ другихъ разсказахъ Вильгельмъ III съ этой стороны — чистѣйшій Кромвелль, то есть почти что Чингисъ-ханъ или Тамерланъ, съ европейскими нравами. И однако же этотъ человѣкъ, — чѣмъ же онъ знаменитъ въ исторіи? тѣмъ, что прочно возстановилъ англійскую конституцію, при ея возстановленіи согласился, — даже и не вступаясь и въ совѣщанія объ этомъ, впередъ, можно сказать, подписавъ бланковый документъ, — согласился очень много ограничить прежнія права короля, — и вѣрно сохранялъ эту конституцію въ Англии, и провелъ всю жизнь свою въ борьбѣ и неуспынныхъ трудахъ на пользу Голландской республики, республиканскія учрежденія которой охранялъ также внимательно, какъ дисциплину въ ея войскахъ. Что это за странность, читатель? — республиканецъ въ душѣ, поборникъ самодержавной власти своего короля; монархистъ въ душѣ — основатель республики; абсолютистъ въ душѣ — расширитель правъ парламента, вѣрный хранитель конституціонныхъ учрежденій въ одной, — республиканскихъ въ другой странѣ? — читатель, это странности лишь для людей, не знающихъ исторіи и не понимающихъ государственнаго быта; въ сущности, это не больше, какъ проявленіе великой силы ума въ этихъ трѣхъ правителяхъ. Великій правитель хочетъ могущества своему правительству; могущество правительства соразмѣрно могуществу націи и степени его допольства правительственною формою; это истины не мудренныя въ теоріи. Но нужна правителю очень большая сила ума и воли, чтобы неукоснительно держаться ихъ въ практикѣ. Такой правитель постоянно помнитъ, что для него невыгодно тратить время, силу и колебать расположеніе націи къ правительству изъ-за того, чтобы сохранить форму, которая нравится ему, но стала не по вкусу націи, или измѣнить форму, которая не нравится ему, но остается по вкусу націи (*). Нѣтъ онъ выше этихъ формальностей; онъ соглашается на сохраненіе или установленіе такой формы, — и неизмѣнно

(*) Кромвелль не исключеніе изъ этого. Національная сила была тогда на сторонѣ республиканцевъ. Какая форма правилась ему самому, трудно рѣшить; вѣроятнѣе всего, что очень долго, — даже, когда Карлъ I былъ уже въ плѣну у республиканцевъ, Кромвеллю все еще было бы пріятнѣе всего возстановить престолъ и на престолъ этотъ возстановить Карла I. Потомъ, онъ перешелъ изъ этого стюартовскаго монархизма едва ли не прямо къ тому расположенію мыслей, поддавшись которому, Наполеонъ I титуловалъ себя императоромъ. Но Кромвелль не поддался своему влеченію, — онъ остался военнымъ командиромъ Англій. Быле ли между этими двумя монархическими влеченіями время, когда онъ былъ дѣйствительно республиканцемъ — вещь очень сомнительная.

управлять по ней,—такой формы, которая въ данное время въ данной странѣ доставляетъ правительству наиболѣе довѣрія и расположенія, то есть, давая наиболѣе благосостоянія населенію страны, даетъ наиболѣе могущества ея правителю.—Не полагайте, читатель, что я отклонился отъ прямого предмета статьи: нѣтъ, безъ этого объясненія невозможно было бы изложить осязательнымъ образомъ того, какъ легко и простительно было правителямъ европейскихъ державъ ошибиться въ характерѣ новаго французскаго правительства. Читать статью о прошедшихъ фактахъ и объ общихъ историческихъ истинахъ—вещь очень легкая сравнительно съ задачею быстро понять многосложный фактъ, едва еще начинающій раскрывать свою сущность. Но согласитесь, что на этихъ моихъ двухъ-трехъ страницахъ о великихъ правителяхъ есть многое, надъ чѣмъ могутъ усомниться люди и неглупые и довольно, повидимому, знающіе. А всякій, кто, читая эти страницы, не скажетъ: „ну, разумѣется, это яено, какъ $2 \times 2 = 4$ и очень давно извѣстно мнѣ“, всякій такой человѣкъ, читатель, не имѣетъ никакого права осудить ошибку правительствъ и пацій, послужившую, какъ мы увидимъ, причиною напрасной Крымской войны. Только тотъ могъ понять тогда характеръ новаго французскаго правительства, кто былъ совершенно холоденъ къ вопросу о формѣ правленія. Кто расположенъ былъ думать, что монархическая форма вообще лучше республиканской, тотъ долженъ былъ почувствовать симпатію къ правительству, возстановившему эту форму. Почти всѣ правители почти всѣхъ первостепенныхъ и второстепенныхъ державъ подошли подъ эту развилину дилеммы. Симпатія помѣшала имъ быстро проникнуть глубже формы въ сущность дѣла. Кто расположенъ былъ вообще предпочитать республиканскую форму, подошелъ подъ другую развилину дилеммы: онъ почелъ новыхъ правителей Франціи титанами злодѣйства, потому что они, какъ вы видите, совершили дѣйствительно ужасающія вещи; а злодѣи они или нѣтъ, довольно того, что они показались титанами,—титаны не дѣлаютъ пошлыхъ мелочей, титаны не поднимаютъ шумъ для шума, безъ всякаго другого смысла и намѣренія, кромѣ какъ поднять шумъ. Итакъ, и республиканцы, и монархисты Европы могли легко не замѣтить во время, какую мелкую штуку выкидываетъ новое французское правительство,—и штука по иностранной политикѣ удалась, какъ продѣлка въ ночь съ 1 на 2 декабря, и за этою удачею необходимо послѣдовала, даже почти безъ воли штукарей, мутившихъ воду изъ Парижа, Севастопольская рѣзня, какъ за прежнюю продѣлкою надъ Парижемъ послѣдовали убійства 4 декабря.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ положеніе: правительство одной изъ великихъ державъ цѣлый годъ подвергается раздражающимъ неприяностямъ изъ-за предмета совершенно неважнаго, и подвергается отъ кого же?—отъ правительства державы, которая остается существующею благодаря охраненію, даваемому ей со стороны оскорбляемаго ею теперь правительства. Согласитесь, читатель, что правитель этой оскорбляемой сильной державы не заслуживаетъ особеннаго порицанія, если наконецъ приходитъ къ мысли: „мнѣ трудно продолжать быть охранителемъ этого столь слабого и столь наглаго передо мною правительства“.—Только. Больше ничего не требовалось. Вотъ и явился восточный вопросъ. А какъ онъ явился, то и стало уже и очень плохо: въ

Европѣ не было тогда великаго дипломата,—да и великій дипломатъ, какъ мы знаемъ, не успѣлъ развязать испанскаго вопроса, какъ изъ испанскаго вышла отличная война и изъ восточнаго недурная.

Я не говорю, читатель, что тутъ не было ошибки. Теперь каждый видитъ, что была. Турецкое правительство не было достойно даже и того, чтобы сердиться на него,—оно было только игрушкой въ рукахъ французскаго. Но я хотѣлъ показать вамъ, что тогда не такъ легко было избѣжать этой ошибки, какъ легко видѣть ее теперь.

Да, читатель, Севастопольской войны не было бы только въ такомъ случаѣ, если бы для русскаго императора было совершенно одинаково видѣть какое бы то ни было внутреннее устройство во Франціи. Онъ любилъ монархическую форму,—но все равно, читатель, если бы ему и нравилась республиканская, а не монархическая, онъ точно такъ же не въ силахъ былъ бы повѣрить, что повое французское правительство имѣетъ намѣренія до невозвѣрности мелочныя—собственно только одно намѣреніе: поднять шумъ. А безъ этого, нельзя было не разсердиться на турецкое правительство: вѣдь безъ этого казалось, что если бы оно держало себя менѣе двоедушно, то успѣло бы отдѣлаться отъ придирокъ французскаго,—что не французское правительство придирается къ нему, а оно само своимъ двоедушіемъ съеть неприятности между Франціею и Россіею. Предположите во французскомъ правительствѣ хоть малѣйшую долю чего нибудь похожаго на какой нибудь политическій расчетъ, и вы увидите, что нѣтъ возможности повѣрить, что оно цѣлый годъ мучить Турцію изъ-за ключа отъ Вилеемской церкви,—надобно будетъ предположить, что оно и само не радо этому дѣлу, какъ не радо ему русское правительство, и только не можетъ выпутаться изъ него, какъ не можетъ выпутаться и русское,—что слѣдовательно, во всей этой путаницѣ и происходящихъ изъ нея неприятностяхъ виновато турецкое правительство, которое, и точно, давно извѣстно какъ плохое, безтолковое, двоедушное, трусливое и нахальное. Согласитесь, что ошибиться было легко.

Впрочемъ, если и не согласитесь, все равно: своимъ порицаніемъ вы докажете только что принадлежите къ числу непогрѣшительныхъ мудрецовъ, не могущихъ въ среду извинить человѣку того, что въ понедѣльникъ онъ не совсѣмъ опредѣлительно предвидѣлъ, какая будетъ погода во вторникъ. Въ 1863 году очень видно, что изъ столкновѣній 1852 года должна была произойти Севастопольская осада въ 1854—1856 г.; теперь ясно даже, что именно въ столькихъ-то шагахъ отъ извѣстнаго кургана или буерака должна была быть начата траншея. Все это ясно, итакъ можете порицать.

Нѣтъ читатель, не въ томъ умъ, чтобы твердить годы и годы „виновать онъ“,—„виновать онъ“.—Люди, когда успѣютъ образумиться отъ ошеломленія бѣдою, должны начать думать: не виноваты ли и мы въ этой бѣдѣ? и если виноваты, то чѣмъ?—это небезполезно: быть можетъ, это хоть на одну каплю уменьшить бѣды ваши въ будущемъ,—можетъ быть,—какъ вы думаете, читатель? можетъ ли нація извлекать себѣ хоть маленькую долю оцѣтности изъ серьезнаго размышленія о прошломъ горькомъ опытѣ?

Если „да“, вы простите мнѣ, что иногда я буду рѣзко отзываться о большинствѣ русской публики при пересмотрѣ хода столкновѣній, изъ кото-

рыхъ произошла севастопольская война, и не буду оставлять вины русской публики прикрытыми молчаливымъ согласіемъ на ея любимую отговорку: „это правительство было виновато“. Нѣтъ, читатель, мы будемъ идти глубже, и если будутъ намъ представляться ошибки нашего правительства, то мы будемъ донскиваться, точно ли оно виновато, или большинство русской публики вводило его въ такія положенія, изъ которыхъ происходилъ вредъ для русской націи и ея правительства.

Но, — послѣ этого объясненія, продолжимъ нашъ разборъ разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, — разговоровъ, возбудившихъ потомъ столько крика, по моему мнѣнію неосновательнаго.

Къ чему между прочимъ служило это длинное объясненіе о общемъ характерѣ дѣйствій великихъ правителей? — оно было нужно именно въ этомъ мѣстѣ затѣмъ, чтобы читатель серьезно вникъ въ вопросъ: что же такое форма въ политическихъ дѣлахъ? — Каждый, пожалуй, готовъ согласиться съ отвлеченною истиною, что „сущность дѣла важнѣе формы“, но большинство мало вникаетъ въ важность этой истины, безпрестанно пренебрегаетъ сущностью изъ-за формы и даже готово кричать „невѣжда“ или „софистъ“, противъ писателя, старающагося серьезно проводить тотъ взглядъ что надобно смотрѣть на сущность дѣла, дорожить ею больше всего. Такъ безпрестанно кричали противъ меня мои рьяные литературные противники. А благодаря длинному объясненію, я хоть на этотъ разъ, быть можетъ, и успѣю показаться не совѣмъ неправымъ въ томъ, что говорю: всѣ великіе правители умѣли становиться выше формы. Я привелъ довольно длинный рядъ именъ ихъ, и прошу показать въ дѣятельности хоть одного изъ названныхъ мною великихъ правителей хоть одинъ важный фактъ, который не служилъ бы такъ или иначе, подтвержденіемъ вывода, высказываемаго мною *). Теперь, вѣроятно, уже яснѣе прежняго будетъ,

(*) Можетъ показаться страннымъ, что перечисляя столько великихъ правителей, изъ которыхъ иные даже и не очень знамениты у массы публики, я не ставлю въ ихъ разрядъ величайшую знаменитость новаго времени, Наполеона I. Прежде, я не объяснялъ случаевъ подобнаго моего несогласія съ обыкновеннымъ мнѣніемъ, полагая, что причины сами собою ясны всякому знакомому съ дѣломъ, хотя бы оя соглашался или не соглашался съ моимъ взглядомъ на дѣло. Но, какъ я сейчасъ сказалъ, безпрестанно выходило не то: меня называли невѣждою («смотрите-ко, господа, забылъ Наполеона I»), парадоксистомъ («смотрите-ко, господа, хочетъ произвести эффектъ оригинальничаньемъ»), софистомъ («смотрите-ко, господа, такой недобросовѣстный человекъ, что не хочетъ назвать Наполеона I великимъ правителемъ изъ-за того, что Наполеонъ I былъ императоръ») и изъ этого умнаго предположенія о причинахъ моего умно предположеннаго софизма слѣдовали размышленія о ужасности моего образа мыслей, который столько же понятенъ господамъ подобнымъ размыслителямъ, сколько всѣмъ намъ извѣстно родство Мельхиседека), — и все это изъ за того только, что я хоть сколько нибудь полагался на сообразительность людей, не раздѣляющихъ моего взгляда. Попробую же, для примѣра, указать здѣсь, что я вовсе не по невѣжеству, парадоксальничанью или софистикѣ не ставлю Наполеона I въ разрядъ такихъ правителей, какъ перечисленные мною. — По положенію и характеру дѣятельности, ближе всего будетъ сопоставить его съ Фридрихомъ II и Кромвеллемъ. Кто помнитъ существенные факты изъ жизни этихъ двухъ великихъ правителей, тотъ знаетъ, что они постоянно сохраняли обдуманность и благоразуміе среди блистательнѣйшихъ успѣховъ, — что на самомъ дѣлѣ они никогда не презирали врага,

хоть могли хвастаться презрѣніемъ къ нему для одобренія своихъ солдатъ, — никогда въ своихъ походахъ не нарушали правила здраваго смысла: иди впередъ не дальше, чѣмъ необходимо, — Фридрихъ, напирѣвъ, могъ бы нѣсколько разъ броситься на Вѣну или вторгнуться во Францію; это было бы очень эффектно, но онъ помнилъ, что это не нужно и вредно; — они всегда мирились при первой возможности и никогда не начинали хлопотливыхъ дѣлъ безъ крайней надобности; Кромвелль, напирѣвъ, не сталъ воевать съ Мазарини, хоть навѣрное истребилъ бы французскій флотъ (что было очень вкусно и ему, какъ ультра-протестанту, и всѣмъ англичанамъ, какъ людямъ уже думавшимъ о безусловности господства на моряхъ); онъ при первой возможности помирился съ Голландіею, хоть могъ завоевать ее (что было очень легоко ему и англичанамъ, по ихъ торговой враждѣ па голландцевъ): Кромвелль помнилъ, что ему (и Англіи) было бы вредно поддаться тому или другому соблазну. — Кто помнитъ и умѣетъ цѣнить такія вещи, тотъ, по моему мнѣнію, не можетъ не видѣть, что человекъ, безъ толку навязавшій себя на шею испанскія дѣла, бросившійся на Москву, не принимавшій въ 1813 году мирныхъ предложеній союзниковъ, — что этотъ человекъ былъ гораздо ниже Фридриха II и Кромвелля по силѣ ума и твердости воли. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ каждый можетъ согласиться, или не согласиться, какъ ему заблагоразсудится; но я прошу помнить, что оно имѣетъ на своей сторонѣ факты, не лишеныя значенія, и что эти факты можно принимать во вниманіе, не будучи ни невѣждою, ни софистомъ. Прошу господъ моихъ рьяныхъ противниковъ сообразить такой случай. Положимъ, что я не сдѣлалъ этой оговорки причинъ, по которымъ не причисляю Наполеона I къ правителямъ, подобнымъ Фридриху II, Питту Старшему и проч. — если бы кто вздумалъ въ такомъ случаѣ закричать про меня «невѣжда» — «софистъ» за этотъ пропускъ имени Наполеона I, — не далъ ли бы онъ мнѣ полного права смѣяться надъ нимъ? — Прошу ихъ, для пзспрѣнія ихъ ума, перечитать хорошенько біографію, напирѣвъ, Гоша, — и они увидятъ, что точно то же произошло бы, если кто вздумалъ закричать то же про меня за то, что я вазываю великимъ правителемъ этого предшественника Наполеона, хоть Гошъ умеръ въ такомъ періодѣ своей жизни и дѣятельности, какъ если-бы Наполеонъ I умеръ въ 1795 году, до своего перваго итальянскаго похода: основательные люди уже и въ 1795 году находили, что Наполеонъ I очень хорошій, чрезвычайно хорошій главнокомандующій, — это они уже видѣли по осадѣ Тулона и еще болѣе по Вандемьеровскому побойщу, о которомъ я упоминалъ выше. Я считаю это побойще гнуснымъ дѣломъ, но все-таки я не могу не признать, что въ немъ Наполеонъ выказалъ себя превосходнымъ мастеромъ военной техники, — оно вѣроятно болѣе свидѣтельствуетъ его полководческой талантѣ, чѣмъ Маренгская или Аустерлицкая битва, и безъ сомнѣнія гораздо больше, чѣмъ Бородинская. Кто не знаетъ мнѣнія основательныхъ спеціалистовъ, тому опять покажется, что я говорю софизмъ; а на самомъ дѣлѣ, это только показываетъ, что хоть я и вовсе не знатокъ военнаго дѣла, не знаю даже какъ осѣдлатъ лошадь простую ли, кавалерійскую ли, все равно, но кое-что читалъ или слышалъ отъ знающихъ людей объ этихъ битвахъ. Точно такъ, и о Гошѣ я сужу не на удачу, а кое-что читалъ о немъ. Никто не имѣетъ обязанности знать біографію Гоша; но кто скажетъ «вранье, будто Гошъ былъ геніальнѣе Наполеона I», — тотъ обнаружитъ, что не знаетъ или не понимаетъ фактовъ, дающихъ право думать такъ.

Это объясненіе очень длинно; но оно еще не кончено. Хотите ли, не хотите ли, читатель, а я укажу вамъ еще одно обстоятельство, изъ-за котораго могу быть названъ невѣждою, софистомъ и проч., если не объясню его. — Я все ссылаюсь на Маколея. Вотъ, рьяный противникъ тотчасъ и сообразить: «Маколей — это вся кладовая, изъ которой онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія; вичего кромѣ Маколея не читалъ. Малознающій шарлатанъ». — А почему я ссылаюсь именно на Маколея? — Его книга находится или скоро будетъ находиться въ рукахъ русской публики; только поэтому я и дорожу ею: публикѣ легко будетъ справиться, чтобы провѣрить, правду ли я говорю о вещахъ, въ которыхъ ссылаюсь на Маколея. — А то вѣдь очень можетъ быть, читатель, что хоть я и не Скалигеръ, Юстъ Липсій или Эразмъ Роттердамскій, у которыхъ заисъ свѣдѣній былъ изумительнъ, — но все-таки читалъ я кое-что и о Ришельѣ, и о Фридрихѣ II, и о Франклинѣ, и о другихъ геніальныхъ правителяхъ, и читывалъ не объ одномъ дѣлѣ, по-

когда я повторю прежнія мысли: если бы въ чплѣ тогдашнихъ англійскихъ правителей былъ человѣкъ, подобный Вильгельму III, или Фридриху II, или Франклину, попытка русскаго императора не была бы напрасна. Но замѣчательнѣйшимъ дипломатомъ изъ тогдашнихъ англійскихъ министровъ (виговъ) и предводителей оппозиціи (тори) былъ лордъ Пальмерстонъ, — человѣкъ, не равняющійся не только Вильгельму, даже Роберту Пилю или Кавуру, одинъ изъ обиденныхъ „великихъ людей на малыя дѣла“, — одинъ изъ людей, отлично изворачивающихся со дня на день, не безъ эффекта, часто и не безъ пользы для своего государства, но не способныхъ руководить ходомъ событій, а умѣющихъ только хорошо плавать по теченію и по вѣтру, нынѣ туда, завтра сюда, какъ случится. А партія нуждается въ партнерѣ. Русскій императоръ хотѣлъ, чтобы поведено было съ нимъ такое дѣло, вести которое могъ бы только новый Вильгельмъ III. Потому Вуффлеръ и былъ оставленъ на этотъ разъ при своемъ военномъ и никто изъ англійскихъ министровъ не захотѣлъ ввести его въ дипломатическія занятія. Если русскіе дипломаты не одобряли попытку своего государя именно на томъ основаніи, что предвидѣли напрасность, то они были совершенно правы.

Но за эту оговоркою о напрасности, я скажу, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ попытка была хороша. Англійскіе министры не взялись за дѣло потому, что оно было не подъ силу имъ; но имъ самимъ и большинству европейской публики показалось, что дѣло, отъ котораго они отказались, само по себѣ было бы вредно для Англій и всей Западной Европы. Въ этомъ они очень ошибались. Они говорятъ: русскій государь хотѣлъ слишкомъ многого для увеличенія могущества Россіи. Не забудемъ, что мы имѣемъ только первый базисъ, выставленный имъ для переговоровъ, по-просту сказать „первый запросъ“, съ котораго всегда дѣлается значительная сбавка, —

добномъ разбираемому мною. Но сошлясь я для примѣра на сходный случай изъ переговоровъ, веденныхъ положимъ Фридрихомъ Пили Франклиномъ, мои рьяные противники, не умѣя справиться объ этомъ, безъ церемоніи вообразятъ и возопіютъ: «ты невѣжда, этого не было». — Положимъ, я могъ бы сослаться на «Исторію XVIII вѣка» Шлоссера; но Шлоссеръ не такой охотникъ, какъ Маколей, класть въ ротъ разжеванное и пережеванное; его надобно читать со вниманіемъ, имѣть нѣкоторыя подготовительныя свѣдѣнія, чтобы понять, — а мои господа рьяные литературные противники лишали меня права предполагать въ нихъ эти качества: они не поняли бы, да пожалуй опять подвяли бы крикъ, — что, дескать у Шлоссера нѣтъ этого, — да еще, — чего не бывало съ вами, бывало и это, — вообразили бы: «вѣдь Шлоссера-то переводилъ онъ, (то есть, я) — такъ, можетъ быть, и перевралъ; вѣдь онъ, говорятъ, не знаетъ по нѣмецки». — Какъ вы прикажете разсуждать съ такими противниками, читатель, не принадлежащій къ нимъ? — Трудновато разсуждать, скажете вы. — Нѣтъ, скажу я: не трудновато, а только очень скучновато; да и грустновато: видѣть себя въ необходимости доходить до такихъ внушавшей «начатковъ ученія» людямъ немолодыхъ лѣтъ, чтобы они хоть эту статью оставили безъ криковъ «невѣжда писалъ», — «софистъ писалъ», — чтобы такіе крики хоть на этотъ разъ не мѣшали вамъ, читатель, спокойно читать эту статью съ дѣлпышъ, спокойнымъ вниманіемъ, какого, увѣряю васъ, заслуживаетъ писатель, который, каковы бы ни были степень его учености и таланта, человѣкъ серьезно и добросовѣстно ищущій истины съ честнымъ желаніемъ принести этимъ хоть немножко пользы намъ. За это желаніе вы простите ему и ту грубость, съ которою онъ говоритъ вамъ истину, — горькую истину. Онъ не умѣетъ писать мягко, — и не жалѣетъ объ этомъ: его грубая рѣчь по крайней мѣрѣ искренна.

переговоры—это дѣло коммерческое. Мы не знаемъ, до какой степени могло бы русское правительство „сбавить цѣну“, говоря по-коммерчески, если бы пошла серьезная переторжка. Мы видимъ только, что англичане имѣли бы полную возможность получить очень большую сбавку: первымъ словомъ русскаго государя было: „вы, англичане, можетъ быть, думаете овладѣть Константинополемъ,—этого я не могу допустить“,—а вѣдь въ сущности, очень можетъ быть, что только по этому опасенію онъ и высказывалъ, что „если понадобится, я на время введу въ него свои войска — не для того, чтобы стать его владѣтелемъ“, и вѣдь очень можетъ быть, что въ мысляхъ у покойнаго государя не было никакого другого дополненія къ этимъ словамъ, какъ только: „а единственно затѣмъ, чтобы охранить его отъ вѣчнаго занятія вами“. И вѣдь очень можетъ быть, что если бы найдена была комбинація, которая отнимала бы у русскаго государя это опасеніе, то онъ сказалъ бы: „да, вы уснокоили меня, и я вижу, что мнѣ не будетъ надобности подводить мой флотъ или мое войско и на сотни верстъ къ Константинополю“. Почему кто можетъ знать, что онъ не сказалъ бы этого? Дѣло неизвѣстное. Но по сопоставленію мыслей объ англійскомъ и о русскомъ занятіи Константинополя, дѣло очень и очень не лишенное правдоподобія.

Повторяю: я не имѣю претензіи знать,каковы были мысли русскаго императора, кромѣ тѣхъ, которыя онъ высказалъ. Но прибавляю: и никто не можетъ съ достовѣрностью знать этого; очень можетъ быть, что онъ и самъ не могъ бы сказать съ достовѣрностью, какія уступки въ первомъ запросѣ окажутся возможны,—это очень естественно, потому что размѣръ ихъ долженъ былъ опредѣляться предположеніями другой стороны.

Но я говорю, что эти уступки могли не быть значительны и очень значительны. Въ первомъ базисѣ переговоровъ онъ говорилъ: „я знаю, что вамъ, англичанамъ, пріятно было бы владѣть Египтомъ и Кандією; на это я согласенъ“. Само собою, что это такъ; англичанамъ, то есть большинству англійской публики, въ томъ числѣ всѣмъ вигамъ и всѣмъ тори, всѣмъ людямъ, бывающимъ министрами (кромѣ Гладстона) воображается, что это было бы очень выгодно для Англій. Я полагаю, что они ошибаются, что правъ Гладстонъ, который раздѣляетъ мнѣнія меньшинства англійской публики, находящаго, что подобное приобрѣтеніе, хоть бы досталось даромъ, было бы очень убыточно для Англій. Но я знаю также, что Гладстонъ тутъ ничего не значить. Итакъ, я знаю, что русскій императоръ нисколько не обманывался въ предположеніи того желанія, на которое и выразилъ согласіе. Но англійское правительство, хотя дѣйствительно раздѣляло эту наклонность большинства англійской публики, имѣло благоразуміе разсчитать что удовлетворить ей,—при данныхъ ли тогдашнихъ обстоятельствахъ, или при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, этого мы не знаемъ,—было бы вредно для Англій. Этотъ, разсудительный, по моему мнѣнію, расчетъ дѣлаетъ ему честь. Итакъ, оно рѣшило: „мы не станемъ брать ни Египта и ни Кандію“ и прислало Сеймуру инструкцію въ этомъ смыслѣ (конечно, читатель понимаетъ же, что Сеймуръ не на авось сказалъ покойному государю „Англія не желаетъ“—такъ на авось посланники не говорятъ). Ясно, что при такой умѣренности (безкорыстіи, разсчетливости, назовывайте, какъ хотите,—по-

моему: при такой разсудительности) англійскаго правительства покойный государь не могъ не увидѣть, что и ему не нужно такихъ большихъ гарантій для сохраненія баланса съ Англією, какія были нужны въ случаѣ, если бы англійское правительство было менѣе разсудительно (то есть менѣе тщеславно и алчно).

Ясно, что уже первое удостовѣреніе о дѣйствительныхъ рѣшеніяхъ англійскаго правительства вело покойнаго государя къ расположенію (это несомнѣнно по законамъ человѣческой природы; къ расположенію, а по всей вѣроятности слѣдуетъ думать больше: не только къ расположенію, къ полной готовности) измѣнить первоначальный запросъ въ менѣе высокій. Съ одной стороны, являлся фактъ: „нѣтъ напора“ — съ другой, натурально оказывалась возможность уменьшить силу контрфорсовъ. По моему мнѣнію, ясно какъ день, что Западная Европа могла заключить съ покойнымъ государемъ соглашеніе на условіяхъ, гораздо менѣе обременительныхъ во мнѣніи большинства ея публики (а по моему мнѣнію, гораздо лучшихъ и для Россіи), чѣмъ тѣ, которыя были выставлены только какъ первоначальный базисъ для обозначенія черты, съ которой поведется сближеніе взаимными уступками,

Но пусть не было бы сдѣлано покойнымъ государемъ никакой сбавки; станемъ на ту несообразную ни съ чѣмъ точку зрѣнія, на которую угодно было взгромоздиться тогда большинству европейской (и нашей) публики, — согласимся забыть, что „первоначальный базисъ“ не есть „ультиматумъ“, — то есть забыть, что конвенція или трактатъ всегда бываетъ несравненно мягче съ обѣихъ сторонъ, чѣмъ черновой проектъ перваго меморіала, съ котораго начинается дѣло, — вообразимъ себѣ, что Западная Европа (представляемая Англією) приглашалась не условливаться, не торговаться, — а сказать прямо только „да“ или „нѣтъ“ на вопросъ: „въ этихъ условіяхъ не можетъ быть ни убавки, ни прибавки ни одной юты; принимаешь ли ты ихъ?“ — Западной Европѣ (и нашей публикѣ) заблагодарзеудилось поднять вопль въ этомъ тонѣ. Посмотримъ, дѣйствительно ли первоначальныя условія имѣли такой смертоубійственный для Западной Европы характеръ, какой возмутилъ ее тогда.

Первое изъ условій этого черноваго проекта со стороны покойнаго государя было: пусть будутъ обращены въ самобытныя государства по границамъ національностей всѣ области, лежащія между Россією и окрестностями Константинополя (или всею полосою южнаго турецкаго побережья, населенною греками — слова государя въ той формѣ, въ какой были записаны Сеймуромъ, не опредѣляютъ съ точностью границъ пространства, остающагося при Константинопольскомъ предполагаемомъ владѣніи). Само собою, противъ этого никто не можетъ сказать ничего: это хорошо, на всякіе глаза, кромѣ развѣ австрійскихъ; австрійскіе одни не важны. Ни Англии, ни Франціи, ни Пруссіи нѣтъ ни малѣйшей радости собственно въ томъ, что турки насилуютъ сербовъ и болгаръ: на этотъ счетъ можно быть увѣреннымъ. Но государь прибавлялъ: „эти государства пусть будутъ подѣ протекторатомъ Россіи“, — вотъ одна изъ двухъ причинъ, отпугнувшихъ отъ переговоровъ англійское правительство. Оно правда; правителямъ, живущимъ со дня на день, должно было показаться, — какъ потомъ показалось и большинству ев-

ропейской публики,—что это значить: „эти области будутъ отдѣльными государствами только по имени, а на дѣлѣ будутъ русскими провинціями“. Я не имѣю претензіи знать, раздѣлялъ ли покойный государь такое ожиданіе или находилъ его ошибочнымъ. Но нѣтъ для меня никакого сомнѣнія о томъ, какъ пошло бы дѣло на самомъ дѣлѣ: черезъ десять лѣтъ послѣ извѣстнаго историческаго столкновенія очень не трудно понять его сущность, если ты не совѣмъ чуждъ знанія исторіи и можешь наводить географическія и статистическія справки. Это не большая мудрость. Ею гордиться нельзя. Потому я не вижу особенныхъ причинъ приписывать особенную гениальность слѣдующему соображенію, по моему мнѣнію очень нехитрому: сила вещей очень скоро заставила бы Англію, Францію, Австрію (съ поддержкою отъ всѣхъ другихъ державъ Западной Европы) стать охранительницами новыхъ государствъ; и кто бы ни назывался на бумагѣ протекторомъ этихъ государствъ, на фактъ они были бы подъ протекторатомъ всей Европы, отъ Гибралтара до Уральскаго хребта. Въ немного лѣтъ эта группа сдѣлалась бы гораздо болѣе самостоятельна, чѣмъ теперь Турція. Россія имѣла бы въ столицѣ валаховъ, столицѣ сербовъ, столицѣ болгаръ меньше вліянія, чѣмъ даже и теперь имѣеть въ Стамбулѣ, лагерѣ одряхлѣвшей орды, помыкаемой всѣми; точно такъ же и другія великія державы не имѣли бы возможности командовать въ этихъ столицахъ такъ, какъ поочередно командуютъ въ Стамбулѣ. Были бы отъ этого убытокъ или вредъ Россіи ли, какой ли другой изъ великихъ или второстепенныхъ державъ, объ этомъ каждый можетъ думать по своему; я полагаю, что отъ этого была бы польза и Англіи, и Франціи, и Россіи, и всякой другой державѣ, имѣющей какое нибудь естественное основаніе быть особенной державою. По моему, Англія не въ убыткѣ отъ того, что не можетъ помыкать Голландією, Россія не въ убыткѣ отъ того, что не можетъ помыкать Швецією или Пруссією. Можетъ быть, въ этомъ мнѣніи я ошибаюсь,—это каждый пусть рѣшаетъ по своему. Но рѣшать надобно только то, правился ли бы кому изъ насъ такой фактъ. А что фактъ вышелъ бы таковъ, это вещь независимая отъ разности мнѣній. Нѣкоторымъ нравится, что у европейскихъ мужчинъ растеть борода,—другимъ, можетъ быть, это и не нравится,---но можно не спорить о томъ, растеть ли борода у европейскихъ мужчинъ. Я впрочемъ не удивлюсь, если это мое мнѣніе будетъ принято за парадоксъ.

Понимать въ 1863 году что вышло бы изъ проекта, составленнаго въ 1853 году, — вещь, не требующая особеннаго ума. Понять это въ 1853 году — иной вопросъ. Кто понималъ, имѣлъ право быть считаемъ за очень умнаго человѣка; кто не понималъ, не заслуживаетъ особеннаго порицанія, потому что огромное большинство даже и очень неглупыхъ людей не понимало. Но все таки не въ этомъ важность, кто заслуживаетъ похвалы, кто не заслуживаетъ порицанія; важность въ томъ, что человѣкъ, подобный Вильгельму III или Ришльё не усомнился бы пойти на такую сдѣлку съ Россією, если бы русское правительство не сдѣлало никакой уступки; и убѣдилъ бы другія великія державы принять эту сдѣлку.

Это песомнѣнно. Разсчитать теперь ясенъ. Въ теченіе десяти лѣтъ итоги подвелись. Но по всей вѣроятности, если бы англійское правительство тогда

не отпугнулось от переговоров призрачною опасностью этого базиса ихъ для Западной Европы, то русское правительство и не отказалось бы видоизмѣнить термины его такъ, что даже и мѣражъ опасности разсѣялся бы. Я не имѣю претензій знать то, что говорилось и предполагалось между покойнымъ государемъ и его довѣренными совѣтниками. Но теперь и нѣтъ надобности знать этого, чтобы положительно сказать: русское правительство, каковы ни были его расположенія во время разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, не нашло бы затруднительнымъ для себя видоизмѣнить термины своего перваго проекта для успокоенія Европы за чистоту своихъ намѣреній. Это доказано,—по моему мнѣнью, къ чести русскаго правительства: каждый читатель можетъ рѣшать по-своему, къ чести или нѣтъ; я знаю, что и русская земля, какъ всякая другая земля не лишена счастья имѣть въ числѣ своихъ дѣтей фанфароновъ и бреттеровъ, но полагаю, что ни нація, ни правительство, ни серьезный писатель не обязаны быть очень чувствительны къ мнѣнью такихъ господъ,—поэтому и не очень конфужусь, говоря, что, по моему мнѣнью, къ чести русскаго правительства служить фактъ, бывшій черезъ нѣсколько времени послѣ разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ. Переговоры съ Турціею продолжались; Россія формулировала одно изъ своихъ требованій такимъ образомъ: для огражденія турецкихъ подданныхъ греческаго исповѣданія отъ притѣсненій Россія должна имѣть протекторатъ надъ ними. Европа нашла, что въ этомъ видѣ, условіе тревожить ее; русское правительство согласилось выразить его въ другихъ терминахъ: всѣ великія державы должны имѣть совокупный протекторатъ. Я нахожу, что это измѣненіе терминовъ дѣлаетъ честь русскому правительству. Цѣль была—охраненіе болгаръ, сербовъ отъ обидъ со стороны нахаловъ изъ числа мусульманъ (я знаю, что далеко не всѣ турецкіе мусульмане нахалы: въ славянскихъ земляхъ Турціи есть не очень мало такихъ пашей, кади и другихъ мусульманскихъ начальниковъ, которые не притѣсняютъ христіанъ; но—не всѣ же таковы, потому огражденіе нужно для христіанъ,—въ этомъ не спорили и другія великія державы); эта хорошая цѣль достигалась и новою формулировкой, какъ прежнею; а новая была приятнѣе для Европы, потому удобнѣе и для Россіи, чѣмъ прежняя; поэтому русское правительство, согласившись на замѣну прежней формулировки новою, имѣло полное право считать себя выигравшимъ сущность дѣла и вмѣнять себя въ заслугу передъ своею націею и передъ Европою,—а главное, передъ турецкими христіанами,—свою благо-разумную сговорчивость.—Но это только мое мнѣніе, что фактъ, рассказанный мною, служитъ къ чести русскаго правительства; кому не совѣстно представлять себя трагическимъ героемъ передъ всѣми разсудительными людьми, можетъ утверждать противное. Тутъ разность мнѣній возможна. Но не возможна никакая разность мнѣній о томъ, что фактъ былъ именно таковъ; также и о томъ, что онъ совершенно параллеленъ первому базису разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, и что характеръ его развитія вслѣдствіе переговоровъ несомнѣнно опредѣляется, каковъ былъ бы характеръ развитія этого базиса: по всѣмъ законамъ человѣческой вѣроятности, надобно думать, что если бы пошли переговоры объ этомъ базисѣ, русское правительство не затруднилось бы успокоить Европу соглашеніемъ на замѣну термина „иро-

протекторатъ Россіи надъ этими новыми государствами“ терминомъ „совокупный протекторатъ великихъ державъ“ надъ ними. По моему мнѣнію, Россія ни на одинъ золотникъ не уменьшала бы своего вѣса въ этихъ государствахъ черезъ такую замѣну: я полагаю, что вліяніе одного государства на другія соразмѣрно его дѣйствительной силѣ и даровитости его правительства, а не тому, какія слова написаны на какой бы то ни было бумагѣ, хотя бы даже на бумагѣ самыхъ безспорно уважаемыхъ всѣми трактатовъ. Вотъ уже около 50 лѣтъ, во всѣхъ трактатахъ пишется, что всѣ пять великихъ державъ имѣютъ совершенно равный голосъ; и никто никогда не нарушалъ и не оспаривалъ этого правила. Однако же, голосъ Россіи или Англіи, или Франціи по большей части дѣлалъ, рѣшаемыхъ совѣщаніями пяти великихъ державъ, сильнѣе голоса Пруссіи. Я полагаю даже, что если бы пяти великимъ державамъ вздумалось принять въ свой коллегіумъ государство Саксенъ-Кобургское, то вѣсъ этого государства въ Европейской политикѣ не увеличился бы. Но я полагаю, что Саксенъ-Кобургское правительство не согласилось бы войти въ этотъ коллегіумъ: для него, это слишкомъ убыточно: его финансы разстроились бы отъ принятія на себя обязанности имѣть такой многочисленный дипломатическій корпусъ, какъ Пруссія, не говоря ужъ объ Англіи, или Россіи. Но быть можетъ, я ошибаюсь; быть можетъ, достаточно написать на бумагѣ: Саксенъ-Кобургъ очень могущественная держава, — Голландія, Швеція, Баварія, — не говоря ужъ объ Испаніи, — почувствуютъ, что Саксенъ-Кобургъ гораздо могущественнѣе ихъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но я не думаю этого.

А пока я не думаю этого, я по необходимости разсуждаю слѣдующимъ образомъ: какія слова были бы написаны на бумагѣ, учреждающей протекторатъ надъ подданными ли греческаго исповѣданія въ земляхъ Турціи, или надъ новыми государствами, возникающими изъ ея развалинъ, — „протекторатъ Россіи“ или „протекторатъ великихъ державъ“, это для существа дѣла все равно; а при данныхъ обстоятельствахъ, можно сказать, что та форма словъ выгоднѣе для Россіи, которая удобнѣе для нея; а удобнѣе та, которую написать легче. Такъ ли, читатель, или нѣтъ? Не бойтесь, такъ; дѣло ясное.

Вотъ какъ просто судить о дѣлѣ черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ оно было. Но, читатель, честь тѣмъ не очень многимъ, которые и тогда умѣли понимать его такъ же ясно. Кто они, все равно. Но кто бы они ни были, все равно: они люди очень не глупые, — по моему мнѣнію. А мы теперь, видя, что еще не рѣшая, кого слѣдовало бы хвалить по дѣлу, которое мы разбираемъ теперь, — по разговорамъ, надѣлавшимъ столько шума, — но уже видя, что порицать некого, двинемся дальше, — отъ перваго изъ условій, высказанныхъ покойнымъ государемъ со стороны Россіи, перейдемъ ко второму.

Оно было также источникомъ воцѣли въ Европѣ. Вы видѣли, что покойный государь не высказалъ опредѣленнаго прозкта объ окончательной судьбѣ, которую желалъ бы дать Константинополю съ прилежащею мѣстностью. Само собою, сообразительность большинства западно-европейской, да тоже и нашей публики, ни мало не затруднилась увидѣть въ чемъ дѣло. „Я не войду въ него владѣльцемъ; войду только временно занять его моими войсками“, — „то есть“ — дополнила сообразительность — „и посадить тамъ государемъ своего родствен-

ника“, основать въ Константинополь государство для одной изъ младшихъ линій русской династіи,—это ясно“. Во первыхъ и во вторыхъ, вовсе не ясно. Во первыхъ не ясно потому, что тамъ,—въ подлинномъ-то документъ Сеймура, сказано, какъ мы видѣли, не „войду“, а „можетъ быть войду“—сообразительность заблагоразсудила не сообразить этого. А мы ужъ замѣтили, что вѣдь тоже очень можетъ быть, что все это „можетъ быть“ или „если понадобится“ относится только къ устраненію опасенія, чтобы не захватили Константинополя англичане. И въ такомъ случаѣ, все зданіе сообразительности падаетъ, какъ скоро покойный государь получаетъ увѣреніе, что англичане не тронуть Константинополя,—тогда вѣдь очень возможная вещь такой отвѣтъ: „прекрасно; и мнѣ нѣтъ охоты трогать его“. Итакъ, не ясно, что русскія войска хоть временно вошли бы въ Константинополь. А если Константинополь не занятъ русскими войсками, то желаніе русскаго государя еще не рѣшаетъ, кому быть тамъ государемъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, не ясно даже и было ли у него желаніе учредить въ Константинополь секундогенитуру, престоль для одной изъ младшихъ линій своей династіи. Я не имѣю претензіи знать, что говорилъ покойный государь по этому вопросу своимъ приближеннымъ. Я знаю, какъ и всѣ, что Европа думаетъ, будто онъ говорилъ имъ именно это; я не знаю, ошибается ли Европа въ этой своей молвѣ; но вотъ что я знаю, читатель,—и вы должны знать, если вы читывали историческія книги, какія бы то ни было, все равно,—хоть бы только по части римской исторіи или не дальше крестовыхъ походовъ: я знаю, что молва эта, будь она ошибочна, будь она вѣрна, все равно еще ровно ничего не значить. Изъ нея никакъ нельзя выводить заключенія о томъ, каково было бы дѣйствительное предложеніе покойнаго государя, когда бы онъ сталъ говорить англійскому посланнику въ Петербургѣ или сталъ бы поручать своему посланнику въ Лондонѣ сказать англійскому правительству, на какое свое предположеніе о судьбѣ Константинополя онъ ожидаетъ согласія Англии. Кромвелль, Вильгельмъ III, Фридрихъ II—даже и они не всегда же были только дипломатами и правителями. Даже и они въ простыхъ разговорахъ выражали свои мысли не въ такой формѣ, которая цѣликомъ такъ и переходила бы въ окончательныя объясненія. Итакъ, неизвѣстно,—не мнѣ одному, а вѣроятно никому, каково было бы рѣшительное предложеніе покойнаго государя англичанамъ о Константинополь. Очень вѣроятно, что онъ и самъ не опредѣлилъ этого безусловно, когда вызывалъ англичанъ на объясненія. Дѣло разъясняется для обѣихъ сторонъ именно самымъ ходомъ объясненій. Но положимъ,—чего нельзя сказать навѣрное,—что онъ потребовалъ бы Константинополь для одной изъ младшихъ линій своей династіи, какъ думаетъ Европа, и ни на волосъ не уступилъ бы въ этомъ требованіи. Я говорю, что даже такое условіе не помѣшало бы человѣку въ родѣ Вильгельма III пойти на сдѣлку, убѣдить всю англійскую націю, всю Европу принять ее. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть прочтетъ у Маколея изложеніе переговоровъ Вильгельма съ Людовикомъ по испанскому вопросу. Тамъ онъ увидитъ, что Вильгельмъ охотно соглашался на такія притязанія Людовика, которыя обыкновенному дипломату показались бы гораздо опаснѣе, чѣмъ предполагаемыя Европою требованія покойнаго государя. Почему соглашался Вильгельмъ,—почему онъ не видѣлъ ничего страшнаго въ томъ, что запугало бы людей менѣе зоркихъ, объ этомъ можно про-

честь у Маколея. А почему не было бы страшнымъ для Европы увеличеніемъ русскаго могущества, если бы она согласилась на предлагаемое ей желаніе покойнаго государя отдать младшей линіи его династіи Константинополь съ прилежащими землями, — почему не запугало бы такое желаніе челоуѣка, подобнаго Вильгельму, это можно пояснить двумя примѣрами изъ французской исторіи.

Первый примѣръ, — занятіе испанскаго престола младшею линіею французской династіи. Сила Франціи въ XVIII вѣкѣ до самой революціи была гораздо меньше, чѣмъ во второй половинѣ XII вѣка; и одною изъ главныхъ причинъ ослабленія было именно занятіе испанскаго престола младшею линіею французской династіи. Этотъ фактъ долженъ быть извѣстенъ и понятенъ даже рьянымъ моимъ литературнымъ противникамъ. Франція была истощаема усиліями въ пользу испанскихъ бурбоновъ; испанскіе бурбоны не были прочными союзниками Франціи. Франція была связана въ своихъ дѣйствіяхъ своими отношеніями къ Испаніи. Это фактъ.

Другой примѣръ — исторія Наполеона I и покровительствуемыхъ имъ государей. Когда дѣла Наполеона пошли дурно, ни одинъ изъ нѣмецкихъ государей Рейнскаго союза не отпалъ отъ него, каждый съ полнымъ усердіемъ до послѣдней возможности помогаль своему протектору. А Мюратъ отпалъ отъ него; отпалъ даже Евгенийъ Богарне, — челоуѣкъ, который былъ не чета Мюрату. Эти двое стали дѣйствовать во вредъ ему только когда его положеніе сдѣлалось очень дурно. А всѣ трое остальные родственники, получившіе отъ него престолы, бѣсили его своими неудобными для него поступками съ самаго же перваго дня, какъ получили отъ него престолы, и бѣсили съ этого дня неукоснительно каждый день. У Людовика (голландскаго) онъ былъ принужденъ формально отнять престолъ, потому что Людовикъ, — это не безчестье, а честь самому Людовику, — прямо становился противъ Франціи, держаль руку англичанамъ и русскимъ. У Иосифа (испанскаго) и Иеронима (вестфальскаго) Наполеонъ не отнялъ титуловъ и резиденцій, какъ у Людовика, но принужденъ былъ отнять власть и передать управленіе ихъ королевствами постороннимъ людямъ. — А' ему не встрѣчалось дѣлать ничего подобнаго съ государями чужихъ династій, земли которыхъ взялъ онъ подъ свой протекторатъ: государями Баварскимъ, Баденскимъ, Вюртембергскимъ, Саксонскимъ и проч. онъ былъ постоянно и неизмѣнно доволенъ. Это не значить, что нѣмецкіе государи Баварин, Бадена, Вюртемберга, Саксонин и проч. были идеалами преданности, благодарности и проч., или, наоборотъ, были дѣйствительно низкими, раболѣпными людьми, какими иногда легкомысленно называютъ ихъ и нынѣшніе писатели съ хвастливаго голоса тогдашнихъ французскихъ фанфароновъ или съ голоса раздраженныхъ тогдашнихъ (не очень разумныхъ, хотя и совершенно честныхъ) нѣмецкихъ ультра-патріотовъ, — точно такъ же и не значить это съ другой стороны, что родственники Наполеона были люди безумные и неблагодарные, какъ повторяютъ многіе по раздраженному Сентъ-Эленскому голосу Наполеона. Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Между нѣмецкими государями Рейнскаго союза большая часть были люди холодной души и люди очень гордые. Они не могли быть лакеями раболѣпства, не могли быть ангелами рыцарской преданности. Они, правда, угощали алчныхъ французскихъ генераловъ и сановниковъ, давали имъ взятки, — пожалуй, нѣкоторые даже

и льстили нѣкоторымъ, — но со скрежетомъ зубовъ отъ горькаго чувства униженія, — и все-таки, вообще говоря, держали себя съ большимъ достоинствомъ даже передъ этими нахалами и грабителями, которыхъ такъ часто Наполеонъ ставилъ своими намѣстниками съ властью татарскихъ баскаковъ; а съ тѣми французскими генералами и сановниками, которые были не безчестные люди, почти все нѣмецкіе государи Рейнскаго союза держали себя и вовсе безукоризненно со стороны формъ, — и съ самимъ Наполеономъ также. И однако-жъ эти государи, почти все или очень гордые люди или благородные люди (какъ король Саксонскій), оставались вѣрными и усердными друзьями Франціи, хотя тяжесть протектората чувствовалась ими какъ нельзя впечатлительнѣе. Это просто потому, что существенные интересы ихъ и ихъ государствъ требовали того. А родственники Наполеона, державшіе себя такъ неудовлетворительно, были лучше большинства этихъ государей. Только Мюратъ былъ человѣкъ ненадежный, по своему легкомыслію, — остальные четверо все были и очень неглупы (Иосифъ даже и очень уменъ, Евгений Богарне, кажется, тоже) и очень недурные люди по сердцу, — Евгений Богарне даже очень и очень благородный человѣкъ; Иосифъ — тоже хорошій; о Людовикѣ нечего и говорить. Изъ пятерыхъ — повторяю — только Мюратъ могъ стать неблагодаренъ по легкомыслію и фанфаронству; остальные четверо — никакъ не были способны стать плохими людьми. И однако же — мы говорили, каковы были ихъ отношенія къ Наполеону. Почему это было такъ, — вопросъ не затруднительный, но требующій длиннаго отвѣта, краткая сущность котораго проста: родственники суть родственники, то есть, члены семейства, и потому бываютъ хороши между собою, когда имѣютъ между собою семейныя отношенія: обѣдаютъ вмѣстѣ, пьютъ чай (у французовъ — кофе) вмѣстѣ, заботятся о здоровьи другъ друга, совѣтуются на-распашку, по родственному, веселятся вмѣстѣ. Но смѣшеніе двоякихъ отношеній, существенно разнородныхъ, не ведетъ ни къ чему, кромѣ неудобствъ, и черезъ неудобства ведетъ къ неизбѣжности взаимныхъ неудовольствій. Отношеніе между двумя государями совершенно разнородно съ отношеніемъ между двумя родственниками. Потому, неудобно одному государю быть братомъ или сыномъ другого государя. Почему неудобно, это можно пояснить другимъ сходнымъ неудобствомъ. Между государемъ и подданнымъ могутъ существовать безъ всякаго неудобства очень близкія дружескія отношенія: быть одному изъ этихъ двухъ лицъ человѣкомъ зависимымъ и человѣкомъ искренно преданнымъ, быть другому изъ нихъ человѣкомъ повелѣвающимъ и человѣкомъ искренно уважающимъ повинующагося — это вещи, не заключающія въ себѣ противорѣчія, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи нравовъ. Потому, никто изъ государственныхъ людей не говорилъ, что европейскимъ государямъ есть надобность или польза вести такой скучный образъ жизни, какой ведутъ японскій (мнимый, а не настоящій) государь даири (по принужденію отъ настоящаго государя, кубо) и (тоже мнимый) тибетскій государь (тоже по принужденію отъ настоящаго государя, китайскаго императора и его намѣстника въ Тибетѣ): эти несчастные люди на самомъ дѣлѣ отдѣлены отъ сношеній со всеми безъ исключенія мужчинами, какъ несчастныя турецкія дамы отдѣлены на словахъ. Европейскіе государи живутъ какъ слѣдуетъ жить людямъ: имѣютъ пріятелей партнеровъ

для виста, для обѣда, ужина, для игры на бильярдѣ, для простого разговора, служащаго отдыхомъ отъ серьезныхъ занятій, — и ничего дурного не выходитъ изъ этого: можно быть и пріятелемъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, не нарушая формъ, приличныхъ для соблюденія подданному. Но есть такія отношенія семейной фамиллярности, которыя противорѣчатъ понятію „подданный“ въ точномъ смыслѣ слова, на примѣръ, звать коронованную особу полуименемъ — „Викторинька“ — my dear Victoria, — вмѣсто „Вы, королева“, — говорить ей „давай-ко поскорѣ чаю, Викторія“ и т. п. — это не годится подданному; потому королева Викторія поступила очень основательно, выбравъ себѣ мужа не изъ числа своихъ подданныхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, можно было бы найти и въ Англіи человѣка не менѣе чѣмъ принцъ Альбертъ способнаго составить счастье всякой другой хорошей женщины; но именно только для одной изъ хорошихъ женщинъ въ Англіи, для королевы Викторіи это было невозможно: съ англичаниномъ она рѣшительно не могла бы жить такъ мирно, хорошо и счастливо, какъ жила съ принцемъ Альбертомъ, хотя бы этотъ англичанинъ былъ идеалъ всевозможныхъ семейныхъ достоинствъ и добродѣтелей. Какъ твердо вся публика всякаго государства понимаетъ основательность правила: „царствующее лицо должно избирать себѣ супруга или супругу не изъ числа своихъ подданныхъ, потому что отношенія подданства и супружества несомвѣстимы“, — также твердо знаютъ основательные историки и основательные государственные люди вѣрность другого общаго вывода изъ самой сущности дѣла и изъ множества примѣровъ: „каждая династія должна оставаться династією своего государства, имѣющею одинъ престолъ и только одну коронованную чету“; публика, не занимающаяся спеціально историческими изслѣдованіями или политическими вопросами, менѣе твердо знаетъ это правило; но менѣе твердо знаетъ его только потому, что вопросъ о его примѣненіи встрѣчается рѣже, чѣмъ вопросъ о бракосочетаніи лица царствующаго или предназначеннаго царствовать.

Но если извинительно Западной Европѣ не очень твердо знать эту несомнѣнную истину, то намъ, русскимъ, можно было бы понимать дѣла въ этомъ отношеніи очень ясно. Для націй Западной Европы національныя историческія событія не представляютъ воспоминанія о такомъ великомъ урокѣ, какой мы должны были бы видѣть въ явленіи, обнимавшемъ собою болѣе четырехъ столѣтій нашей исторіи. Средневѣковое распаденіе странъ на мелкія владѣнія приняло въ Западной Европѣ форму феодализма, — феодализмъ имѣлъ для каждаго свѣтскаго владѣнія особую мѣстную династію. У насъ точно такое же распаденіе имѣло другую форму, — форму раздробленія государства по вотчинному праву (въ смѣшеніи съ республиканскимъ вѣчевымъ началомъ, которое постепенно было подавлено вотчиннымъ), — по вотчинному праву въ его славянскомъ духѣ, по которому, какъ извѣстно, дается доля недвижимаго имущества каждому изъ сыновей. Это громадное явленіе прочно начинается, — послѣ нѣсколькихъ прелюдій, достойныхъ такого перваго акта, — начинается тѣмъ, что Святополкъ рѣжетъ братьевъ, — и послѣдній актъ, имѣющій за собою эпизоды, достойные такого послѣдняго акта, — кончается тѣмъ, что послѣдній великій князь Московскій, имѣющій серьезныхъ удѣльныхъ совладѣтелей, Василій Темный, ослѣпленъ этими совладѣтелями. По воспоминанію, уже безъ

серьезной надобности тянутся еще на полтора вѣка эпилоги: государи московскіе, все забывая, что они уже цари—единовластители, а не удѣльные великіе князья, истребляютъ своихъ родныхъ. Съ особеннымъ эффектомъ производится это въ двухъ послѣднихъ эпилогахъ: въ предпоследнемъ, Іоаннъ IV своею рукою убиваетъ своего сына; сынъ, изволите видѣть, показался ему соперникомъ, хочетъ разорвать и погубить Россію, передавшись ея врагамъ, какъ передавались въ старину князья тверскіе. Тутъ эффектное обстоятельство—близость родства между убивающею рукою и убиваемымъ организмомъ; а послѣдній эпизодъ необыкновенно эффектенъ по своимъ послѣдствіямъ: мудрый правитель, вѣрный слуга царя,—незвѣстно, устраниваетъ или нѣтъ, но волю одобряетъ то, что зарѣзываютъ послѣдняго представителя удѣльной формы, ребенка, которому имя удѣльнаго князя было дано только уже какъ почетный титулъ. Эффектъ извѣстенъ: два русскіе царя погибаютъ насильственною смертію, третій отведенъ въ плѣнъ къ иноземцамъ, государство подвергается непрерывному повсемѣстному грабежу въ теченіе цѣлой четверти столѣтія. Таковы эпилоги. А все время коренной драмы отъ убійствъ, совершенныхъ Святополкомъ, до ослѣпленія Василя Темнаго сплошь наполнено фактами, сообразными эпилогамъ, началу и концу драмы: „изгналъ“, „прогналъ“, „ослѣпилъ“, „насилно постригъ въ монахи“, „бросилъ въ порубъ (тюрьму безъ оконъ)“ князь князя, своего родственника—этимъ фактамъ нѣтъ счета: „убилъ“ князь князя, своего родственника—этихъ фактовъ цѣлые десятки. Само собою, что колоритъ фактовъ—средневѣковой, невозможный въ XIX вѣкѣ: теперь, соперничающіе претенденты не убиваютъ другъ друга, ссорящіеся государи родственники не ослѣпляютъ и не постригаютъ въ монахи другъ друга. Наполеонъ I,—какъ ни бывалъ свирѣпъ, въ случаѣ надобности или выпышки не казилъ своихъ совладѣтелей—родственниковъ,—только низвергалъ и отдавалъ въ опеку;—Мюратъ при всемъ своемъ легкомысліи, не подослалъ убійцъ къ Наполеону,—только измѣнилъ ему, передался врагамъ. Въ наше время нельзя дѣлать или опасаться такихъ грубыхъ вещей, какія бывали въ темную старину. Но вѣдь сущность дѣла не въ формѣ, не въ насильственныхъ постриженіяхъ и выкалываніи глазъ;—сущность дѣла въ чувствѣ вражды между родственниками, вражды непримиримой, безпощадной.

Отчего было это чувство у Рюриковичей? Неужели они были не люди,—неужели не женскою грудью, а сосцами волчицы, какъ Ромулъ и Ремъ, мифическіе прототипы нашихъ удѣльныхъ князей, были они выкормлены? Неужели въ ихъ душѣ не было натуральной всеѣмъ людямъ склонности любить родныхъ?—Конечно, они были люди, имѣли эту склонность; многіе были люди мягкіе, добрые; многіе—люди благороднаго сердца. А все-таки, ни у одного изъ нихъ нѣтъ біографіи безъ семейныхъ раздоровъ, страшныхъ, свирѣпыхъ;—и лучшіе изъ нихъ, Мстиславы, прославились больше всего усердіемъ и удачею, съ которою низвергали родственниковъ. Да, сущность дѣла была,—какъ и всегда останется,—неотвратима никакими личными достоинствами или добродѣтелями: однофамильцы не могутъ безъ вреда себѣ, безъ огорченій себѣ, безъ ослабленія своихъ государствъ быть между собою въ отношеніяхъ государей къ государямъ.

Хотите ли выяснитъ себѣ общій принципъ, подъ неотвратимою силою

котораго охватывается этотъ частный случай несовмѣстности отношеній?— Отношенія между государями—чисто дѣловыя, требующія полной холодности чувства между государями. Императоръ русскій не имѣеть никакихъ сильныхъ личныхъ чувствъ къ султану турецкому или королю шведскому, какъ Берингъ не имѣеть никакихъ серьезныхъ личныхъ чувствъ къ Штиглицу, помѣщикъ къ купцу, которому продаетъ свой хлѣбъ, къ магазинщику, у котораго покупаетъ мебель. Между-престольныя отношенія совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя въ частномъ быту называются коммерческими. Два брата не могутъ быть хозяевами двухъ фирмъ, имѣющихъ торговлю между собою; одинъ братъ не можетъ быть подрядчикомъ, входящимъ въ контрактныя условія съ другимъ; всѣ знаютъ, что это не годится, никто изъ благо-разумныхъ людей не становится въ такія отношенія: коммерческія дѣла ведутся только съ чужими людьми; иначе, и братья перессорятся, и дѣло пойдетъ у обоихъ плохо. Братья должны или имѣть общую фирму, или разойтись по такимъ дѣламъ, которыя не сводили бы ихъ въ коммерческіе расчеты. Одинъ братъ можетъ имѣть суконный магазинъ другой лавку серебряныхъ товаровъ, и они останутся въ ладу, потому что ихъ дѣла не соприкасаются. Въ подобномъ положеніи находятся династіи очень маленькихъ государствъ, не имѣющихъ далекаго круга серьезныхъ соприкосновеній: младшая линія можетъ безъ вреда себѣ и старшей линіи занять другой престолъ, престолъ государства, не имѣющаго серьезныхъ соприкосновеній съ кореннымъ государствомъ. Братъ герцога Баденскаго могъ бы безъ неудобства себѣ и ему стать королемъ шведскимъ. Но не только династія великихъ державъ, даже династіи голландская или испанская находятся въ другомъ положеніи: даже испанская династія уже соответствуетъ дому Ротшильдовъ, который находитъ невозможнымъ раздѣлить свою фирму, — въ свѣтъ не достаетъ мѣста, чтобы обособившаяся фирма могла не сталкиваться съ коренною: дѣла коренной фирмы слишкомъ обширны. Подобно коммерческимъ отношеніямъ, между-государственныя, между-престольныя отношенія требуютъ точнѣйшаго взаимнаго учитыванья до копѣйки; до малѣйшей мелочи балансъ долженъ быть ровень. Иначе, тотчасъ же выйдетъ хаосъ, разладъ, ссоры, вредныя для обѣихъ сторонъ. Родные не могутъ держать себя такъ между собою.

Если покойный государь имѣлъ такой взглядъ, то неосновательно предположеніе, что онъ серьезно желалъ сдѣлать Константинополь съ окрестною областью государствомъ для младшей линіи своей династіи. Если-жь онъ имѣлъ это желаніе, все-таки было бы совершенно напрасно порицать его за такую наклонность, потому что онъ въ этомъ случаѣ раздѣлялъ бы мнѣніе почти всей публики всѣхъ націй и огромнѣйшаго большинства всѣхъ дипломатовъ, полагающихъ, что учрежденіе престола для младшей линіи не ослабляетъ, а усиливаетъ старшую линію и государство старшей линіи. Мнѣніе, раздѣляемое почти всѣми, нельзя ставить въ порицаніе никому, хотя бы оно было ошибочно. Но тѣмъ не менѣе, оно ошибочно. И если покойный государь раздѣлялъ его (это вовсе не доказано, — но для полноты разбора предположимъ и этотъ случай), то ошибался, и въ этомъ случаѣ истинно провинцательный европейскій правитель воспользовался бы его ошибкою, чтобы ослабить Россію предоставленіемъ ей мнимаго увеличенія силы. Теперь, итъ

сомнѣнія, что это въ послѣдствіи оказалось бы ослабленіемъ Россіи Но покойный государь все-таки не заслуживалъ бы порицанія за то, потому что на первое время и Россія, и Европа ошиблись бы подобно ему: предположили бы, что могущество Россіи увеличилось. То, что это не такъ, замѣтили бы лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Но каковы бы ни были существенныя, серьезныя желанія покойнаго государя относительно избранія государя для Константинополя и относительно протектората надъ другими новыми государствами въ предѣлахъ нынѣшней европейской Турціи,—желанія, которыхъ мы не можемъ опредѣлить съ достовѣрностью, потому что возможность выработаться въ опредѣленную форму была отнята у нихъ отказомъ англійскаго правительства начать объясненія,—и какъ бы ни была велика сдѣланная большинствомъ европейской и нашей публики несправедливость принимать первоначальный, черновой проэктъ за окончательную формулировку ихъ, я скажу, что была несправедливость еще болѣе важная и вредная для Европы и Россіи въ крикъ, поднявшемся тогда двумя разногласными хорами—однимъ у насъ, другимъ въ Европѣ. Оба разобранныя нами предположенія покойнаго государя сами по себѣ не имѣли бы силы поднять этого крика,—несравненно сильнѣе ихъ поддѣйствовало третье его предположеніе, замѣченное нами и Европою въ ихъ разговорахъ: онъ признался Сеймуру, что хочетъ присоединить всю европейскую Турцію къ Россіи. Это намѣреніе,—я долженъ сказать,—дѣйствительно могло и должно было ужаснуть Европу. Никакими аргументами не въ силахъ я доказать, что Европа не была права въ своемъ негодованіи на это намѣреніе. Тутъ не отобьешься никакими Вильгельмами третьими и испанскими вопросами. Никакими удѣльными системами и примѣрами изъ исторіи Наполеона не докажешь, что русская публика ошиблась, пашедши присоединеніе такихъ богатыхъ областей съ такими стратегическими и морскими позиціями, какъ Дарданеллы, Босфоръ, Константинополь громаднымъ увеличеніемъ средствъ Россіи ужасать Европу военнымъ могуществомъ. Но точно также я не въ силахъ доказывать, что большинство русской публики было несправедливо, подвергнувъ порицанію чрезвычайную неосторожность, сдѣланную открытіемъ такого намѣренія Европѣ: подобные замыслы не высказываются,—предупреждать о нихъ другія державы безразсудство.

Такъ. Я вполнѣ согласенъ. Только вотъ какая странность: Европа и большинство нашей публики прочли въ разговорахъ покойнаго государя съ Сеймуромъ относительно этого третьяго пункта вещь, которой вовсе, повидимому, не слѣдовало бы прочесть въ нихъ. Во-первыхъ, что же изъ европейской Турціи остается для присоединенія къ Россіи послѣ первыхъ двухъ пунктовъ? Кажется, ровно ничего. Первый пунктъ говорить: „вся европейская Турція до окрестностей Константинополя“,—второй пунктъ прибавляетъ: „и Константинополь съ его окрестностями“—должны имѣть своихъ особенныхъ государей,—кажется, ужъ ровно ничего не оставлено для присоединенія къ владѣніямъ русскаго государя. Кажется, можно бы довольно ясно рассмотреть это. Но мало того: покойный государь и прямо, положительно выразилъ свое твердое рѣшеніе, что границы самой Россіи не будутъ расширены, прибавилъ и причину такого своего рѣшенія: потому, что расширеніе ихъ было бы вредно ей. Съ того и

началь онъ. Выразить это въ самой безусловной формѣ было первую его заботою. Это и прописано у Сеймура какъ нельзя точнѣе.

Что-жь это такое, читатель? Читать „нѣтъ“ и воображать себя читающими „да“,—смотреть на слова „не хочу, не сдѣлаю“ и видѣть вмѣсто нихъ слова: „желаю и сдѣлаю“,—что-жь это такое, читатель?

Да, читатель: это такая штука, которая озадачить своею изумительностью человѣка, мало опытнаго въ наблюденіи того, что творится на бѣломъ свѣтѣ,— что творится на немъ людьми надъ самими собою.

Хоть бы заподозрили искренность покойнаго государя, хоть бы отвергли, какъ притворство, противоположное рѣшеніе его,—нѣтъ, всё возопили: „признался! признался!“—и вотъ ужъ подлинно возникъ „на горизонтѣ“ и европейской и нашей публики тотъ „куполъ Св. Софій“, о которомъ говоритъ Кинглейкъ. „Русскій царь сказалъ Сеймуру“—возопилъ одинъ хоръ и вознегодоваль; „нашъ царь сказалъ Сеймуру“—возопилъ другой хоръ, и возликоваль.

Что-жь это такое, читатель? Откуда взялся этотъ куполъ?—„нѣтъ купола, не будетъ купола, вреденъ былъ бы мнѣ куполъ“,—говоритъ человѣкъ, „ура! нашъ царь даетъ намъ куполъ!“—Къ оружію, братья, русскій царь сказалъ: беру себѣ куполъ,—не дадимъ ему купола! Aux armes, messieurs, mylords et gentlemens!“

Съ чего вы взяли ваше „ура“ и ваше aux armes? несчастные, несчастные люди!

Странный случай!—быть можетъ, хотите вы сказать, читатель,—нѣтъ, читатель: это очень обыкновенный въ исторіи случай: смотря на вещь, и видятъ не ту вещь, которая передъ глазами, а совершенно другую, чаще всего, вещь прямо противоположнаго характера, которую, казалось бы очень мудрено увидѣть человѣку, имѣющему глаза, потому что она вовсе не существуетъ. Но эту несуществующую вещь видятъ, а ту, которая передъ глазами, не видятъ, потому что смотря, замутивъ глаза или отъ страха, или для болѣе удобнаго созерцанія внутреннихъ своихъ видѣній, кажущихся болѣе пріятными или важными, чѣмъ факты. Мы уже встрѣчали на предыдущихъ страницахъ много примѣровъ такого способа созерцанія: всѣ партіи французской націи, отъ легитимистовъ до красныхъ, неукоснительно занимались имъ съ конца 1847 до конца 1851. Потомъ, мы читали, какъ англійская публика созерцала русскую націю. Какой пріятный вечеръ 4 декабря приготовили себѣ французы такимъ созерцаніемъ и какое прекрасное собраніе они устроили для себя, мы уже видѣли; потомъ увидимъ, что и англичане также извлекли для себя не малую пользу и пріятность изъ того же прекраснаго манера созерцанія. А далѣе, увидимъ, что и наша съ вами, читатель, русская публика не отстала отъ просвѣщеннѣйшихъ націй въ этомъ искусствѣ и также извлекла изъ него очень хорошую сумму отрады для русской націи, въ числѣ же ея и для себя самой.

У насъ привыкли все сваливать на правительство (эта манера издавна была въ модѣ и у французовъ). А мы, читатель, посмотримъ въ ходъ дѣла посоліднѣе,—и постараемся рекомендовать публикѣ другую манеру разсужде-

ня,—менѣе вкусную, но болѣе полезную. Эту методу мы вотъ и испробуемъ на Крымской войнѣ.

Когда возникла эта война, и оказалась для русской публики удивительная вещь, которой публика никакъ не ожидала, именно,—что война стоитъ большихъ денегъ, рѣкъ крови,—русская публика, изволите ли видѣть, полагала, что война есть милый парадъ, на который очень интересно любоваться,—когда торговля остановилась, все покупаемое стало дорожать, все продаваемое стало идти за безцѣнокъ, когда пошли усиленные рекрутскіе наборы, когда пришлось всѣмъ сидѣть безъ денегъ въ размышленіяхъ о родныхъ, страдающихъ или уже погибшихъ въ степяхъ и болотахъ театра войны, въ траншеяхъ и на бастіонахъ Севастополя, въ битвахъ, штурмахъ и лазаретахъ,—когда русская публика вкусила и раскусила что такое война,—русской публикѣ захотѣлось отыскать, кого порицать за эту войну и найти факты, на которыхъ можно бы основать порицаніе. Она вообразила, что нашла очень важный такой фактъ въ разговорахъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, и изволила сообразить, что именно эти-то вотъ разговоры виноваты въ войнѣ. Но она потрудилась не замѣтить одного обстоятельства, очень солиднаго: она сама прочла, а нѣсколько пораньше ея, Западная Европа прочла въ этихъ разговорахъ вовсе не то, что въ нихъ было. Если бы Западная Европа прочла то, что было въ нихъ: „купода нѣтъ“,—„расширять предѣлы не желаю, потому что расширение ихъ было бы вредно для Россіи“,—то Западная Европа не нашла бы въ этихъ разговорахъ никакой важной вредности для нея,—да и русская публика тоже не нашла бы причины ликовать по поводу ихъ до вкушенія плода отъ древа познанія войны, и порицать по вкушеніи его.

Какъ же произошло это обстоятельство? О, Боже мой, да очень просто: гораздо раньше, нежели покойный государь сталъ говорить въ Сеймуромъ,—гораздо раньше, нежели Сеймуръ явился посланникомъ въ резиденцію покойнаго государя, на разговоры покойнаго государя съ Сеймуромъ былъ уже готовъ комментарий,—Европа и русская публика прочла эти разговоры съ комментариемъ на нихъ, сочиненнымъ за-долго до нихъ,—и комментарий былъ такъ хорошъ,—достолюбезенъ для русской публики, грозенъ для Европы, что и наша публика и Европа имѣли полное право заняться исключительно комментариемъ, не устанывая вниманія разговоры. Кто же сочинилъ этотъ комментарий.—Да все то же самое достолюбезное огромное большинство русской публики. Съ тѣхъ поръ, какъ я помню себя, я слышалъ эту болтовню; съ тѣхъ поръ, какъ помнятъ себя самые старыя изъ людей, видѣнныхъ мною, они слышали эту болтовню; но говорятъ, что особенно распространилась она съ 20-тыхъ годовъ,—почти одновременно съ первою холерою, только не прошла, какъ холера, а все росла и крѣпилась; она постоянно шла и въ печатномъ словѣ, какъ въ изуственномъ; огромное большинство нашихъ писателей съ достопочтеннаго поэта Н. М. Карамзина, чувствительнаго русскаго путешественника, выказавшаго такую замѣчательную способность поѣздить по Франціи и пожить въ Парижѣ во время революціи, не замѣчая революціи, и такой великій талантъ государственнаго мужа въ своей милой запискѣ „о старой и новой Россіи“, гдѣ говорить, что всѣ бѣдствія Россіи

значительно смягчатся, если губернаторами будут назначаться исключительно люди изъ богатыхъ старинныхъ фамилій,—до автора стихотвореній о томъ, что враги Россіи не услышатъ „пѣснь обиды отъ лиры русскаго нѣвца“ (какой патріотизмъ-то, сообразите!) и о томъ, что врагамъ Россіи непонятна „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина („сіи скрижали“, по выраженію онаго поэта)—всѣ, кромѣ очень немногихъ, занимались при случаѣ тою же болтовнею, заимствованною изъ стариннаго гимна,—помните:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ;
Звучной славой украшайся.
Магомета ты потрѣсь,—

хотите-ли вы, напримѣръ, примѣръ болтовни Пушкина. — прочтите-ко его предисловіе къ „Путешествію въ Эрзерумъ“, да припомните, кстати, какъ у него даже сами эрзерумцы уже говорятъ, что русскіе скоро возьмутъ Константинополь:

Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ,
А завтра кованной пятой
Какъ змія спящаго раздавятъ.

Это была болтовня, читатель, — пустая болтовня, не больше, разсужденія Маниловыхъ о томъ, какъ они построятъ мостъ черезъ прудъ, и устроятъ на немъ лавки, — болтавшее огромное большинство русской публики и русскихъ писателей не намѣрено было пожертвовать не только ни одною каплею своей крови,—даже ни мѣднымъ грошемъ для этого дѣла; да оно и не воображало себѣ его какъ дѣло, или хоть какъ намѣреніе,—оно только болтало.—Да, это была только пустая, праздная, пошлая болтовня,—но вѣдь Европа не была обязана знать, что это пустая болтовня, она не имѣла права думать этого, она не имѣла права думать, что огромное большинство русскихъ писателей пшеть пустую, праздную болтовню, — огромное большинство русскаго образованнаго общества говоритъ пустую, праздную болтовню,—и когда она принималась за чтеніе разговоровъ покойнаго государя съ Сеймуромъ, у ней въ ухахъ звенѣло „Стамбулъ и Босфоръ“—„Стамбулъ и Босфоръ“,—у ней въ глазахъ темнѣло и рябѣло отъ этого звона въ ухахъ,—и передъ ея глазами тоже запестрѣло: „Стамбулъ и Босфоръ“.— Европа была права, читатель: свѣтъ не имѣетъ права предполагать, что большинство общества, называющаго себя представителемъ великой націи, состояло изъ Маниловыхъ, Собакевичей и Чичиковыхъ, съ преобладаніемъ Маниловыхъ по числу персонъ, Собакевичей по количеству денегъ въ шкапулкахъ,—Чичиковыхъ по житейской дѣятельности.

Она принимала это большинство публики и писателей за представителя русской націи, болтовню его за выраженіе чувствъ русской націи.—Мы съ вами, читатель, жестоко смѣялись надъ Кинглекомъ за то, въ какомъ видѣ представляются ему мысли и стремленія русской націи, — но читатель, онъ ошибается только въ томъ, что говоритъ „къ этому стремилась русская на-

ція“, — вмѣсто того, чтобы сказать: „этимъ празднословіемъ занималось большинство русской публики“.

Европа не могла разслышать словъ покойнаго государя, — не могла понять ихъ, — потому что большинство русской публики слишкомъ прозвонило ей уши этою болтовнею. А большинство русской публики и не замѣчало еще какъ громка эта его болтовня: оно не уважало себя, оно не понимало, что хоть оно Маниловы, Собакевичи и Чичиковы, — по преимуществу, Маниловы, — люди ничтожные, — что хоть они и сами себя считаютъ людьми ничтожными и презрѣнными, но что вѣдь они — въ глазахъ Европы — представители великой, мощной, честной, серьезной націи, — что потому, какъ ни слабъ и дряблъ самъ по себѣ, какъ ни дряпенъ и жидокъ голосъ ихъ, онъ звучитъ во вселенной съ серьезною силою громового голоса русской націи.

Оглушая Европу, русская публика сама почти не слышала своего голоса. Но вотъ, — Европа вынуждена была сказать „я ужасаюсь этого голоса“ — русская публика услышала это „вотъ что! такъ мы дѣйствительно хотимъ взять Константинополь? — Ай-да мы! молодцы!“ и удивилась, и восхитилась, и расхрабрилась, и ужъ точно, раскричалась: прошу читателя вспомнить, что писали почти все русскіе писатели и чему сочувствовали почти все русскіе читатели отъ начала серьезной распри до появленія союзныхъ флотовъ на Черномъ морѣ и передъ Кронштадтомъ: „всю европейскую Турцію присоединимъ къ Россіи“ — Это твердилось тогда почти всеми писателями. А почти все читатели восхищались этими умными словами и очень многіе изъ читателей комментировали ихъ въ разговорахъ еще умнѣе: „шапками закидаемъ англо-французишковъ! идемъ на Парижъ!“ — не знаю, какъ вы, читатель, а я имѣлъ удовольствіе слышать это собственными ушами, — и хоть бы отъ людей полуграмотныхъ: нѣтъ, отъ людей, недурно судившихъ объ оперѣ и Шекспирѣ, — и хоть бы отъ юныхъ прапорщиковъ: нѣтъ, отъ людей пожилыхъ, новидимому солидныхъ, имѣвшихъ чины отъ надворнаго до статскаго совѣтника, — вѣроятно, и повыше, но я не встрѣчался тогда съ лицами болѣе высокихъ чиновъ, потому лично не могу свидѣтельствовать о нихъ ничего, — и хоть бы пьяны были почтенные и солидные закидыватели шапками, когда говорили это: нѣтъ, они рассуждали такимъ манеромъ въ трезвомъ видѣ.

Вы знаете, читатель, какимъ другимъ пошлымъ хоромъ смѣнился этотъ хоръ, когда грянулъ Севастопольскій громъ, когда союзный флотъ ходилъ мимо Кронштадта и строились батареи въ предместьяхъ Петербурга. — вы знаете, какимъ малодушнымъ уныніемъ затряслись эти храбрецы, и какъ они на-поваль язли въ своихъ низкихъ разговорахъ всехъ и все, — отъ покойнаго государя до послѣдняго солдата, отъ правительственныхъ дѣйствій до кремневыхъ замковъ нашихъ тогдашнихъ ружей, — это былъ шопоть такой же гнусный, какъ прежній крикъ, — и столь же убійственный для русской націи: крикъ накликалъ на насъ врага. шопоть смущалъ истинныхъ представителей націи, такъ что они не могли отступить и сказать врагу „миримся“, — шопоть мѣшалъ миру, — мириться при такомъ шопотѣ было бы трусостью.

Такъ ли читатель? Кто же пролилъ рѣки крови? Кто раззорилъ весь югъ Россіи, истоцилъ силы всѣхъ остальныхъ частей Россіи? — Кто? — О, если бы совѣсть и факты позволяли думать: „покойный государь“ — какъ это было бы хорошо для Россіи! Покойный государь уже давно умеръ, и мы могли бы не опасаться за будущее; — хорошо было бы для Россіи, если бы совѣсть и факты позволяли сказать хоть: „ну, если не покойный государь, то наше правительство“ — и это было бы успокоительно: министры мѣняются, посланники мѣняются, генералы мѣняются, — тогда были Нессельроде, Меньшиковъ, Паскевичъ, Горчаковъ, — теперь, всѣ они сошли со сцены, — черезъ двадцать, тридцать лѣтъ не останется на сценѣ и никого изъ тогдашнихъ сановниковъ: вѣдь они и тогда были люди ужъ немолодыхъ лѣтъ, — устануть, одряхлѣють. выйдутъ въ отставку, — значить если бы они были виноваты, всякая опасность уже почти прошла бы, скоро и вовсе прошла бы. Но, читатель, плохо, очень плохо то, что ни покойный государь, ни правительство не виноваты въ Севастопольской войнѣ. Это очень, очень плохо. Большинство публики — вѣдь это персона безсмертная, не удаляющаяся въ отставку, — нѣтъ никакой надежды чтобы эта персона, устроившая крымскую войну, перестала быть представительницею русской націи и имѣть громадное вліяніе на ея судьбу. Есть одна надежда: эта безсмертная, не дряхлѣющая персона очень, очень молода и неопытна. Она научится, она станетъ опытнѣе, разсудительнѣе. Это несомнѣнно, — это не надежда, это математическая достовѣрность. Надежда — надежда еще лучше, но за то только надежда, а не полная несомнѣнность: надежда-то, эта персона довольно скоро станетъ опытнѣе и разсудительнѣе.

Тогда, эта стотысяче-головая персона будетъ дѣйствовать и говорить съ пользою для русской націи. А теперь, ей надобно учиться. — вотъ, мы и старались показать, — какъ вредно стало для нея и для націи, что она не уважала себя и по неуваженію къ себѣ занималась пустою болтовнею. Теперь, мы будемъ смотрѣть, какъ эта персона, достолюбезная масса русскаго просвѣщеннаго общества, стала отличатся тогда, когда изъ ея глубокой болтовни стали выходить уже серьезныя опасности столкновенія съ западными державами изъ-за ея „глазки и лапки, Стамбуль и Босфоръ, Стамбуль и Босфоръ, глазки и лапки“. Тутъ она отличилась еще умнѣе и благороднѣе прежняго, — она стала, изволите видѣть, восхищаться новопоявившимся въ ней талантомъ, потѣшаться въ своемъ шушуканьи надъ дѣйствіями ея правительства: оно, изволите видѣть, казалось ей очень забавно, потому что не дѣйствовало съ такою храбростію, какою была одушевлена чешущая свои сотни тысячъ языковъ достолюбезная персона. Она и почесывала эти языки въ темныхъ своихъ шушуканьяхъ такимъ манеромъ, что дескать наше правительство трусить — ха, ха, ха! — а я вотъ какъ поступила бы, — вотъ мы и посмотримъ, было ли за что шушукать „правительство трусить“ и умно ли предполагала поступить храбрая шушукующая персона.

6 сентября
1863.

